

Именно такой
и должна быть фэнтези...
Книги Робин Хобб —
алмазы в залежах
цирконов.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН,
автор «Игры престолов»

Грандсвия Убийцы

САГА
О ВИДЯЩИХ
Книга 3

РОБИН ХОББ

Мир Элдерлингов

Робин Хобб

Странствия убийцы

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Хобб Р.

Странствия убийцы / Р. Хобб — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (Мир Элдерлингов)

ISBN 978-5-389-12886-6

Фитц Чивэл, королевский убийца, возвращается к жизни. Перед ним стоят две задачи — отомстить Регалу, ценой предательства захватившему власть в Шести Герцогствах, и отыскать Верити, законного наследника престола. Фитц отправляется в долгий и опасный путь в Горное Королевство.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-12886-6

© Хобб Р., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	52
Глава 5	66
Глава 6	83
Глава 7	95
Глава 8	108
Глава 9	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Робин Хобб

Странствия убийцы

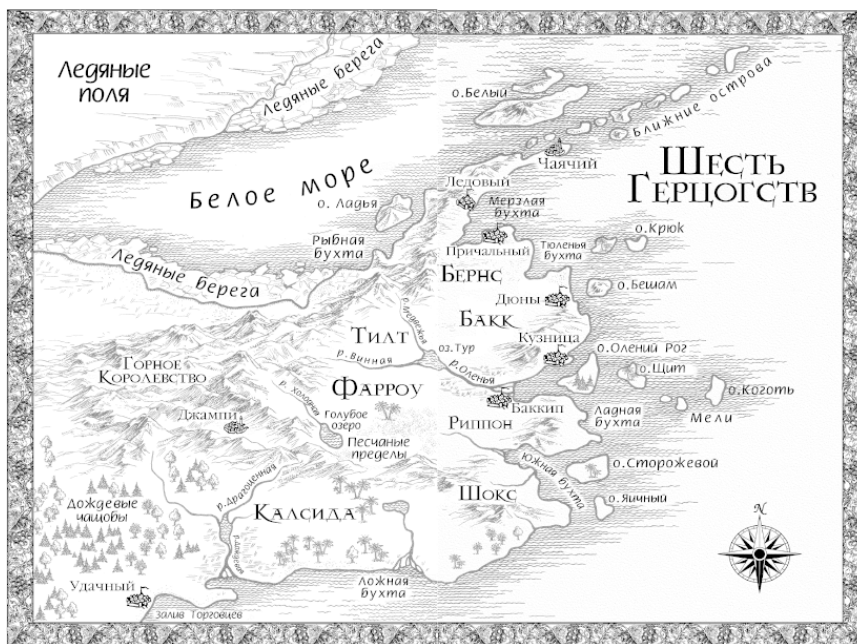
Они вернули мне человеческий облик, заставили вспомнить, что значит иметь короля и быть связанным клятвой. До сего дня я не знаю, благодарен ли им за это. Может быть, нельзя говорить ни о благодарности, ни об упреках, а только о могущественных силах, которые неумолимо распоряжаются нашими судьбами.

© М. Юнгер, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Память и забвение

Каждое утро я просыпаюсь с пятнами чернил на руках. Порой я обнаруживаю, что сижу, уткнувшись лицом в стол с грудями бумаг и свитков. Мой мальчик, когда приносит завтрак, иногда упрекает меня за то, что я так и не лег в постель накануне. А порой он лишь молча смотрит мне в глаза. Я не пытаюсь объяснить ему свои поступки. Для юного сердца это останется тайной. Со временем он все поймет сам.

Теперь я знаю: у каждого человека должна быть цель в жизни. Чтобы понять это, мне потребовалось два десятка лет. Впрочем, уж в этом-то я не одинок. Тем не менее урок, раз выученный, запечатлелся в моей памяти навсегда. И теперь, когда у меня осталась лишь моя боль, я нашел себе цель, обратившись к делу, о котором давно просили и леди Пейшенс, и писец Федврэн. Я взялся за перо, пытаюсь изложить связную историю Шести Герцогств, но обнаружил, что не могу подолгу сосредоточиваться на одной теме и поэтому развлекаюсь маленькими отступлениями. Я пишу о моей теории магии, о политике, размышляю о других культурах. Когда мне становится совсем плохо и мысли начинают путаться, я работаю над переводами или делаю четкие копии старых документов. Я стараюсь занять свои руки и тем самым отвлечься от гнетущих мыслей.

Моя работа служит мне, как составление карт некогда служило Верити. Когда человек поглощен важным делом, он забывает и пагубную зависимость, и страдания, которые приносит отказ от нее. Он может погрузиться в работу и забыть о себе. Или, напротив, в его памяти всплывает множество воспоминаний. Слишком часто я замечал, что вместо истории герцогств излагаю историю Фитца Чивэла. Потому что воспоминания оставляют меня наедине с тем, кем я когда-то был, и тем, кем я стал.

Удивительно, сколько подробностей всплывает в памяти человека, глубоко погруженного в изложение каких-либо событий. Не все мои воспоминания причиняют боль. У меня были друзья, и они оказались гораздо надежнее, чем я мог предположить. Я познал любовь и радость, которые испытывали силу моего духа точно так же, как боль и горести. И все же, я думаю, на мою долю выпало намного больше страданий, чем на долю других. Не многие могут вспомнить собственную смерть в темнице или внутренность гроба, погребенного под снегом. Сознание уходит от деталей таких событий. Одно дело просто вспоминать, что Регал убил меня. Другое – сосредоточиваться на подробностях дней и ночей, в течение которых он морил меня голодом, а потом приказывал избивать до смерти. Когда я это вспоминаю, то, несмотря на все прошедшие годы, сердце мое леденеет. Я почти вижу глаза человека и слышу звук, с которым его кулак сломал мой нос. Во сне я все еще возвращаюсь в темницу и снова сражаюсь за то, чтобы остаться на ногах, стараюсь не думать о том, что хочу совершить последнюю попытку убить Регала. Я снова ощущаю его удар, рассекший кожу и оставивший на моем лице шрам, который я ношу до сих пор.

Я никогда не прошу себе, что, приняв смертельный яд, позволил Регалу почувствовать себя победителем.

Но самую сильную боль причиняют мне воспоминания о тех, кого я потерял навсегда. Когда Регал убил меня, я умер. Никто больше не знал меня как Фитца Чивэла, я никогда не восстанавливал связей с друзьями из Баккипа, которых знал с шестилетнего возраста. Я никогда больше не бывал в Оленьем замке, не прислуживал леди Пейшенс и не сидел на камнях очага у ног Чейда. Ниточки жизней, переплетенные некогда с моими, оказались разорваны. Некоторые из близких мне людей умерли, некоторые женились; рождались и выросли дети – но ничего из этого я не видел. Хотя прошло много лет и я уже не тот здоровый молодой чело-

век, каким был когда-то, многие из моих прежних друзей живы. Иногда мне все еще хочется посмотреть на них и коснуться их рук, чтобы избавиться от многолетнего одиночества.

Я не могу.

Все эти годы их жизни потеряны для меня, так же как и все будущее. Я потерял их в тот период – немногим больше месяца, но показавшийся мне бесконечным, – когда был заключен в темнице, а потом в гробу. Мой король умер у меня на руках, но я не видел, как он был похоронен. Я не присутствовал на совете после моей смерти, где меня признали виновным в использовании магии Дара и заслуживающим той участи, которая меня постигла. Пейшенс пришла к Регалу и потребовала, чтобы он отдал ей мое тело. Жена моего отца, некогда так потрясенная тем, что он зачал бастарда до их свадьбы, забрала меня из подвала. Ее руки омыли мое тело для погребения, распрямили суставы и завернули его в саван. Странно, но эксцентричная леди Пейшенс так бережно перевязала мои раны, будто я все еще был жив. Она распорядилась вырыть мне могилу и проследила за тем, как в нее опустили гроб. Она и Лейси, ее служанка, оплакивали меня, когда все остальные – кто из страха, кто из отвращения к моему преступлению – меня покинули.

Тем не менее она ничего не узнала о том, как Баррич и Чейд, мой учитель-убийца, несколькими ночами позже пришли к месту погребения, разрыли снег и сбили комья земли с крышки моего гроба. Один лишь Чейд видел, как Баррич вытащил мое тело, а потом использовал Дар и вызвал волка, которому было доверено хранить мою душу. Они вырвали ее у волка и заточили назад, в мое разбитое тело. Они вернули мне человеческий облик, заставили вспомнить, что значит иметь короля и быть связанным клятвой. До сего дня я не знаю, благодарен ли им за это. Может быть, как считает шут, у них не было выбора. Может быть, нельзя говорить ни о благодарности, ни об упреках, а только о могущественных силах, которые неумолимо распоряжаются нашими судьбами.

Глава 1

Рождение в могиле

В Калсиде держат рабов. В этой стране они выполняют тяжелую работу. Это шахтеры, рабочие на мехах, гребцы на галерах, мусорики, пахари и проститутки. Как ни странно, рабы также нячат и учат детей, готовят обеды и великолепно строят корабли. Своей высокой цивилизацией – от великих библиотек Дженпа до легендарных фонтанов и купален Синджона – Калсида обязана рабам.

Торговцы Удачного являются главным источником рабов. В свое время невольниками становились захваченные на войне пленные, и до сих пор в Калсиде официально утверждают, что это так. Однако в последние годы войны уже не могут обеспечить нужное количество образованных рабов. Поэтому торговцам живым товаром приходится изыскивать другие способы их приобретения, в связи с чем часто говорят о дерзком пиратстве в заливе Купцов. Впрочем, рабовладельцы в Калсиде не очень интересуются тем, откуда рабы поступают, лишь бы они были здоровы.

В Шести Герцогствах рабство так и не прижилось. Человек, совершивший преступление, обязан служить тому, кому нанес ущерб, но не до конца жизни, а определенный срок. И в глазах людей он является не рабом, а лишь человеком, выплачивающим долг. Если преступление слишком ужасно, чтобы его можно было искупить трудом, виновный расплачивается жизнью. По законам Шести Герцогств невозможно обратить человека в рабство либо же привести с собой рабов из другой страны и, поселившись здесь, оставить их в неволе. По этой причине многие рабы из Калсиды, обретя тем или иным путем свободу, часто ищут прибежища в Шести Герцогствах.

Они приносят с собой традиции и фольклор своей далекой родины. Одна такая история, которую я запомнил, рассказывает о девушке, наделенной Даром, что на языке Калсиды называется «веччи». Она хотела оставить дом своих родителей, чтобы последовать за возлюбленным и стать его женой. Но родители сочли, что он недостойн ее руки, и отказались дать разрешение на брак. Они не позволили ей уйти, а девушка была слишком послушной дочерью, чтобы перечить воле родителей. И в то же время она была слишком пылко влюблена, чтобы жить без своего избранника. Она слегла и вскоре умерла от горя. Родители похоронили ее, рыдая и упрекая себя за то, что не позволили ей последовать велению своего сердца. Но тайне от них девушка была связана Даром с медведицей. И когда девушка умерла, медведица удержала ее дух, чтобы он не покинул этот мир. Через три ночи после того, как девушку похоронили, медведица раскопала могилу и вернула дух девушки в ее тело. Девушка восстала из гроба другим человеком, не имеющим никакого долга перед родителями. Она оставила разбитый гроб и ушла искать возлюбленного. У этой истории грустный конец, потому что, пробив несколько дней после смерти медведицей, девушка так и не смогла снова стать человеком и ее избранник отказался от нее.

Но у Баррича не было другого способа освободить меня из тюрьмы принца Регала. Зная о моей связи через Дар с Ночным Волком, он заставил меня принять яд.

Комната была слишком жаркой. И слишком маленькой. Я тяжело и часто дышал, но это не приносило облегчения. Встав из-за стола, я подошел к ведру с водой в углу, снял крышку и напился. Сердце Стаи поднял глаза и оскалился:

– Пользуйся чашкой, Фитц.

Я не сводил с него глаз. Вода бежала по моему подбородку.

– Вытри лицо.

Сердце Стаи посмотрел на собственные руки. На них был жир. Он втирал этот жир в какие-то ленты. Я принюхался и облизал губы:

– Есть хочу.

– Сядь и закончи работу. Тогда мы поедим.

Я попытался понять, чего он хочет от меня. Он показал рукой на стол, и я вспомнил. Много кожаных лент на моем конце стола. Я вернулся и сел на твердый стул.

– Я хочу есть сейчас, – объяснил я.

Сердце Стаи посмотрел на меня, и это был не взгляд, а оскал, хоть он и не показал зубов. Сердце Стаи умеет скалиться глазами. Я вздохнул. Жир у него на руках пах очень хорошо. Я сглотнул, потом посмотрел на кожаные ленты и кусочки металла, лежавшие на столе передо мной. Я не знал, что с ними делать. Сердце Стаи положил свои ленты и вытер руки тряпкой. Он подошел и остановился рядом со мной, так что я должен был повернуться, чтобы видеть его.

– Вот, – сказал он, коснувшись кожи передо мной. – Ты чинил это здесь.

Он стоял надо мной, пока я не взял кожу. Я нагнулся и понюхал ее, а он ударил меня по плечу.

– Не делай этого!

Мои губы приподнялись, но я не оскалился. Если на него скалиться, он делается очень-очень сердитым. Некоторое время я держал ленты. Потом получилось так, как будто мои руки вспомнили что-то, чего уже не помнил мой разум. Я смотрел, как мои пальцы работают с кожей. Когда дело было сделано, я поднял сбрую и сильно потянул, чтобы показать, что она выдержит, даже если лошадь откинет голову.

– Но здесь нет лошади, – вспомнил я. – Лошадей больше нет.

Брат!

Я иду.

Я встал со стула и пошел к двери.

– Вернись и сядь, – велел Сердце Стаи.

Ночной Волк ждет, сказал я ему.

Потом я подумал, что он не может меня слышать. То есть он смог бы, если бы попробовал, но он не хотел пробовать. Я знал, что, если я снова заговорю с ним так, он *толкнет* меня. Он не разрешает мне общаться таким образом с Ночным Волком. Он даже *толкает* Ночного Волка, если тот слишком много разговаривает со мной. Это кажется очень странным.

– Ночной Волк ждет, – сказал я вслух.

– Я знаю.

– Сейчас хорошее время для охоты.

– И еще лучшее время, чтобы оставаться здесь. У меня есть для тебя еда.

– Мы с Ночным Волком можем найти свежее мясо.

Я проглотил слюну, подумав об этом. Разорванный кролик, еще теплое, дымящееся зимней ночью мясо – вот чего я хотел.

– Ночному Волку придется охотиться одному этой ночью, – сказал Сердце Стаи.

Он подошел к окну и чуть-чуть приоткрыл ставни. Холодный воздух ворвался внутрь. Я чуял Ночного Волка, а еще дальше – снежную кошку. Ночной Волк заскулил.

– Уходи! – приказал ему Сердце Стаи. – Уходи сейчас же, иди охотиться. У меня здесь не хватит еды для тебя.

Ночной Волк скрылся в тень, подальше от света, который падал из окна. Но он не отошел далеко. Он ждал меня, но я знал, что он не станет ждать долго. Как и я, он был голоден.

Сердце Стаи подошел к огню, от которого в комнате было слишком жарко. Там стоял котел, и Сердце Стаи отодвинул его от огня и снял крышку. Оттуда вырвался пар, а вместе с ним запахи. Зерно и корни, и немного мяса, совсем вываренного. Но я был так голоден, что

принюхался и начал скулить. Сердце Стаи снова оскалился, поэтому я вернулся на твердый стул, сел и стал ждать.

Ожидание заняло очень много времени. Сначала он убрал со стола всю кожу и повесил ее на крюк. Потом унес горшок с жиром и принес горячий котелок. Затем поставил две миски и две чашки и наполнил чашки водой. Он положил на стол нож и две ложки. После этого достал из буфета хлеб и маленький горшок с джемом. Он поставил передо мной миску с рагу, но я знал, что прикасаться к еде нельзя. Я не должен есть, пока он не отрежет кусок хлеба и не даст мне. Держать хлеб можно, но откусить от него нельзя, пока Сердце Стаи тоже не усядется за стол со своим хлебом и рагу.

– Возьми ложку, – напомнил он мне.

Потом он медленно опустился на стул, прямо напротив меня.

Я держал ложку и хлеб и ждал, ждал, ждал, не отводя от него глаз, но не мог удержаться, чтобы не шевелить ртом. Это рассердило его. Я тут же закрыл рот. Наконец он сказал:

– Теперь поедим.

Но ожидание на этом не закончилось. Мне было позволено откусить один раз. Это надо было разжевать и проглотить, прежде чем я возьму еще, а иначе Сердце Стаи ударил бы меня, и я мог подцепить ровно столько рагу, сколько помещалось в ложке. Я поднял чашку и попил из нее. Он улыбнулся мне:

– Хорошо, Фитц. Хороший мальчик.

Я улыбнулся в ответ, но потом откусил слишком большой кусок хлеба, и Сердце Стаи нахмурился. Я старался жевать медленно, но был очень голоден, а еда стояла прямо передо мной, и я не понимал, почему он не может позволить мне просто быстро проглотить ее. Я ел очень долго. Он нарочно сделал рагу очень горячим, чтобы я обжег рот, если возьму слишком много. Некоторое время я думал об этом. Потом сказал:

– Ты нарочно сделал еду слишком горячей. Чтобы я обжегся, если буду есть ее быстро.

Он снова медленно улыбнулся и кивнул мне. Я все равно закончил есть раньше его. Я должен был сидеть на твердом стуле, пока он не доест.

– Что ж, Фитц... – произнес он наконец. – Неплохой денек выдался, а, мальчик?

Я смотрел на него.

– Скажи что-нибудь в ответ, – велел он.

– Что? – спросил я.

– Что угодно.

– Что угодно.

Он сердито посмотрел на меня, и мне захотелось оскалиться, потому что я сделал то, что он велел. Через некоторое время он встал, достал бутылку, потом налил что-то в свою чашку и протянул ее мне.

– Хочешь немного?

Я отпрянул. Даже запах этого напитка жег мои ноздри.

– Ты так и не ответил, – напомнил он.

– Нет. Это плохая вода.

– Нет. Это плохой бренди. Черносмородиновый бренди, очень дешевый. Я терпеть его не мог, а ты любил.

Я фыркнул:

– Мы никогда не любили его.

Он поставил бутылку и чашку на стол, встал, пошел к окну и снова открыл его.

– Иди охотиться, я сказал!

Я почувствовал, как Ночной Волк подпрыгнул и убежал. Ночной Волк боится Сердца Стаи, так же как и я. Один раз я напал на Сердце Стаи. Я долго болел, но потом поправился и хотел пойти на охоту, а он не пускал меня. Он стоял перед дверью, и я прыгнул на него. Удар

его кулака сбил меня с ног. Он не сильнее меня, но злее и умнее. И знает много способов, как заставить подчиниться себе, и большинство из них болезненные. Я лежал на спине, а мое горло было открыто его зубам долгое, долгое время. Каждый раз, когда я шевелился, он бил меня. Ночной Волк рычал снаружи, но не слишком близко к двери и не пытался проникнуть внутрь. Когда я заскулил, прося пощады, Сердце Стаи ударил меня снова.

– Молчи! – приказал он.

Когда я замолчал, он сказал мне:

– Ты младше. Я старше и знаю больше. Я дерусь лучше тебя и охочусь лучше тебя. Я во всем выше тебя. Ты будешь делать все, что я захочу, все, что я тебе прикажу. Ты понял?

Да, сказал я ему. *Да, да. Это стая. Я понял, я понял.*

Но он снова ударил меня и держал на полу, показывая зубы, пока я не сказал ему вслух:

– Да. Я понял.

Когда Сердце Стаи вернулся к столу, он налил бренди в мою чашку и поставил ее перед моим носом. Я фыркнул.

– Попробуй это, – убеждал он меня, – хоть чуть-чуть. Раньше тебе нравилось. Ты пил это в городе, когда был моложе и не должен был ходить в таверны без меня. А потом жевал мяту и думал, я не узнаю, что ты делал.

Я покачал головой:

– Я бы не сделал того, чего ты мне не велел. Я понимал.

Он издал звук, как будто подавился, и чихнул.

– О, раньше ты очень часто делал то, чего я тебе не велел. Очень часто.

Я снова покачал головой:

– Не помню.

– Пока нет. Но вспомнишь. – Он снова указал на бренди. – Попробуй. Самую малость. Это может тебе понравиться.

И поскольку он велел мне, я попробовал. Бренди обжег мой рот и нос, и я долго не мог избавиться от его вкуса. Я вылил то, что оставалось в чашке.

– Что ж. То-то Пейшенс была бы довольна! – только и сказал Сердце Стаи.

А потом он заставил меня взять тряпку и убрать то, что я разлил, вымыть тарелки и вытереть их досуха.

Иногда я дрожал и летел вниз. Причины этому не было. Сердце Стаи пытался удержать меня. Иногда эта дрожь заставляла меня заснуть, а когда я просыпался, у меня все болело, и грудь и спина. Иногда я прикусывал язык. Мне это не нравилось, и это пугало Ночного Волка.

А иногда с Ночным Волком и со мной бывал кто-то еще. Он вторгался в наши мысли. Очень, очень маленький, но он был с нами, и мне это не нравилось. Я никогда не хотел быть ни с кем, кроме Ночного Волка. Он знал это и старался стать таким крошечным, что большую часть времени я его не замечал.

Позже пришел человек.

– Идет человек, – сказал я Сердцу Стаи.

Огонь почти погас, и мы сидели в полумраке. За окном тоже было темно, и лучшее время для охоты уже миновало. Скоро Сердце Стаи велит нам спать.

Он не ответил мне, быстро и бесшумно встал и взял большой нож, который всегда лежал на столе. Сделав мне знак отойти в угол с его дороги, он подошел к двери и стал ждать. Я слышал, как снаружи человек идет по снегу. Потом я почуял его.

– Это Седой, – сказал я. – Чейд.

Тогда он очень быстро открыл дверь, и Седой вошел. Я чихнул от его запахов. Порошок из сухих листьев, вот чем он всегда пах, и разными дымами. Седой был худым и старым, но

Сердце Стаи всегда вел себя с ним так, как будто Чейд был жожаком. Сердце Стаи подкинул в огонь дров, и в комнате сразу стало светлее и жарче. Седой откинул капюшон и некоторое время смотрел на меня своими светлыми глазами, как будто чего-то ждал. Потом он заговорил с Сердцем Стаи:

– Как он? Лучше?

Сердце Стаи пошевелил плечами:

– Когда он унюхал вас, то назвал ваше имя. Целую неделю не было припадков, а три дня назад он занимался починкой сбруи. И хорошо поработал.

– Не пытается больше жевать кожу?

– Нет. По крайней мере, когда я слежу за ним. Кроме того, это работа, которую он знает очень хорошо, и она может пробудить в нем какие-нибудь воспоминания. – Сердце Стаи коротко хохотнул. – На худой конец, починкой сбруи можно неплохо заработать.

Седой подошел к огню и протянул к нему руки, которые были все в пятнах. Сердце Стаи достал бутылку, и они налили бренди в чашки. Он заставил меня держать чашку с бренди, но не приказывал пробовать его. Они говорили долго-долго о вещах, которые не имели никакого отношения к еде, сну или охоте. Седой слышал что-то о некой женщине. Это может объединить герцогства, утверждал он. Сердце Стаи сказал:

– Не буду говорить об этом в присутствии Фитца. Я обещал.

Седой спросил его, неужели он думает, что я понимаю. А Сердце Стаи ответил, что это не важно, он дал слово. Я хотел спать, но они заставили меня сидеть с ними. Когда старик собрался уходить, Сердце Стаи сказал:

– Для вас очень опасно приходить сюда. И такой долгий путь! Вы сможете добраться до дома?

Седой улыбнулся:

– У меня есть свои пути, Баррич.

Я тоже улыбнулся, вспомнив, что он всегда гордился своими тайнами.

В один прекрасный день Сердце Стаи ушел и оставил меня одного. Он не стал привязывать меня, а только сказал:

– Здесь немного овса. Если захочешь есть, пока меня не будет, тебе придется вспомнить, как его приготовить. Если ты выйдешь, даже если ты только откроешь дверь или окно, я узнаю об этом. И убью тебя. Ты понял?

– Да.

Похоже, он очень сердится на меня, но я не мог вспомнить, чтобы я делал что-то такое, чего он не велел. Он открыл ящик и достал из него вещи. По большей части это были металлические кружки. Монеты. Одну вещь я помнил. Она была блестящая и изогнутая, как месяц. И она пахла кровью, когда досталась мне. Я сражался за нее с другим, но не помню, что хотел ее получить. Тем не менее я сражался и победил. Теперь она мне не нужна. Он поднял ее, чтобы посмотреть, потом положил в кошелек. Мне было все равно, когда он ее унес.

Я очень-очень проголодался, пока его не было. Когда он вернулся, мой нос почуял незнакомый запах. Запах женщины. Несильный и смешанный с запахами луга. Но это был приятный запах, и от него чего-то хотелось – чего-то, что не было едой, водой или охотой. Я подошел к Сердцу Стаи и принюхался, но он этого не заметил. Он сварил кашу, и мы поели. А потом он сидел у огня и был очень, очень грустный. Я достал бутылку с бренди и принес ее ему вместе с чашкой. Он взял их у меня, но не улыбнулся.

– Может быть, завтра я научу тебя прислуживать, – сказал он, – может быть, хоть этому ты научишься.

После этого он выпил весь бренди из бутылки и открыл вторую, а я сидел и смотрел на него. Когда он лег спать, я взял его плащ с остатками запаха, положил его на пол и лег, и нюхал, пока не заснул.

Мне привиделся сон, но в нем не было смысла. Снилось женщина, которая пахла как плащ Баррича, и я не хотел, чтобы она уходила. Это была моя женщина, но, когда она ушла, я за ней не побежал. Больше я ничего не смог вспомнить. Но я пытался, и от этого было так же плохо, как когда хочется есть или пить.

Он держал меня в комнате долгое, долгое время, и все, чего я хотел, – это выйти. Но потом пошел дождь, очень сильный, такой сильный, что почти весь снег растаял. Внезапно мне показалось, что я не хочу выходить.

– Баррич, – сказал я, и он быстро посмотрел на меня.

Я подумал, что сейчас он меня укусит, так стремительно он повернулся. Я постарался не съежиться, потому что он иногда сердился, когда я сжимался в комок.

– Что, Фитц? – спросил он, и его голос был ласковым.

– Я хочу есть. Сейчас.

Он дал мне мяса, вареного, зато большой кусок. Я ел его с жадностью, а Сердце Стаи смотрел на меня, но не прикрикнул и не стукнул меня за это.

Под бородой мое лицо чесалось. В конце концов я пошел, встал перед Барричем и начал скрести лицо перед ним.

– Мне это не нравится, – сказал я ему.

Он выглядел удивленным, но дал мне горячую воду, мыло и острый нож, потом протянул круглое стекло с человеком внутри. Я смотрел туда очень долго и задрожал. Его глаза были как у Баррича, только еще темнее. Не волчьи глаза. Его шкура была тоже как у Баррича, но на подбородке торчали неровные и грубые волосы. Я потрогал свою бороду и увидел свои пальцы на лице этого человека. Это было странно.

– Брейся, но будь осторожен, – предупредил Баррич.

Я не мог вспомнить, как это делается. Запах мыла, горячая вода на моем лице. Но острое лезвие оставляло маленькие порезы, которые жгли кожу и кровоточили. Я посмотрел на человека в круглом стекле и вдруг подумал: «Фитц. Почти как Фитц».

– У меня идет кровь, – сообщил я Барричу.

Он засмеялся:

– У тебя всегда шла кровь после бритья. Вечно ты куда-то спешишь.

Он отобрал у меня нож.

– Сиди тихо, – сказал он мне. – Ты пропустил некоторые места.

Я сидел очень тихо, и он не порезал меня. Было трудно сидеть неподвижно, когда он подошел ко мне так близко. Закончив, он приподнял мой подбородок и пристально посмотрел на меня.

– Фитц, – сказал он и улыбнулся, но потом улыбка погасла, потому что я просто смотрел на него.

Он дал мне щетку.

– Тут нет лошади, чтобы чистить, – удивился я.

Сердце Стаи вдруг стал почти довольным.

– Причешись, – сказал он и взъерошил мои волосы.

Он заставил меня приглаживать их, пока они не легли ровно. В некоторых местах к моей голове было больно прикоснуться. Баррич нахмурился, когда увидел, что я вздрагиваю. Он забрал щетку и велел стоять смирно, пока смотрел и ощупывал мою голову.

– Ублюдок! – выругался он и, когда я сжался, добавил: – Не ты.

Он молча покачал головой и потрепал меня по плечу:

– Боль уйдет со временем.

Он показал мне, как зачесать волосы назад, и завязал их кожаным шнурком. Они уже были достаточно длинные.

– Так-то лучше, – сказал он. – Теперь ты стал похож на человека.

Я проснулся, извиваясь и повизгивая. Сердце Стаи подошел ко мне:

– Что случилось, Фитц? С тобой все в порядке?

– Он забрал меня у моей матери! – плакал я. – Он забрал меня у нее! Я был слишком молод, чтобы уходить от нее.

– Я знаю, знаю, но это было давно. Теперь ты здесь и в безопасности. – Он выглядел почти испуганным.

– Он пустил дым в логово, – продолжал я, – убил мою мать и братьев и взял их шкуры.

Лицо его изменилось, и голос больше не был добрым:

– Нет, Фитц, это была не твоя мать. Это был сон волка. Ночного Волка. Это могло случиться с Ночным Волком. Но не с тобой.

– Нет, случилось! – Я рассердился. – Случилось! И я чувствовал то же самое. То же самое!

Я слез с кровати и стал ходить по комнате, и ходил долго, долго, но потом все же успокоился. Баррич сидел и смотрел на меня. Он выпил очень много бренди, пока я ходил.

Однажды весной я стоял и смотрел в окно. Мир казался ожившим и новым. Я потянулся и услышал, как мои кости щелкают.

– Хорошее утро, чтобы прокатиться верхом.

Я повернулся и посмотрел на Баррича, который мешал кашу в котле над огнем. Он подошел и встал рядом со мной.

– В горах все еще зима, – промолвил он тихо. – Интересно, добралась ли Кетриккен до дома?

– Если нет, это не вина Уголька, – заметил я.

И вдруг внутри меня что-то перевернулось, и мне стало так больно, что я не мог отдышаться. Я пытался понять, что же это, но оно убегало от меня, и я не мог догнать его, но знал, что должен за этим охотиться. Это было все равно что охотиться на медведя. Когда я подошел к этому ближе, оно пошло мне навстречу и попыталось причинить мне боль, но что-то заставляло меня идти. Я глубоко вздохнул и оттолкнул это и еще раз вздохнул. Баррич рядом со мной не двигался и молчал. Он ждал.

Брат, ты волк. Вернись, беги от этого, оно причинит тебе боль, предупредил Ночной Волк.

Я отпрыгнул.

Тогда Баррич стал топтать по комнате и сыпать проклятиями. Каша сгорела. Нам все равно пришлось съесть ее. Ничего другого не было.

Баррич без конца приставал ко мне.

– Ты помнишь? – то и дело спрашивал он.

Он не оставлял меня в покое, называя мне имена и пытаясь заставить сказать, кто это такие. Иногда я кое-что знал.

– Женщина, – сообщил я ему, когда он назвал Пейшенс. – Женщина в комнате с травой.

Я старался, но он все равно сердился на меня. Если я спал по ночам, то видел сны. Сны о дрожащем свете на каменной стене и о глазах в маленьком окне. Эти сны давили на меня и не давали дышать. Если мне удавалось набрать в грудь достаточно воздуха, чтобы закричать, я

просыпался. Иногда для этого нужно было много времени. Баррич тоже просыпался и хватал со стола большой нож.

– В чем дело? В чем дело? – спрашивал он, но я не мог ему рассказать.

Безопаснее было спать днем, снаружи, вдыхая запах травы и земли. Тогда сны о каменных стенах не мучили меня. Вместо этого приходила женщина, которая нежно прижималась ко мне. Она пахла так же, как полевые цветы, а на губах у нее был вкус меда. Боль от этих снов настигала меня, когда я просыпался, зная, что она исчезла навеки, что другой забрал ее у меня. По ночам я сидел и смотрел в огонь. Я пытался не думать о холодных каменных стенах, о плачущих темных глазах и о сладости губ, которую унесли горькие слова. Я не спал. Я не смел даже лечь. Баррич не заставлял меня.

Однажды вернулся Чейд. Он отрастил длинную бороду и стал носить шляпу с широкими полями, как у бродяг, но я все равно узнал его. Баррича не было дома, когда он появился, но я впустил его. Я не знал, почему он пришел.

– Хочешь бренди? – спросил я, решив, что он пришел за этим.

Он пристально посмотрел на меня и едва не улыбнулся.

– Фитц, – сказал он и заглянул мне в лицо. – Как поживаешь?

Я не знал ответа на этот вопрос и поэтому только смотрел на него. Через некоторое время он поставил чайник и развязал свой сверток. Там были чай со специями, немного сыра и копченой рыбы. Он взял наши пакеты с травами и положил их на стол, потом вынул кожаный кошелек, в котором лежал желтый кристалл величиной с его ладонь. На дне пакета была большая мелкая миска, покрытая изнутри синей глазурью. Он поставил ее на стол и стал наполнять чистой водой. Тут вернулся Баррич. Я понял, что Баррич ходил на рыбалку. Он принес связку из шести маленьких рыбок. Это была речная рыба, не морская. Рыбешки были скользкими и блестящими, и он уже выпотрошил их.

– Ты оставляешь его одного? – спросил Чейд Баррича, после того как они поприветствовали друг друга.

– Приходится. Надо где-то брать еду.

– Так что, ты доверяешь ему теперь?

Баррич отвел глаза:

– Я выдрессировал уйму животных. Заставить кого-то выполнять приказы – это совсем не то же самое, что научить человека быть достойным доверия.

Баррич поджарил рыбу, и мы стали есть. Еще у нас был сыр и чай. Потом я мыл тарелки и сковородку, а они сидели и разговаривали.

– Я хочу попробовать травы, – сказал Чейд Барричу, – или воду, или кристалл. Что-нибудь. Что угодно. Я начинаю думать, что на самом деле он... не в себе.

– Это не так, – тихо заверил его Баррич. – Дайте ему время. Я не думаю, что травы помогут ему. До того как он... переменился, он слишком увлекался травами. После них он всегда был или болен, или слишком уж заряжен энергией. Если он не предавался отчаянию, то был совершенно изможден битвой или своими обязанностями человека короля и приближенного принца Верити. А потом, вместо того чтобы отдохнуть, он пил эльфийскую кору. Он совсем забыл, что можно просто расслабиться и дать своему организму восстановиться. В ту последнюю ночь вы дали ему семена карриса, правда ведь? Фоксглоу говорила, что никогда не видела ничего подобного. Я думаю, больше людей пришло бы к нему на помощь, если бы они не были так напуганы тем, как он себя ведет. Бедный Блейд решил, что мальчик спятил. Он так и не простил себя за то, что повалил его. Эх, если бы он знал, что мальчик на самом деле жив!

– Не было времени выбирать и раздумывать. Я дал ему то, что было под рукой. И не предполагал, что он взбесится от семян карриса.

– Вы могли отказать ему, – тихо сказал Баррич.

– Это бы его не остановило. Он все равно пошел бы, в полном изнеможении, и его бы немедленно убили.

Я подошел и сел у очага. Баррич не следил за мной. Я лег, перекатился на спину и потянулся. Это было приятно. Я закрыл глаза и почувствовал на своей спине тепло очага.

– Встань и сядь на табуретку, Фитц, – сказал Баррич.

Я вздохнул, но подчинился. Баррич возобновил разговор:

– Его нужно постоянно подогревать, как на медленном огне. Ему нужно время, чтобы сделать это самому. Он вспоминает. Иногда. А потом отгоняет это. Не думаю, что он хочет вспоминать, Чейд, что на самом деле хочет снова стать Фитцем Чивэлом. Может быть, ему понравилось быть волком. Возможно, так сильно, что он никогда больше к нам не вернется.

– Он должен вернуться, – тихо сказал Чейд. – Мы нуждаемся в нем.

Баррич выпрямился. Его ноги лежали на связке хвороста, но теперь он поставил их на пол и наклонился к Чейду:

– Вы получили известие?

– Не я. Пейшенс, надо полагать. Иногда это очень противно – быть крысой за стеной.

– Так что вы слышали?

– Только Пейшенс и Лейси, которые говорили о шерсти.

– И что из того?

– Им нужна была шерсть, чтобы соткать очень мягкую ткань – для новорожденного или совсем маленького ребенка. «Он родится в конце Сбора Урожая, но сейчас в горах начало зимы, так что пусть ткань будет плотной», – сказала Пейшенс. Возможно, речь шла о ребенке Кетриккен.

Баррич казался ошеломленным:

– Пейшенс знает о Кетриккен?

Чейд рассмеялся:

– Понятия не имею. Кто может сказать, что знают женщины? Пейшенс изменилась в последнее время. Она прибрала к рукам стражу Оленьего замка, а лорд Брайт даже ничего не заметил. Наверное, нам следовало поставить ее в известность о нашем плане с самого начала. А может быть, и нет.

– Мне было бы легче, если бы мы сказали ей. – Баррич не отрывал взгляда от огня.

Чейд покачал головой:

– Мне очень жаль, но Пейшенс должна была верить, что ты отказался от Фитца, потому что он использовал Дар. Регал мог бы что-нибудь заподозрить, если бы ты пришел за телом Чивэла. Регал должен был считать, что она единственный человек, которому хотелось его похоронить.

– Теперь она ненавидит меня. Она говорит, что я не имею представления ни о преданности, ни о мужестве. – Баррич смотрел на свои руки. В его голосе слышалось напряжение. – Я знаю, что Пейшенс разлюбила меня много лет назад, когда отдала сердце Чивэлу. Это я принял. Он был достоин ее. И я отошел в сторону, не пытаясь вернуть ее. И я смог смириться с тем, что она меня не любит, потому что чувствовал ее уважение ко мне как к мужчине. А теперь она презирает меня. Я... – Он покачал головой и крепко зажмурился.

Мгновение все молчали. Потом Баррич медленно выпрямился и повернулся к Чейду. Его голос звучал ровно, когда он спросил:

– Итак, вы думаете, Пейшенс знает, что Кетриккен добралась до гор?

– Это бы меня не удивило. Официального сообщения, разумеется, не было. Регал послал весть королю Эйоду и потребовал сообщить, там ли Кетриккен, но Эйод ответил только, что она королева Шести Герцогств и ее действия никак не касаются Горного Королевства. Регал так разозлился, что распорядился полностью прекратить торговлю с горцами. Но Пейшенс, по видимому, многое знает о том, что происходит за пределами замка. Возможно, она слышала и

о том, что случилось в Горном Королевстве. Что до меня, то я очень хотел бы знать, как она собирается отправить в Джампи одеяльце. Это долгий и тяжелый путь.

Баррич долго молчал. Потом он сказал:

– Мне следовало бы найти способ отправиться с Кетриккен и шутом. Но у меня было только две лошади, и запасов хватило бы только для двоих. Я не мог достать больше. Вот и вышло, что они пошли одни. – Он посмотрел в огонь и, помолчав немного, спросил: – Что-нибудь слышно о будущем короле Верити?

Чейд медленно покачал головой.

– О *короле* Верити, – мягко напомнил он Барричу. – Если бы он был здесь! – Старик устремил взгляд в одному ему ведомую даль и тихо проговорил: – Если бы все было в порядке, думаю, он был бы уже здесь. Еще несколько таких мягких дней, как этот, и во всех бухтах будут стоять красные корабли. Я больше не верю в то, что Верити вернется.

– Тогда Регал истинный король, – кисло проговорил Баррич. – По крайней мере до тех пор, пока не родится и не подрастет ребенок Кетриккен. И если он потребует корону, жди гражданской войны. Если только к тому времени еще останутся Шесть Герцогств, чтобы сражаться за власть над ними. Верити... Лучше бы он не ходил на поиски Элдерлингов. Тогда у нас была бы хоть какая-то защита от пиратов. А теперь Верити нет, а весна уже на носу, и между нами и красными кораблями нет ничего...

Верити. Я содрогнулся от холода. И отогнал этот холод. Он вернулся, но я снова прогнал его. Нельзя подпускать его к себе. Через несколько мгновений я перевел дух.

– ...Значит, только вода? – спросил Чейд Баррича, и я понял, что они разговаривали, а я не слушал.

Баррич пожал плечами:

– Чему это повредит? Он вообще когда-нибудь видел что-то в воде?

– Я никогда не испытывал его. Но подозреваю, что он мог бы, если бы попробовал. Он владеет Даром и Силой. Наверное, может и гадать...

– Если человек может делать что-то, это вовсе не значит, что он будет это делать.

Некоторое время они смотрели друг на друга. Потом Чейд пожал плечами.

– Возможно, мое ремесло не позволяет мне быть таким разборчивым, как ты, – проговорил он напряженным голосом.

Через мгновение Баррич сказал:

– Прошу прощения, господин. Все мы служим нашему королю в меру своих способностей.

Чейд кивнул. Потом он улыбнулся и убрал со стола все, кроме миски с водой и нескольких свечей.

– Иди сюда, – тихо сказал он мне, и я вернулся к столу.

Он посадил меня в свое кресло и поставил передо мной миску.

– Посмотри на воду и расскажи мне, что увидишь.

Я видел воду в миске. Я видел голубое дно. Ни один из моих ответов Чейда не обрадовал.

Он просил меня посмотреть еще раз, но я видел те же самые вещи. Он несколько раз передвигал свечи и каждый раз просил посмотреть еще. Наконец он сказал Барричу:

– Что ж, теперь, по крайней мере, он отвечает, когда с ним разговариваешь.

Баррич кивнул, но выглядел разочарованным.

– Да. Может быть, со временем... – сказал он.

Я понял, что они закончили со мной, и расслабился.

Чейд спросил, можно ли переночевать у нас. Баррич сказал: «Конечно». Потом он принес бренди и налил две чашки. Чейд подвинул к столу мою табуретку и опустился на нее. Я сидел молча и ждал, но они снова начали разговаривать друг с другом.

– А мне? – не выдержал я.

Они замолчали и посмотрели на меня.

– Что тебе? – спросил Баррич.

– Мне не дадут бренди?

Они переглянулись, и Баррич осторожно спросил:

– Ты хочешь? Я думал, он тебе не нравится.

– Да, он мне не нравится. Никогда не нравился. – Я немного подумал. – Но он дешевый.

Баррич уставился на меня. Чейд слегка улыбнулся, глядя на свои руки. Потом Баррич достал еще одну чашку и плеснул мне немного. Некоторое время они сидели и смотрели на меня, но я ничего не делал. Наконец они продолжили свой разговор. Я сделал глоток бренди. Он, как всегда, обжег мне рот и нос, но внутри стало тепло. Я знал, что больше не хочу. Потом подумал, что хочу, и выпил еще немного. Это было так же неприятно, как что-то, что силой заставляла меня выпить Пейшенс. Нет. Я отогнал это воспоминание и поставил чашку.

Баррич не глядел на меня, продолжая разговаривать с Чейдом.

– Когда охотишься за оленем, часто можно подойти очень близко, если притвориться, что не видишь его. Он будет стоять неподвижно и смотреть на тебя и даже ухом не шевельнет, пока ты не уставишься прямо на него.

Он взял бутылку и подлил мне бренди. Я фыркнул и почувствовал, как в моей голове возникла чья-то мысль. Я окликнул:

Ночной Волк!

Брат мой? Я сплю, Изменяющий. Еще не время охотиться.

Баррич яростно зыркнул на меня. Я прекратил.

Я знал, что не хочу больше бренди. Но кто-то другой думал, что я хочу. Он заставил меня поднять чашку, просто чтобы поддержать ее. Я взболтал жидкость. Верити обычно взбалтывал так вино и смотрел на него. Я уставился в темную чашку.

Фитц.

Я поставил чашку, встал и прошелся по комнате. Мне хотелось выйти наружу, но Баррич не выпускал меня одного и вообще не выпускал по ночам. Так что я походил еще немного, вернулся к своему стулу и снова сел. Чашка с бренди никуда не делась. Через некоторое время я поднял ее, просто чтобы избавиться от желания поднять. Но когда она оказалась в моих руках, кто-то, который во мне, изменил мое желание и заставил меня подумать о том, что бренди нужно выпить, и о том, как тепло от него будет у меня внутри. Просто выпить, а неприятный вкус быстро пройдет, останется только тепло.

Мне не нравилось, что он делает, и я начинал сердиться.

Всего один маленький глоток. Голос в моей голове звучал успокаивающе. Просто чтобы расслабиться, Фитц. Огонь такой теплый. Ты поел. Баррич защитит тебя. Чейд тоже здесь. Тебе не нужно все время быть настороже. Просто еще один глоток. Еще глоток.

Нет.

Отпей чуть-чуть. Просто смочи рот.

Я сделал глоток только для того, чтобы он перестал заставлять меня хотеть этого, но он не перестал, и я глотнул еще раз, набрал полный рот и проглотил. Сопrotивляться было все труднее и труднее. Он утомил меня. И Баррич подлил мне бренди.

Фитц. Скажи: «Верити жив». Вот и все. Скажи только это.

Нет.

Разве от бренди у тебя в животе не стало теплее? Выпей еще капельку.

– Я знаю, что вы пытаетесь сделать. Вы хотите, чтобы я напился и не мог сопротивляться вам. Я вас не пушу. – Мое лицо было мокрым от пота.

Баррич и Чейд оба уставились на меня.

– Он никогда не напивался до такого состояния, – заметил Баррич. – По крайней мере, в моем присутствии.

По-видимому, они сочли это интересным.

Скажи это. Скажи: «Верити жив». А потом я отпущу тебя, обещаю. Только скажи это. Хотя бы раз. Хотя бы шепотом. Скажи это. Скажи.

Посмотрев на стол, я тихо промолвил:

– Верити жив.

– О? – Голос Баррича звучал слишком спокойно.

Он быстро наклонился, чтобы подлить в мою чашку бренди, но бутылка была пуста. Тогда он налил мне из своей чашки.

Внезапно мне захотелось выпить, самому захотелось. Я поднял чашку и выпил все. Потом встал и сказал:

– Верити жив. Ему холодно, но он жив. И это все, что я должен сказать.

Я подошел к двери, отпер замок и вышел. Они не пытались меня остановить.

Баррич был прав. Все это преследовало меня, как песня, которую слышишь слишком часто и не можешь выкинуть из головы. Оно все время оставалось в моем сознании и окрашивало все мои сны, давило на меня и не давало мне покоя. Весна перешла в лето. Старые воспоминания стали накладываться на свежие. Мои жизни начали соединяться. В этих соединениях были складки и дыры, но становилось все труднее и труднее отказываться от воспоминаний. Имена снова обрели значение. Пейшенс, Лейси, Целерити и Уголек теперь были не просто словами. Они звонили, как колокола, воспоминаниями и чувствами.

– Молли, – сказал я себе вслух в конце концов.

Баррич внезапно посмотрел на меня и чуть не выронил тонкие силки, сплетенные из кишок. Я услышал, как он задержал дыхание, как будто хотел заговорить со мной, но сдерживался, ожидая, что я скажу что-нибудь еще. Но я молчал, закрыв лицо руками, мечтая о забвении.

Я проводил много времени, стоя у окна и глядя на луг. Смотреть там было не на что. Но Баррич не окликал меня и не заставлял вернуться к работе, как сделал бы раньше. Однажды, глядя на буйную траву, я спросил его:

– Что мы будем делать, когда сюда придут овцеводы? Где мы тогда будем жить?

– Подумай об этом. – Он растянул на полу кроличью шкурку и тщательно выскребывал ее. – Они не придут. Нет больше скота, который надо вести на летние пастбища. Хорошие стада ушли внутрь страны вместе с Регалом. Он ограбил Баккип и вывез все, что мог. Готов биться об заклад, что все овцы, оставшиеся в Баккипе, за зиму превратились в баранину.

– Наверное, – согласился я.

И потом что-то обожгло мою память, что-то более ужасное, чем все, что я знал, но не хотел вспоминать. Это было то, чего я не знал, бесчисленные вопросы, которые некогда остались без ответа.

Я отправился прогуляться по лугу и дошел до реки. Ее болотистые берега заросли рогозом. Я собрал зеленые ростки, чтобы добавить их в кашу. Теперь я снова знал названия растений. Я не хотел этого, но знал, какое из них может убить человека и как приготовить яд. Все старые знания были со мной, ожидая, что я воспользуюсь ими, хочется мне того или нет.

Когда я вернулся, Баррич готовил кашу. Я положил зелень на стол и набрал в котелок воды из бочки. Помыв и очистив ростки, я наконец спросил:

– Что случилось? Той ночью?

Он очень медленно повернулся и посмотрел на меня, как будто я был оленем, которого можно спугнуть внезапным движением.

– Той ночью?

– Той ночью, когда король Шрюд и Кетриккен должны были бежать. Почему ты не приготовил лошадей и носилки?

– О! Та ночь. – Баррич вздохнул, словно я разбередил старую рану. Он говорил очень медленно и спокойно, боясь испугать меня. – Они следили за нами, Фитц. Все время. Регал знал все. Я не мог утащить ни зернышка из конюшни в тот день, не говоря уж о трех лошадях, носилках и муле. Повсюду были гвардейцы из Фарроу, которые делали вид, что просто пришли проверить пустые конюшни. Я побоялся прийти и сказать тебе. Так что в конце концов я дождался начала праздника, когда Регал решил, что победил. Тогда я выскользнул и пошел за теми двумя лошадьми, которых мог забрать в любой момент, – за Крепышом и Угольком. Я спрятал их в кузнице на тот случай, если Регалу вздумается продать и их тоже. Еду я стянул из караульной. Больше мне ничего в голову не пришло.

– И королева Кетриккен и шут уехали?

Эти двое постоянно вертелись у меня на языке. Я вовсе не хотел думать о них и вспоминать. Когда я в последний раз видел шута, он плакал и обвинял меня в убийстве короля. Я настоял на том, чтобы он бежал из дворца ради спасения его жизни. Не самое хорошее прощание с тем, кого я считал лучшим другом.

– Да. – Баррич отнес котелок с кашей на стол и оставил там, чтобы она упревала. – Чейд и волк отвели их ко мне. Я хотел поехать с ними, но не мог. Я только задержал бы их – моя нога... Я знал, что не смогу долго идти вровень с лошадьми, а двоих ездоков сразу в такую погоду ни одна лошадь не выдержала бы. Мне пришлось просто отправить их одних. – Он помолчал, а когда заговорил, его голос был глубже волчьего рыка. – Если я когда-нибудь узнаю, кто предал нас Регалу...

– Я предал.

Его глаза впились в мои, на его лице отразились ужас и недоверие. Я посмотрел на свои руки. Они начинали дрожать.

– Я был глупцом. Это была моя вина. Маленькая горничная королевы, Розмари. Все время рядом, все время под ногами. Похоже, она была шпионкой Регала. И слышала, как я сказал королеве, чтобы она была готова и что король Шрюд поедет с ней, слышала, как я велел Кетриккен тепло одеться. Регалу не составило труда догадаться, что та собирается бежать из Баккипа. Он понимал, что ей понадобятся лошади. А может быть, Розмари не только шпионила. Возможно, это именно она отнесла старой женщине корзинку с отравленными снадобьями. Может быть, это она смазала жиром лестницу, по которой, как она знала, скоро будет спускаться ее королева. – Я заставил себя поднять голову и встретил убитый взгляд Баррича. – А то, чего не подслушала Розмари, доложили Джастин и Сирен. Они впились в короля, высасывая из него Силу, и имели доступ ко всем мыслям, которые он посылал Верити или получал от него. Когда они узнали, что я делал, будучи человеком короля, они начали шпионить и за мной. Я не знал, что такое возможно. Но Гален нашел способ и обучил ему своих учеников. Помнишь Уилла, сына Хостлера? Члена круга Силы? Он лучше всех преуспел в этом. Он мог заставить человека поверить даже в то, что его нет там, где он находится...

Я покачал головой, устав даже от легкого прикосновения к моим страшным воспоминаниям об Уилле. Это воскресило тени подземелья, о котором я до сих пор отказывался вспоминать. Я подумал, убил ли я его. Вряд ли. Скорее всего, он вдохнул недостаточно яда. Я поднял глаза и увидел, что Баррич пристально наблюдает за мной.

– В ту ночь, в самый последний момент, король отказался ехать, – тихо сказал я ему. – До тех пор я думал о Регале только как о предателе. Я забыл, что Шрюд всегда будет видеть в нем сына. Регал присвоил корону Верити, отлично зная, что его брат жив... Когда король Шрюд понял, что Регал на это способен, он не захотел жить дальше. Он просил меня выполнить долг человека короля и одолжить ему мою Силу, чтобы попрощаться с Верити. Но Сирен и Джастин ждали. – Я помолчал. Новые куски головоломки занимали свое место. – Мне следовало знать, что все получилось слишком легко. Никаких стражей в покоях короля. Почему? Потому что Регал не нуждался в них – Сирен и Джастин цепко держали Шрюда. Регал покончил со своим

отцом. Он получил титул будущего короля, и больше ему ничего не было нужно от Шрюда. И они опустошили короля, лишив его Силы, убили его, не дав даже попрощаться с Верити. Наверное, Регал велел им проследить за тем, чтобы король больше не связывался Силой с сыном. Так что после этого я убил Силен и Джастина. Так же как они убили моего короля. Я не дал им шанса защититься и не испытывал ни малейшей жалости.

– Тише, тише... – Баррич быстро подошел, положил руки мне на плечи и силком усадил в кресло. – Ты дрожишь, как будто у тебя сейчас будет припадок. Спокойнее.

Я не мог говорить.

– Вот об этом мы с Чейдом так и не догадались, – сказал мне Баррич. – Мы подозревали всех. Даже шута. Некоторое время мы боялись, что поручили Кетриккен предателю.

– Как вы могли подумать такое? Шут любил короля Шрюда, как никто другой.

– Мы не могли вычислить больше никого, кто знал бы все наши планы, – просто сказал Баррич.

– Не шут был повинен в нашем поражении, а я, – проговорил я, и это, полагаю, было то мгновение, когда я полностью стал самим собой. Я произнес вслух непроизносимое, осознав самую страшную реальность: я предал их всех. – Шут предупреждал меня. Он сказал, что я буду Смертью Королей, если не научусь оставлять вещи в покое. Чейд предупреждал меня. Он пытался заставить меня обещать не приводить в движение никаких колес. Но я не послушался. Так что мои действия убили моего короля. Если бы я не помогал ему Силой, он не был бы так открыт своим убийцам. Я раскрыл его, когда искал Верити, но вместо принца в его сознании оказались эти два клеща. Королевский убийца. О, сколько смыслов у этих слов! Мне остается только кусать локти. Если бы не я, у Регала не было бы никакой причины убивать короля...

– Фитц. – Голос Баррича был твердым. – Регалу никогда не нужна была причина, чтобы убить своего отца. Наоборот, ему требовалось множество веских причин, чтобы оставить его в живых. И ты ничего не мог с этим поделать. – Внезапно он нахмурился. – Почему они убили его именно тогда? Почему они не подождали, пока у них в руках не окажется и королева?

Я улыбнулся ему:

– Ты спас ее. Регал думал, что она у него в руках. Они считали, что остановили нас, не дав тебе забрать лошадей из конюшен. Регал даже хвастался этим, когда я был в подземелье, говорил, что ей пришлось уйти пешком, без зимней одежды.

– Кетриккен и шут взяли вещи, приготовленные для Шрюда, и двух лучших лошадей, которые когда-либо выходили из конюшен Оленьего замка. Бьюсь об заклад, что они благополучно добрались до гор, мальчик. Уголек и Крепыш наверняка уже пасутся на горных пастбищах.

Это было жалкое утешение. В эту ночь я вышел и долго бегал с волком, и Баррич не упрекал меня. Но мы не могли носиться быстро и умчаться достаточно далеко, и кровь, пролитая нами в ту ночь, была не той кровью, которой я жаждал, а горячее свежее мясо не могло заполнить пустоту внутри меня.

Итак, я вспомнил свою жизнь и то, кем я был. Мало-помалу мы с Барричем снова стали разговаривать открыто, как друзья. Он перестал командовать мной и насмешливо об этом сожалел. Мы вспоминали, как раньше вели себя друг с другом, как смеялись вместе и спорили. Но когда все между нами утряслось, мы оба еще острее почувствовали, чего лишились.

Днем Баррич явно скучал, потому что работы было мало. Еще недавно он распоряжался конюшнями Оленьего замка и всеми лошадьми, собаками и ястребами, обитающими в них. Я видел, как он хватается за любое дело, чтобы убить время, и понимал, как сильно он тоскует по животным, за которыми ухаживал так долго. Что до меня, то мне не хватало замка, но больше всего я скучал по Молли. Я придумывал длинные беседы, которые вел бы с ней, собирал

душистые луговые цветы, потому что они пахли, как она, и вспоминал по ночам, как ее руки касались моего лица.

Но об этом мы с Барричем не говорили. Мы складывали наши осколки мозаики, чтобы вместе собрать из них единое целое. Баррич рыбачил и охотился, и у нас были шкуры, которые надо было скоблить, рубашки, которые надо было стирать и чинить, и вода, которую нужно было приносить. Это была жизнь. Однажды Баррич попробовал заговорить со мной о том, как он пришел ко мне в темницу и принес яд. Его руки дрожали, когда он рассказывал, как ему трудно было уйти и оставить меня в подземелье. Я не мог позволить ему продолжать.

– Пойдем ловить рыбу, – внезапно предложил я.

Он глубоко вздохнул и кивнул.

В тот день мы больше не разговаривали. Но все мои мысли были о том, как меня заключили в тюрьму, морили голодом и избивали до смерти. Время от времени, когда Баррич смотрел на меня, мне казалось, что он видит только шрамы. Я сбрил бороду, стараясь не касаться отметины на щеке, и обнаружил белую прядь волос надо лбом, там, где кожа на голове была рассечена. Мы никогда не говорили об этом, и я отказывался об этом думать. Но ни один человек не может пройти через нечто подобное, не изменившись.

Мне начали сниться сны, жуткие и яркие, как явь, – леденящие мгновения огня, обжигающего клинка, безнадежного ужаса. Я просыпался, волосы мои слипались от холодного пота, меня тошнило от страха. Ничего не оставалось от этих снов, когда я садился в темноте, не было даже тончайшей ниточки, дернув за которую я мог бы размотать их. Только боль, страх, ярость, крушение надежд. Но больше всего – страх. Сокрушительный страх, заставлявший меня дрожать и жадно хватать ртом воздух. Глаза мои слезились, тошнота подступала к горлу. Когда я в первый раз сел в постели с бессловесным криком, Баррич скатился с кровати и положил руку мне на плечо, собираясь спросить, все ли со мной в порядке. Я отбросил его в сторону с такой силой, что он врезался в стол и чуть не упал. Страх перешел в мгновенную вспышку ярости, оттого что он был слишком далеко и я не мог его достать. В это мгновение я отвергал и презирал себя настолько сильно, что хотел уничтожить все, что было мной или касалось меня. Я свирепо оттолкнул весь мир, почти вытеснив собственный разум.

Брат, брат, брат! – отчаянно скулил волк внутри меня, и Баррич, шатаясь, отступил назад с нечленораздельным криком.

Через мгновение я сглотнул и пробормотал:

– Сон... Всего лишь сон. Прости. Я еще не проснулся. Просто ночной кошмар.

– Я понимаю, – сказал Баррич отрывисто. Помолчав, он уже мягче повторил: – Я понимаю, – и вернулся в свою постель.

Я знал, что он понял только, что не может ничем помочь мне в этом. Кошмары приходили не каждую ночь, но достаточно часто, чтобы я боялся ложиться в постель. Баррич делал вид, что спит, но я знал, что он бодрствует и лежит молча, пока я выдерживаю свои ночные битвы. Я даже не запоминал эти сны, только выворачивающий душу ужас, который они приносили мне. Я чувствовал страх и раньше. Часто. Я испытывал его, когда сражался с «перекованными», бился с пиратами красных кораблей, когда выступил против Сирен. Тот страх предостерегал, понуждал к действию, заставлял делать все возможное, чтобы остаться в живых. Но нынешний ночной страх был ужасом, лишавшим мужества, оставлявшим единственную надежду – что придет смерть и положит конец мучениям. Я был сломлен и готов на все, лишь бы прекратить эту муку.

Ничем нельзя облегчить такой страх, так же как и стыд, который приходит после него. Я пробовал ярость, я пробовал ненависть. Ни слезы, ни бренди не могли смягчить его. Страх преследовал меня, как отвратительный запах, и окрашивал все мои воспоминания, затуманивая мое представление о том, кто я есть. Ни одно мгновение радости, страсти или мужества, которое я мог вспомнить, теперь уже не представлялось таким, каким оно было, потому что

внутренний голос всегда предательски добавлял: «Да, так было когда-то, но потом пришел страх, и теперь страх – это ты». Этот изнуряющий ужас постоянно терзал меня. С болезненной уверенностью я знал, что, если меня прижмут, я превращусь в ничто. Я больше не был Фитцем Чивэллом. Я был тем, что осталось после того, как страх изгнал меня из собственного тела.

На второй день после того, как у Баррича кончился бренди, я сказал ему:

– Со мной ничего не случится, если ты сходишь в Баккип.

– У нас нет денег, чтобы купить еды, и не осталось ничего, что можно было бы продать, – ответил он сухо, как будто в этом была моя вина.

Он сидел у огня, зажав кисти рук между колен. Они дрожали, правда совсем немного.

– Нам придется справляться самим, – сказал Баррич. – Здесь много дичи. Если мы не сможем прокормиться, значит заслуживаем голодной смерти.

– А с тобой будет все в порядке? – ровно спросил я.

Он посмотрел на меня, прищурившись:

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что бренди кончился, – сказал я так же прямо.

– А ты полагаешь, что я уже не могу обойтись без него? – Он начинал сердиться.

Он вообще стал гораздо более раздражительным после того, как у нас закончилось спиртное.

Я едва заметно пожал плечами:

– Я просто спросил. Вот и все. – Я не смотрел на Баррича и сидел спокойно, надеясь, что он не взорвется.

Но после недолгой паузы он снова заговорил, очень тихо:

– Думаю, нам обоим придется это выяснить.

Я ждал довольно долго. Потом спросил:

– Что мы будем делать?

Он раздраженно взглянул на меня:

– Я сказал тебе. Охотиться, чтобы прокормить себя. Уж это ты вполне способен понять!

Я отвел взгляд и коротко кивнул:

– Я понял. Я имел в виду... после этого.

– Что ж... Некоторое время мы протянем таким образом. Рано или поздно мы захотим того, чего не сможем достать сами. Кое-что для нас сможет раздобыть Чейд, если у него будет возможность. Олений замок обглодан до кости. Мне придется пойти в город и наняться на работу. Но пока...

– Нет, – сказал я тихо. – Я имел в виду... мы не сможем вечно здесь прятаться, Баррич. Что будет потом?

На этот раз была его очередь помолчать. Наконец он сказал:

– Я еще не думал об этом. Сперва это было просто место, где тебя можно спрятать, пока ты не поправишься. Потом некоторое время казалось, что ты никогда...

– Но теперь я здоров. – Я помедлил. – Пейшенс...

– Считает, что ты мертв, – перебил меня Баррич, возможно, немного грубее, чем намеревался. – Только мы с Чейдом знаем правду. Пока мы не вытащили тебя из гроба, мы ни в чем не были уверены. Что, если бы доза оказалась слишком большой, если бы ты действительно умер от нее или просто замерз в могиле? Я видел, что они сделали с тобой.

Он замолчал и несколько мгновений затравленно смотрел на меня. Потом слегка покачал головой:

– Я не думал, что ты сможешь выжить после побоев, а потом еще и отравления... Так что мы не хотели давать никому ложной надежды. А потом, когда мы тебя вытащили... – Он снова потряс головой. – Ты был весь изранен... Ран было так много... Я не знаю, что заставило

Пейшенс промыть и перевязать раны мертвеца, но если бы она этого не сделала... А потом... это был не ты. После первых нескольких недель я был в ужасе от того, что мы сделали с тобой. Мне казалось, что мы просто запихнули душу волка в человеческое тело.

Он снова посмотрел на меня, словно не веря собственным воспоминаниям.

– Ты пытался вцепиться мне в горло. В первый же день, едва встав на ноги, ты хотел убежать. Я не пустил тебя, и ты бросился на меня. Я не мог показать Пейшенс это рычащее и кусающееся существо, не говоря уж о том...

– Ты думаешь, Молли...

Баррич отвел глаза.

– Вероятно, она слышала, что ты умер. – Через некоторое время он, замявшись, добавил: – Кто-то зажег свечу на твоей могиле. Снег был расчищен и восковой огарок все еще стоял там, когда я пришел выкапывать тебя.

– Как собака кость.

– Я очень боялся, что ты не поймешь.

– Я и не понял. Я просто поверил слову Ночного Волка.

Это было все, что я мог выдержать на тот момент. Мне хотелось прекратить этот разговор. Но Баррич был неумолим.

– Если ты вернешься в замок или в город, они убьют тебя. Они повесят тебя над водой и сожгут твоё тело. Или расчленят его. Во всяком случае, люди захотят быть уверенными, что на этот раз ты останешься мертвым.

– Они так ненавидят меня?

– Ненавидят тебя? Нет. Они даже любят тебя – те, кто тебя знал. Но если вдруг человек, который умер и был похоронен, начнет снова разгуливать среди живых, его начинают бояться. Такого ты не сможешь объяснить. Дар никому не по душе. Когда человека обвиняют в том, что он Одарен, и он умирает, и его хоронят – что ж... Но для того чтобы они хорошо думали о тебе, ты должен оставаться мертвым. А если ты появишься в городе, это сочтут доказательством правоты Регала – ты воспользовался звериной магией, чтобы убить короля. И им придется снова умертвить тебя. Но на этот раз более тщательно. – Баррич внезапно встал и заходил по комнате. – Будь оно проклято, но я не прочь пропустить глоточек.

– Я тоже.

Десятью днями позже появился Чейд. Старый убийца шел медленно, опираясь на посох, а за плечами у него был тяжелый куль. День был теплый, и Чейд откинул капюшон плаща. Его длинные седые волосы развевались на ветру, и он отрастил бороду так, чтобы она закрывала большую часть лица. На первый взгляд его можно было принять за медника или лудильщика. Просто покрытый шрамами старик, и уж никак не Рябой, предвестник несчастий. Баррича не было – он отправился на рыбалку, а рыбачить он любил в одиночестве. Ночной Волк пришел погреться на солнышке у нашего порога, но исчез в лесу за хижинкой, едва учуял запах Чейда.

Некоторое время я наблюдал, как он идет. Эта зима состарила его, прибавив морщин лицу и седины волосам. Но он шел легче, чем раньше, словно одиночество укрепило его. Наконец я шагнул навстречу Чейду, чувствуя внезапную неловкость и растерянность. Подняв глаза и увидев меня, он остановился. Я продолжал двигаться к нему.

– Мальчик? – осторожно спросил он, когда я приблизился.

Я кивнул и улыбнулся. Ответная улыбка, появившаяся на его лице, пристыдила меня. Он бросил свой посох, обнял меня, а потом прижался ко мне щекой, как будто я был ребенком.

– О Фитц, Фитц, мой мальчик! – проговорил он, и в голосе его было огромное облегчение. – Я думал, мы потеряли тебя. Я думал, мы сделали что-то гораздо более ужасное, чем если бы просто дали тебе умереть.

Его старые руки, обнимавшие меня, были сильными и крепкими.

Я любил старика, поэтому не сказал ему, что так оно и было.

Глава 2

Расставание

Короновав самого себя, король Шести Герцогств, принц Регал Видящий, в сущности, бросил Прибрежные герцогства на произвол судьбы. Он забрал из Оленьего замка и значительной части герцогства Бакк все деньги, которые смог выжать. Все табуны и стада были распроданы, а лучшие животные увезены внутрь страны, в новую резиденцию Регала в Тредфорде. Мебель и библиотека были также разграблены – часть пошла на обустройство нового гнездышка, часть подарена или продана Внутренним герцогствам. Амбары, винные погреба, оружейные – все было опустошено.

План Регала, по его словам, состоял в том, чтобы перевезти дряхлеющего, больного короля Шрюда и овдовевшую беременную будущую королеву Кетриккен в Тредфорд, где они будут в безопасности от красных кораблей, терзавших Прибрежные герцогства. Этот план также служил оправданием для вывоза из Оленьего замка мебели и ценностей. Но со смертью Шрюда и исчезновением Кетриккен даже этот неубедительный предлог отпал. Тем не менее Регал покинул замок после своей коронации так скоро, как только смог. Когда Совет лордов усомнился в правильности его решения, он сказал, что Прибрежные герцогства только навязывают королевству войну и бесконечные траты, что они всегда были клецком, сосущим Внутренние герцогства, и что он желает островитянам получить удовольствие от захвата такого скалистого и пустынного места. Позже Регал, разумеется, отрицал эти слова.

После исчезновения Кетриккен, что само по себе было беспрецедентным, король Регал оказался в крайне затруднительном положении. Ребенок, которого вынашивала Кетриккен, должен был стать претендентом на престол. Но королева исчезла при крайне подозрительных обстоятельствах. Не все были уверены в том, что это не подстроено самим Регалом. С другой стороны, даже если бы королева оставалась в Оленьем замке, ребенок не мог получить титула будущего короля в течение ближайших семнадцати лет. Регал был очень озабочен тем, чтобы как можно быстрее присвоить себе королевский титул, но по закону ему было необходимо для этого признание всех Шести Герцогств. Он купил корону уступками прибрежным герцогам. Главной из них было обещание оставить в Оленьем замке достаточно людей для защиты побережья.

Командование древним замком было передано племяннику Регала, наследнику герцога Фарроу. Лорд Брайт в свои двадцать пять лет уже устал ждать перехода власти в Фарроу в его руки. Он горячо желал принять на себя управление Оленьим замком и Бакком, но у него было мало опыта. Регал уехал внутрь страны, в замок Тредфорд на Винной реке в Фарроу, а юный лорд Брайт остался в старой королевской резиденции с отрядом избранных гвардейцев Фарроу. Нет сведений о том, чтобы Регал оставил ему какие-нибудь запасы или денежные фонды, так что молодой человек вынужден был выжимать необходимое из купцов Баккина и уже разоренных фермеров и овцеводов герцогства Бакк. Хотя нет никаких свидетельств того, что он дурно относился к населению Бакка или других Прибрежных герцогств, у него не было и никакой привязанности к ним. Кроме того, в Оленьем замке в это время оставалась горстка менее значительной знати. Большинство землевладельцев Бакка находились в собственных замках, делая все возможное, чтобы защитить местных жителей. Самой примечательной из оставшихся в Оленьем замке была леди Пейшенс, которая носила титул будущей королевы до того, как ее муж Чивэл отрекся от трона в пользу своего младшего брата Верити. Крепость охраняли солдаты замка, личная стража королевы Кетриккен и те немногие, кто когда-то охранял короля Шрюда. Боевой дух солдат оставлял желать лучшего, потому что платили им мало и редко, а рационы все время уменьшались. Лорд Брайт привез в Олений замок лич-

ную гвардию и, естественно, оказывал своим людям предпочтение перед солдатами Бакка. Ситуация усугублялась неразберихой в иерархии командования. Войска Бакка, по-видимому, должны были подчиняться капитану Кеффелю из Фарроу, командиру гвардии лорда Брайта. На самом деле Фоксглоу из стражи королевы, Керф из гвардии Оленьего замка и старый Ред из охраны короля Шрюда объединились и держали собственный совет. Если они и отчитывались перед кем-то регулярно, то это была леди Пейшенс. Со временем солдаты Бакка стали говорить о ней как о Госпоже Оленьего замка.

Даже после коронации Регал боялся, что лишится титула. Он разослал гонцов во все стороны, чтобы найти какие-либо сведения о местонахождении королевы Кеттриккен и нерожденного наследника. Его подозрения о том, что она может искать защиты у своего отца, заставили Регала потребовать у короля Эйода ее возвращения. Когда Эйод ответил, что дела королевы Шести Герцогств не интересуют народ гор, Регал в ярости порвал связи с Горным Королевством, прекратив торговлю и попытавшись запретить даже обычным путешественникам пересекать границу. В это же время по наущению Регала начали циркулировать слухи, что отец ребенка, которого носит Кеттриккен, вовсе не Верити, а значит, у него не будет никаких прав на корону Шести Герцогств.

Это было горькое время для жителей Бакка. Покинутые королем и охраняемые только горсткой полуголодных солдат, простые люди остались без руля и ветрил в штормовом море. То, что не украли пираты, забрали люди лорда Брайта в счет уплаты налогов. Дороги наводнили грабители, потому что, когда честный человек не может заработать себе на жизнь, у него попросту нет другого выхода. Мелкие фермеры и их жены потеряли всякую надежду пережить зиму и бежали с побережья, чтобы стать нищими, разбойниками или шлюхами во внутренних городах. Торговля прекратилась, потому что посланные с товарами корабли практически никогда не возвращались.

Чейд и я сидели на скамейке перед хижинкой и беседовали. Мы не касались моего возвращения в этот мир, не обсуждали важные вещи или значительные события прошлого и текущую политическую ситуацию. Мы говорили о мелочах, связывавших нас, как будто я попросту возвратился из долгого путешествия. Проныра, ласка, стал стареть; минувшей зимой у него начали болеть суставы, и даже наступление весны не придало ему сил. Чейд боялся, что он не протянет и года. Чейд наконец наловчился сушить листья так, чтобы они не плесневели, но обнаружилось, что у сушеной травы меньше силы. Мы оба скучали по имбирным пряникам поварики Сары. Чейд спросил, не хотел бы я забрать что-нибудь из своей комнаты; по приказу Регала ее обыскали, так что выглядит она ужасно, но вряд ли оттуда многое украли. Я спросил его, помнит ли он гобелен, на котором король Вайздом беседует с Элдерлингами. Чейд ответил, что да, помнит, но он слишком большой, чтобы тащить его в лес. Я взглянул на старика с таким огорчением, что он немедленно смягчился и пообещал найти какой-нибудь способ доставить гобелен. Я улыбнулся:

– Это была шутка, Чейд. Ничего, кроме кошмаров по ночам, у меня с этим гобеленом не связано. Нет. В моей комнате нет ничего, что я хотел бы забрать.

Чейд посмотрел на меня с грустью:

– Ты оставил позади жизнь, имея при себе только ту одежду, которая на тебе надета, и серьгу в ухе, – и ничего больше тебе не нужно? Тебе это не кажется странным?

Я посидел немного, размышляя. Меч, подаренный мне Верити? Серебряное кольцо – память о Руриске, – которое мне дал король Эйод? Булавка леди Грейс? Морская свирель Пейшенс тоже была в моей комнате – я надеялся, что Пейшенс забрала ее. Мои краски и бумаги... Маленький ящичек, который я вырезал, чтобы держать в нем яды... У нас с Молли не было никаких памятных вещей. Она никогда не позволяла мне делать ей подарки, а я даже не думал о том, чтобы стащить ленточку из ее волос. Если бы я это сделал...

– Нет. Может быть, лучше разом порвать с этим. Хотя ты забыл еще кое-что. – Я отвернул воротник моей грубой рубашки, чтобы показать ему крошечный рубин, гнездящийся в серебре. – Булавка, которую мне дал король Шрюд, чтобы отметить меня как своего человека. Она все еще со мной.

Пейшенс скрепила булавкой мой саван, когда готовила тело к погребению. Я отбросил эту мысль.

– Не понимаю, почему стражники Регала не ограбили покойника. Полагаю, у Одаренных такая ужасная репутация, что они боялись тебя мертвого не меньше, чем живого.

Я протянул руку, чтобы пощупать сломанную переносицу.

– Ну, не так уж они меня и боялись...

Чейд криво улыбнулся:

– Переживаешь из-за носа, да? А по-моему, это даже придает тебе некоторый шарм.

Я прищурился:

– В самом деле?

– Нет. Я просто очень вежливый. На самом деле все не так плохо. Это выглядит почти так, словно кто-то пытался вправить его.

Я содрогнулся от этого пронзительного воспоминания.

– Не хочу думать об этом, – честно признался я.

Боль за меня внезапно омрачила лицо Чейда, и я отвел глаза, не в силах выносить его жалость. Воспоминания об избиении, которое я перенес, было легче выдержать, если притворяться, что никто другой о нем не знает. Я стыдился того, что Регал сделал со мной.

Прислонившись затылком к пропитанной солнцем деревянной стене хижины, я глубоко вздохнул:

– Так. И что произошло там, где продолжается какая-то жизнь?

Чейд откашлялся, принимая перемену темы.

– А что ты знаешь?

– Не многое. Кетриккен и шут уехали, и Пейшенс, возможно, получила сообщение, что будущая королева благополучно добралась до гор. Регал рассорился с Эйодом и перекрыл торговые пути. Что Верити все еще жив, но никто не получал от него вестей.

– О! – Чейд выпрямился. – Слух о Кетриккен... Ты помнишь это с той ночи, когда мы говорили с Барричем?

Я не смотрел на него.

– Так, как вспоминается давний сон. Причудливые цвета, странные события... Вроде бы я слышал, что вы говорите об этом.

– А то, что касается Верити? – От внезапной напряженности в его голосе по моему хребту пробежал холод ужаса.

– Он связался со мной Силой в ту ночь, – сказал я тихо. – Я передал вам тогда, что он жив.

– Проклятье!!! – Чейд вскочил на ноги и в возбуждении запрыгал вокруг меня. Я никогда не видел ничего подобного и следил за ним, охваченный изумлением и страхом. – Баррич и я не придали никакого значения твоим словам! О, мы были рады услышать это от тебя! И когда ты убежал, он сказал: «Пусть мальчик идет. Это все, что он может сделать сегодня. Он помнит своего принца». Мы так и решили. Проклятье и проклятье! – Он внезапно остановился и ткнул в меня пальцем. – Докладывай. Расскажи мне все.

Я стал нащупывать то, что помнил. Это было трудно, как будто я видел это глазами волка.

– Ему было холодно, он или устал, или ранен. Весь какой-то замедленный. Он пытался пробиться ко мне, а я отталкивал его, и ему пришлось настоять на том, чтобы я выпил, – хотел приблизиться ко мне, полагаю...

– Где он был?

– Я не знаю. Снег. Лес. Не думаю, что он понимал, где находится.

Зеленые глаза Чейда впились в меня.

– А вообще ты можешь связаться с ним? Можешь сказать мне, что сейчас он все еще жив?

Я покачал головой. Сердце мое сильно билось.

– Можешь ты сейчас связаться с ним Силой? – настаивал он.

Я снова покачал головой. Мой живот свело от напряжения. Разочарование Чейда росло с каждым отрицательным ответом.

– Черт возьми, Фитц, ты должен!

– Я не хочу! – закричал я и вскочил на ноги.

Убегай! Быстро!

Так я и сделал. Внезапно это оказалось очень просто. Я бежал от Чейда и хижины, как будто за мной гнался сам дьявол. Чейд звал меня, но я отказывался слышать его. Я бежал, и как только оказался под защитой деревьев, Ночной Волк присоединился ко мне.

Не сюда. Там Сердце Стаи, предупредил он меня.

И мы пошли в гору, в заросли куманики – Ночной Волк укрывался там в штормовые ночи.

Что это было? В чем опасность? – спросил Ночной Волк.

Он хотел, чтобы я вернулся, признался я через некоторое время. Я не знал, как изложить это понятно для Ночного Волка. *Он хотел... чтобы я перестал быть волком.*

Внезапно холод пробрал меня до костей. Объясняя суть дела Ночному Волку, я оказался пред лицом истины. Выбор был прост: быть волком, без прошлого, без будущего, и жить только сегодняшним днем – или человеком, раздираемым мыслями о минувшем, по чьим жилам вместе с кровью течет страх. Я мог ходить на двух ногах и жить со стыдом, сжимаясь от страха, или бегать на четырех и забывать, забывать, пока даже Молли не станет всего лишь давним приятным запахом. Я сидел в гуще куманики, рука моя легко лежала на спине Ночного Волка, я смотрел на то, что мог видеть только я. Смеркалось, и наступали сумерки. Мое решение возникало так же медленно и неотвратно, как подбирающаяся темнота. Мое сердце громко стучало, протестуя, но у меня не было больше выбора. Я решился.

В полной темноте я осторожно подкрался к дому. Странно было снова вернуться сюда волком, ощутить поднимающийся дым от очага как нечто принадлежащее людям и моргать, глядя сквозь ставни на горящий огонь. Потом я неохотно освободил свое сознание от Ночного Волка.

Ты не хочешь охотиться со мной?

Я больше всего хотел бы охотиться с тобой. Но этой ночью я не могу.

Почему?

Я не ответил. Острые решения было слишком тонким, чтобы я смел испытывать его, говоря о нем. Я отошел к краю леса, стряхнул с одежды листья и грязь, пригладил волосы и завязал их в хвост. Я надеялся, что не испачкал лицо. Расправив плечи, я заставил себя снова подойти к хижине, открыл дверь и вошел. Я чувствовал себя ужасно уязвимым. Они делились сведениями обо мне, оба знали почти все мои тайны. Как я мог сохранять чувство собственного достоинства, когда ощущал, что превратился в жалкую, истрепанную тряпку? Как мог я ожидать, что со мной будут обращаться как с человеком? И вместе с тем я не винил их ни в чем. Они пытались спасти меня. От меня самого, это правда, но тем не менее спасти. И не их вина, что то, что они спасли, вряд ли им понравится.

Они сидели за столом, когда я вошел. Если бы я убежал так несколько недель назад, Баррич вскочил бы, чтобы встряхнуть меня за шиворот. Я знал, что теперь это время прошло, но от воспоминания во мне появилась настороженность, которую я не смог полностью скрыть. Как бы то ни было, на его лице было только облегчение, а Чейд смотрел на меня с участием и раскаянием.

– Я не хотел так давить на тебя, – искренне сказал он, прежде чем я успел заговорить.

– Ты этого и не сделал, – тихо ответил я. – Ты просто ткнул в точку, на которую я сам давил сильнее всего. Иногда человек не знает, как сильно ранен, пока кто-нибудь другой не дотронется до больного места.

Я придвинул свой стул и сел. После многих недель простой и невкусной пищи я был почти потрясен, увидев сыр, мед и вино из самбука. Кроме того, на столе лежали буханка хлеба и пойманная Барричем форель. Некоторое время мы просто ели, почти не разговаривая. Это, казалось, ослабило напряженность. Но как только остатки трапезы были убраны со стола, напряжение вернулось.

– Теперь я понял твой вопрос, – внезапно сказал Баррич. Мы с Чейдом удивленно посмотрели на него. – Несколько дней назад ты спросил меня, что мы будем делать дальше. Пойми, я считал Верити погибшим. Кетриккен вынашивает его ребенка, но теперь она в горах, в безопасности. Я ничем не могу ей помочь. А если бы попытался, мог бы привлечь к ней внимание. Нет, лучше ей оставаться в укрытии, с людьми своего отца. Когда ее ребенок будет достаточно взрослым, чтобы заявить о своих правах на трон... Что ж, если я доживу до той поры, то сделаю для него что смогу. А сейчас я считал свою службу королю законченной. Так что, когда ты спрашивал меня, я думал, что пришло время позаботиться о себе.

– А теперь? – тихо спросил я.

– Если Верити все еще жив, трон захватил предатель. Я присягнул служить своему королю. Как и Чейд. Как и ты. – Они пристально смотрели на меня.

Убегай снова.

Я не могу.

– Не я. Тот Фитц умер, – сказал я быстро.

Баррич посмотрел на меня так, словно я его ударил, но Чейд тихо спросил:

– Тогда почему же он все еще носит булавку короля Шрюда?

Я протянул руку к своему воротнику и вытащил ее. «Вот, – хотел я сказать, – возьми булавку и все, что с ней связано. Я покончил с этим. У меня больше нет для этого мужества». Но я молчал.

– Вина? – предложил Чейд, но не мне.

– Прохладно сегодня. Я лучше приготовлю чай, – откликнулся Баррич.

Чейд кивнул. Я сидел и смотрел на красную с серебром булавку. Я помнил руки моего короля, втыкающие ее в ворот мальчишеской рубашки. «Вот. Теперь ты мой», – сказал он тогда. Но он мертв. Освобождает ли это меня от данного обещания? И от его последних слов: «Что я сделал с тобой?» Я выкинул из головы эти вопросы. Гораздо важнее было то, чем я стал. Тем ли, что сделал из меня Регал, или я еще могу избежать этой участи?

– Регал сказал мне как-то, – задумчиво промолвил я, – что мне стоит немного поскрести мое имя, и обнаружится безымянный мальчишка с псарни. Хотел бы я быть им.

– Правда? – спросил Баррич. – Я помню время, когда ты думал иначе. Кто ты, если не человек короля, Фитц? Что ты? Куда ты пойдешь?

Куда бы я пошел, если бы был свободен? К Молли, кричало мое сердце. Я поспешил отбросить эту мысль, чтобы она не завладела мной. Нет. Я потерял Молли еще раньше, чем жизнь. Я раздумывал над своим пустым, горьким одиночеством. На самом деле было только одно место, куда я мог пойти. Я собрал мою волю, поднял глаза и открыто встретил взгляд Баррича.

– Я уйду. Куда-нибудь, куда угодно. В Калсиду, в Удачный. Я умею обращаться с животными, я неплохой писец. Я сумею выжить.

– Не сомневаюсь. Но выживание – это не жизнь, – заметил Баррич.

– А что – жизнь? – спросил я, внезапно не на шутку рассердившись.

Почему нужно все так усложнять? Вопросы и мысли вдруг хлынули из меня, как гной из воспалившейся раны:

– Ты бы хотел, чтобы я был верен своему королю и пожертвовал ради него всем, как это сделал ты? Предал бы женщину, которую люблю, и последовал за ним, как собака у ноги? А когда король бросил тебя, что ты сделал? Ты проглотил это, ты вырастил его бастарда. Потом у тебя отняли все – конюшни, лошадей, собак, людей, которыми ты распоряжался. Короли, которым ты присягал, не оставили тебе ничего, даже крыши над головой. И что же? Ты вцепился в бастарда. Ты вытащил меня из гроба и силой заставил жить. Жизнью, которую я ненавижу, жизнью, которой не хочу! – Я пытался прожечь его гневным взглядом.

Баррич смотрел на меня, не находя слов. Я хотел остановиться, но не мог – что-то толкало меня. Ярость была приятной, как очищающий огонь. Я сжал руки в кулаки и потребовал ответа:

– Почему ты всегда со мной? Зачем постоянно ставишь меня на ноги, если меня немедленно сбивают опять? Зачем? Чтобы я был должен тебе? Чтобы иметь право распоряжаться моей судьбой, потому что не хватает мужества жить собственной жизнью? Все, чего ты хочешь, – это сделать меня таким, как ты: человеком, жизнь которого принадлежит королю. Неужели ты не видишь, что жизнь – это нечто большее, чем необходимость отдавать все ради кого-то другого?

Я встретил его взгляд, а потом отвел глаза, чтобы не видеть боли и потрясения, которые были в них.

– Нет, – сказал я вяло, немного отдышавшись, – ты не видишь, не можешь знать, даже представить, что отнял у меня. Мне следовало умереть, но ты не позволил. У тебя всегда прекрасные намерения, и ты всегда веришь – все, что ты делаешь, правильно, какую бы боль это мне ни причиняло. Но кто дал тебе такое право? Кто решил, что ты можешь поступать так со мной?

В комнате не было слышно ни звука, кроме моего раздраженного голоса. Чейд застыл, а выражение лица Баррича только приводило меня в еще большую ярость. Я видел, как он пытается взять себя в руки. Он собрал свою гордость и достоинство и тихо произнес:

– Твой отец поручил мне это, Фитц. Я сделал все, что мог, для тебя, мальчик. Последнее, что сказал мне мой принц... Чивэл сказал мне: «Вырасти его как следует». И я...

– Отдал десять лет своей жизни, чтобы вырастить чужого незаконного сына, – перебил я его со злобным сарказмом. – Заботился обо мне, потому что на самом деле больше ни на что не способен. Вся свою жизнь, Баррич, ты присматривал за кем-то другим, ставил кого-то другого на первое место, принося себя в жертву ради чьего-то блага. Преданный, как собака. Разве это жизнь? Разве ты никогда не думал о том, чтобы стать собственным человеком, а не человеком короля и принимать собственные решения? Или мысли об этом толкают тебя к горлышку бутылки? – Мой голос поднялся до крика.

Я гневно смотрел на Баррича, грудь моя вздымалась и опускалась, пока я выдыхал свою ярость. Еще мальчиком я часто обещал себе, что когда-нибудь он заплатит мне за каждый подзатыльник, за мои мучения, когда я должен был чистить стойла, в то время как еле стоял на ногах от усталости. Этими словами я десятикратно выполнил свои обещания. Глаза Баррича расширились, он не мог говорить от боли. Я видел, как он пытался восстановить дыхание. В его глазах было такое потрясение, как будто я внезапно ударил его ножом. Я не знал, откуда взялись эти слова, но было уже слишком поздно пытаться вернуть их. Я не мог зачеркнуть сказанного одним лишь словом «прости». Это бы ничего не изменило.

Я надеялся, что он ударит меня и это принесет нам обоим облегчение. Он неуверенно встал, ножки стула царапнули по деревянному полу. Стул перевернулся и с грохотом упал. Баррич, ходивший так прямо и уверенно, выпив уйму бренди, шатался как пьяный, когда шел к двери и выходил в ночь. Я просто сидел, чувствуя, как что-то во мне останавливается. Я надеялся, что это мое сердце.

Мгновение царила полная тишина. Долгое мгновение.

Потом Чейд вздохнул.

– Почему? – спросил он через некоторое время.

– Не знаю.

Я хорошо умел лгать. Чейд сам научил меня.

Я смотрел в огонь. В какой-то миг мне хотелось попытаться все ему объяснить. Но потом я решил, что не стоит этого делать. Я замялся и промямлил:

– Может быть, я хотел освободиться от него. От всего, что он сделал для меня, даже против моего желания. Он должен прекратить делать для меня то, за что я никогда не смогу отплатить. То, что ни один человек не должен делать для другого, жертвы, которые не следует приносить. Я никому больше не хочу быть обязанным, и ему в том числе.

Когда Чейд заговорил, голос его был ровным. Его руки с длинными пальцами лежали на коленях спокойно, почти расслабленно. Но зеленые глаза приобрели цвет медной зелени, и в них билась ярость.

– Все время с тех пор, как ты вернулся из Горного Королевства, ты вел себя так, как будто нарывался на драку. С кем угодно. Когда в детстве ты бывал мрачным или сердитым, я относил это на счет того, что ты был мальчишкой с суждениями и разочарованиями подростка. Но с гор ты вернулся со... злобой. Ты как будто бросал вызов всему миру – убейте меня, если сможете. Дело не только в том, что ты встал Регалу поперек дороги. Ты все время мчался туда, где тебя ждала наибольшая опасность. Это понимал не только Баррич. Оглянись на свое прошлое. Каждый раз, когда я видел тебя, передо мной был Фитц, который сражался со всем миром, будь то кулачный бой или настоящая битва, а ты – пьяный как сапожник и забинтованный или вялый как веревка и выпрашивающий эльфийскую кору. Когда ты был спокойным и разумным? Когда ты веселился с друзьями? Если ты не бросал вызов врагам, ты отталкивал друзей. Что произошло между тобой и шутлом? Где теперь Молли? Только что ты выставил Баррича. Кто следующий?

– Думаю, ты. – Эти слова вылетели против моей воли. Я не хотел произносить их, но не смог удержать. Время пришло.

– Ты уже далеко продвинулся по этому пути, пока говорил с Барричем.

– Я знаю, – сказал я резко и встретил его взгляд. – Уже очень давно ничего из того, что я делаю, не нравится тебе. И Барричу. И всем остальным. Похоже, я вообще разучился принимать правильные решения.

– Трудно не согласиться, – безжалостно кивнул Чейд.

Уголек моей ярости снова разгорелся в пламя.

– Может быть, это потому, что мне никогда не давали возможности принять собственное решение? Может быть, я слишком долго был для всех «мальчиком»? Конюшим Баррича, твоим помощником-убийцей, любимчиком Верити, пажом Пейшенс? Когда я наконец смогу быть только самим собой? – Этот вопрос я задал свирепо.

– А когда этого не было? – с такой же ненавистью спросил Чейд. – Ты только это и делал с тех пор, как вернулся с гор. Ты пошел к Верити и сказал, что не желаешь больше убивать, как раз тогда, когда нам нужна была тихая работа. Пейшенс пыталась оградить тебя от встреч с Молли, но ты снова поступил по-своему и тем самым превратил ее в мишень. Ты втянул Пейшенс в заговор, так что ей стала грозить серьезная опасность. Ты привязался к волку вопреки тому, что Баррич запретил тебе использовать Дар. Ты подвергал сомнению все мои решения, касающиеся здоровья короля Шрюда. Твоей предпоследней глупостью в Оленьем замке было согласие принять участие в заговоре против короны. Мы ни разу за минувшие сто лет не были так близки к гражданской войне.

– А моя последняя глупость? – спросил я с горьким любопытством.

– Убийство Джастина и Сирен, – спокойно ответил он.

– Они уничтожили моего короля, Чейд, – заметил я ледяным тоном. – Убили его прямо у меня на руках. Что я должен был сделать?

Он встал. Теперь он возвышался надо мной, как это было раньше.

– После стольких лет учебы у меня, с многолетней привычкой к тихой работе, ты несся по замку с обнаженным ножом, чтобы перерезать глотку одному и заколоть другого в Большом зале, на глазах у собравшейся знати... Мой великолепный помощник-убийца! Другого способа ты не мог придумать?

– Я был в ярости!

– Вот именно! – проревел он в ответ. – Ты был в ярости! Так что это из-за тебя мы потеряли Баккип! У тебя было доверие прибрежных герцогов, а ты решил выставить себя перед ними сумасшедшим! У них не осталось ни капли веры в династию Видящих.

– Несколько минут назад ты ругал меня за то, что я завоевал доверие этих герцогов!

– Нет. Я упрекал тебя за то, что ты согласился возглавить заговор. Не следовало позволять им предлагать тебе управление Оленьим замком. Если бы ты вел себя правильно, эта мысль никогда не пришла бы им в голову. Снова, снова и снова ты забывал свое место. Ты не принц, ты убийца. Ты не игрок, ты игральная кость. А когда ты делаешь собственные ходы, то разрушаешь общую стратегию и ставишь под угрозу каждую пешку на доске.

Не суметь придумать ответ – это не то же самое, что согласиться с собеседником. Я яростно сверкал глазами, а Чейд просто стоял рядом, глядя на меня сверху вниз. Под критическим взглядом его зеленых глаз ярость внезапно покинула меня, оставив только горечь. Тайное подземное течение страха унесло мою решимость. Я не мог, у меня не было сил что-то сделать. Через некоторое время я услышал свой мрачный голос:

– Хорошо. Очень хорошо. Ты и Баррич правы, как всегда. Я обещаю, что не буду больше думать. Только подчиняться. Что вы хотите от меня?

– Нет...

– Что «нет»?

Чейд покачал головой:

– Сегодня мне стало совершенно ясно, что я никогда больше не должен рассчитывать на тебя. Ты больше не получишь от меня никаких распоряжений, и я не раскрою тебе своих планов. Это время прошло.

Я не чувствовал твердости в его голосе. Он отвернулся, устремив взгляд вдаль. Когда он снова заговорил, это был уже не мой учитель, а Чейд.

– Я люблю тебя, мальчик, и не хочу отнимать этого у тебя. Но ты неуправляем. А то, что нам предстоит, опасно и без твоего неистовства.

– Так что вы собираетесь предпринять? – спросил я против воли.

Его глаза встретились с моими, и он снова медленно покачал головой. Сохраняя эту тайну, Чейд разорвал связующую нас нить. Внезапно я почувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Я ошеломленно смотрел, как он поднимает свой мешок и плащ.

– Уже стемнело, – заметил я. – Путь в Олений замок нелегко даже днем. Останься по крайней мере на ночь, Чейд.

– Не могу. Ты будешь только ковырять эту ссору, как струп, пока она снова не начнет кровоточить. Было сказано уже достаточно тяжелых слов. Лучше я уйду сейчас.

И он ушел.

Я сидел один и смотрел, как горит огонь. Я зашел слишком далеко с ними обоими, гораздо дальше, чем намеревался. Я хотел разойтись с ними, а вместо этого отравил всякую память о себе. Но дело было сделано, и поправить ничего нельзя. Я встал и начал собирать вещи. На это ушло очень мало времени. Я связал их в узел, обернув моим зимним плащом. Я подумал, чем вызваны мои действия: детской обидой или внезапной решительностью? И есть ли между этим разница? Я сидел перед очагом, сжимая свой узел, и надеялся, что Баррич вернется, прежде чем я уйду. Мне хотелось, чтобы он видел, как я сожалею, чтобы знал, что я раскаиваюсь. Я заставил себя осторожно поразмыслить над этим. Потом я развязал свой узел,

положил перед очагом одеяло и растянулся на нем. С тех пор как Баррич спас меня от смерти, он всегда спал между мной и дверью. Может быть, для того, чтобы удержать меня. В некоторые ночи казалось, что, кроме него, ничего не стояло между мной и тьмой. Теперь его не было, и я чувствовал, что остался один в целом мире.

У тебя всегда есть я.

Я знаю. А у тебя я.

Я пытался, но не смог вложить хоть немного тепла в эти слова. Я выплеснул все чувства, которые во мне были, и теперь ощущал себя опустошенным и усталым. Мне так много еще надо было сделать.

Седой разговаривает с Сердцем Стаи. Мне послушать?

Нет. Их слова принадлежат им.

Внезапно мне стало больно оттого, что они вместе, в то время как я один. Тем не менее это меня утешило. Может быть, Баррич уговорит Чейда переночевать у нас. Может быть, Чейд немного смягчит действие яда, который я выплеснул на Баррича. Я сидел и смотрел в огонь и вовсе не гордился собой.

В ночи бывает мертвая точка – это самое холодное, самое темное время, когда мир уже забыл о вечере, но еще ничего не узнал о рассвете. Время, когда слишком рано вставать и нет смысла ложиться. Тогда и вошел Баррич.

Я не спал, но не пошевелился. Это его не обмануло.

– Чейд ушел, – сказал он тихо.

Я слышал, как он поднимает упавший стул. Он сел на него и начал стягивать сапоги. Я не чувствовал в нем ни враждебности, ни злобы. Как будто я никогда и не произносил тех слов. Или как будто ярость и боль сделали его немым.

– Слишком темно для такой дальней дороги, – сказал я в пламя. Я говорил осторожно, боясь разрушить чары молчания.

– Я знаю. Но у него есть маленький фонарь. Он сказал, что не может остаться, потому что боится изменить свое решение отпустить тебя.

То, чего я с такой яростью добивался, теперь казалось чуть ли не предательством. Страх во мне стал расти, подтачивая мою решимость. Внезапно я в панике сел и сделал долгий судорожный вдох.

– Баррич. То, что я сказал тебе сегодня... Я был зол, я...

– Прямо в яблочко. – Звук, который он издал, мог бы быть смехом, не будь в нем столько горечи.

– Только в том смысле, что люди, которые знают друг друга, как мы с тобой, всегда понимают, как причинить другому самую сильную боль, – взмолился я.

– Это так. Но возможно, этой собаке нужен хозяин.

Насмешка в голосе Баррича была более ядовитой, чем весь яд, который выплюнул в него я. Я не мог говорить. Он сел, бросил сапоги на пол, потом посмотрел на меня:

– Я не хотел сделать тебя похожим на меня, Фитц. Такого я не пожелал бы ни одному человеку. Я хотел, чтобы ты был похож на отца. Но иногда мне казалось – что бы я ни делал, ты хочешь только кроить свою жизнь по моей.

Некоторое время он смотрел на угли, потом тихо, нараспев заговорил, словно рассказывал сказку засыпающему ребенку:

– Я родился в Калсиде. В маленьком прибрежном городе, где на подветренной стороне бухты был рыболовный и торговый порт. Отец умер еще до моего рождения – море забрало его, и я жил с матерью и бабушкой. Моя мать стирала, чтобы прокормить нас, а бабушка присматривала за мной, но она была очень старая и часто болела. – Я скорее слышал, чем видел, его горькую улыбку. – Жизнь в рабстве не награждает женщину хорошим здоровьем. Она любила меня и делала что могла. Но у нее не хватало сил, чтобы противостоять моей воле, а я не был

мальчиком, который стал бы сидеть дома и играть в тихие игры. Так что еще ребенком я привязался к единственному сильному существу в моем мире, которое было заинтересовано во мне. Уличный пес. Чесоточный и весь в шрамах. Его единственной ценностью была жизнь. Он был безгранично предан мне, а я – ему. Его мир и его привычки были моим миром и моими привычками: брать все, что захочешь, ни на секунду не усомнившись в собственной правоте. Уверен, ты знаешь, что я имею в виду. Соседи думали, что я немой, моя мать – что я полоумный. Ну а бабушка, не сомневаюсь, кое-что подозревала. Она пыталась прогнать собаку, но, как и у тебя, у меня было собственное мнение по этому вопросу. Думаю, мне было около восьми, когда мой пес попал под телегу и погиб. Он пытался стащить кусок бекона.

Баррич встал со своего кресла и пошел к одеялу. Он забрал у меня Востроноса, когда я был младше. Я тогда решил, что щенок умер. Пес Баррича, связанный с ним Даром, погиб у него на глазах. Это мало чем отличалось от того, чтобы умереть самому.

– И что ты сделал? – спросил я тихо.

Я слышал, как он стелет постель и ложится.

– Я научился говорить, – произнес он через некоторое время. – Моя бабушка помогла мне пережить смерть Хлыста. В некотором роде после этого я перенес свою привязанность к нему на нее. Не то чтобы я забыл уроки Хлыста. Я стал вором, и очень хорошим. И заработок, который приносило мне это ремесло, немного облегчил жизнь моей матери и бабушки, хотя они никогда не подозревали, чем я занимался. Лет через десять по Калсиде прошла кровавая чума и унесла их обеих, так что я остался один и пошел в солдаты.

Я изумленно слушал. Все эти годы Баррич держал свои тайны при себе. Алкоголь никогда не развязывал ему язык, а только делал его еще молчаливее. Теперь слова лились из него потоком, смывая долгие годы моего жгучего любопытства и подозрений. Я терялся в догадках, почему сегодня его потянуло на откровенность. Его голос был единственным звуком в полумрачной комнате.

– Сперва я сражался за одного мелкого калсидийского вождя, Джекто. Я не знал, да и не хотел знать, почему мы воюем и насколько это справедливо. – Баррич тихо фыркнул. – Как я говорил тебе, выживание – не жизнь. Я заслужил репутацию жестокого человека. Никто не ждет, что мальчишка будет драться со звериной свирепостью и коварством. А для меня это был единственный способ выжить среди людей, которые служили со мной. Но в один прекрасный день нас разбили наголову. Несколько месяцев, даже почти год, я на собственном опыте учился бабушкиной ненависти к рабству. Когда я бежал, я сделал то, о чем она всегда мечтала. Я отправился в Шесть Герцогств, где нет рабов и рабовладельцев. Тогда герцогом Шокса был Гризл. Некоторое время я служил в его гвардии. Жизнь сложилась так, что я начал ухаживать за войсковыми лошадьми. Мне это понравилось. В сравнении с подонками, которые служили у Джекто, гвардейцы Гризла были почти благовоспитанными людьми, но я все равно предпочитал их обществу компании лошадей.

Когда военная кампания в Песчаных пределах закончилась успехом, герцог Гризл взял меня домой, в собственные конюшни. Там я связался с молодым жеребцом Неко. Я ухаживал за ним, но он не был моим. Гризл ездил на нем на охоту. А иногда они использовали его как племенного. Но Гризл не был мягким человеком. Он заставлял Неко драться с другими жеребцами – так некоторые люди стравливают для развлечения собак или петухов. Кобыла в охоте, и ее должен получить лучший жеребец. А я... я был связан с ним Даром. И не разделял его жизнь и свою. И так я вырос и стал мужчиной. По крайней мере внешне.

Баррич молчал некоторое время. Больше объяснять мне было не нужно. Потом он вздохнул и продолжил:

– Герцог Гризл продал Неко и шесть кобыл, и я ушел с ними вверх по побережью, в Риппон. – Он откашлялся. – Что-то вроде лошадиной чумы поразило его конюшни, и Неко умер, не проболел и дня. Двух кобыл мне удалось спасти, и только необходимость выхаживать

их удержала меня от самоубийства. Но после этого я потерял себя и уже не годился ни для чего, кроме выпивки. В стойлах осталось так мало животных, что конюшня уже не заслуживала своего названия. Так что меня отпустили, и я, конечно, снова пошел в солдаты, на этот раз к молодому принцу по имени Чивэл. Он приехал в Риппон, чтобы уладить пограничный спор между герцогствами Шокс и Риппон. Я не знаю, почему его сержант взял меня. Это был первоклассный отряд, личная гвардия принца. Я был слишком никудышным человеком для них и тем более – слишком плохим солдатом. В первый месяц моей службы у Чивэла меня дважды вызывали к нему для дисциплинарных взысканий. За драку. Подобно жеребцу или собаке, я думал, что это единственный способ занять достойное место среди других. В первый раз, когда я предстал перед принцем окровавленный и все еще сопротивляющийся, я был потрясен тем, что мы с ним ровесники. Почти все в его войсках были старше меня, и я ожидал увидеть мужчину средних лет. Я встретил взгляд Чивэла, и что-то вроде понимания пронеслось между нами – как будто мы оба увидели... чем могли бы стать в других обстоятельствах. Но это не сделало его снисходительным. Я потерял свой заработок и получил дополнительные обязанности. Когда я провинился во второй раз, все ожидали, что Чивэл выгонит меня. Я снова стоял перед принцем, готовый возненавидеть его, а он просто смотрел на меня, склонив голову набок, как собака, когда она слышит шум где-то вдалеке. Он снова лишил меня жалованья и загрузил работой. Но не выгнал. Теперь все ожидали, что я дезертирую. Не могу сказать, почему я этого не сделал. Зачем быть солдатом без жалованья и с кучей обязанностей?

Баррич снова прочистил горло. Я слышал, как он поудобнее устраивается в постели. Некоторое время он молчал, потом наконец продолжил, почти неохотно:

– В третий раз меня притащили к принцу за драку в таверне. Городской стражник швырнул меня на колени перед Чивэлом окровавленного, пьяного, все еще рвущегося в бой. К тому времени мои товарищи гвардейцы не хотели иметь со мной ничего общего. Мой сержант презирал меня, а с рядовыми я не сумел завести дружбу. Так что городские стражники меня арестовали, доставили к Чивэлу и сказали, что я уложил двоих и отбивался палкой еще от пятерых, пока не явились они.

Чивэл отпустил их, вручив кошелек, который должен был возместить убытки владельцу таверны. Он сидел за столом, какая-то незаконченная работа лежала перед ним. Не говоря ни слова, он встал и толкнул стол в угол комнаты. Потом снял рубашку и взял пику. Я думал, он собирается избить меня до смерти. Вместо этого он бросил мне другую пикку и сказал: «Хорошо. Теперь покажи мне, как ты отбивался от пяти человек». И толкнул меня пикой. – Баррич откашлялся. – Я устал и был полупьян, но не сразу успокоился. Наконец ему повезло. Он вырубил меня. Когда я пришел в себя, у собаки снова появился хозяин. Другого сорта. Я знаю, ты слышал от людей, что Чивэл был холодным, сдержанным и корректным до такой степени, что это трудно выносить. Но это не так. Он был таким, каким, по его представлениям, обязан быть мужчина. Более того, он верил, что мужчина должен всей душой стремиться стать таким. Он взял вороватого грязного мерзавца и... – Баррич умолк, у него перехватило дыхание. – На следующий день Чивэл поднял меня до рассвета. Упражнения с мечом продолжались до тех пор, пока мы оба не стали валиться с ног от усталости. До того дня меня никто толком не учил. Мне просто дали пикку и послали убивать. Он же учил меня сражаться мечом по всем правилам. Ему никогда не нравился топор, но я любил это оружие. Так что Чивэл научил меня всему, что знал о владении топором, и устроил так, чтобы я мог заниматься у мастера. Остаток дня он держал меня при себе. Как собаку. Не знаю почему. Может быть, ему не хватало общения с ровесниками. Может быть, он скучал по Верити. Может быть... я не знаю. Сперва он научил меня считать, потом читать. Он поручил мне ухаживать сначала за его лошадью, затем за его собаками и ястребом, а после этого предоставил в мое полное распоряжение всех лошадей и мулов. Но не только работе научил он меня. Чистоте. Честности. Порядочности. То есть тому, что пытались внушить мне моя мать и бабушка. Он показал это мне как истинно

мужские добродетели и научил меня быть человеком, а не зверем в человеческом обличье. Он заставил меня понять, что все это не просто правила поведения, а способ существования, что это и есть жизнь, а не выживание.

Баррич замолчал. Я слышал, как он встал. Он подошел к столу и взял бутылку самбукового вина, которую оставил Чейд. Я смотрел, как он крутит ее в руках. Потом он поставил ее, сел на один из стульев и уставился в огонь.

– Чейд сказал, что завтра я должен оставить тебя, – произнес он тихо и посмотрел на меня. – Думаю, он прав.

Я сел. Тени от угасающего огня играли на его лице. Я не мог прочесть выражение его глаз.

– Чейд сказал, что ты слишком долго был мальчиком – моим, Чейда, Верити, даже Пейшенс. Мы слишком много за тобой присматривали. Он считает, что, когда тебе придется принимать мужские решения, ты делаешь это по-детски, хотя из добрых намерений. Но одних намерений недостаточно.

– Он говорит, что считал меня мальчиком, когда посылал убивать людей? – усомнился я.

– Ты хоть немного меня слушал? Я убивал людей, будучи мальчишкой. Это не сделало меня мужчиной. Как и тебя.

– Так что мне делать? – горько усмехнулся я. – Идти искать принца, который даст мне образование?

– Вот. Видишь? Ответ мальчика. Ты не понимаешь и поэтому становишься сердитым. И ядовитым. Ты задал мне вопрос, но уже знаешь, что тебе не понравится ответ.

– А именно?

– Я мог бы сказать, что у тебя есть пути гораздо хуже, чем отправиться на поиски принца. Но я не собираюсь ничего советовать. Чейд просил меня не делать этого, и я думаю, что он прав. Но не потому, что я боюсь, будто твои решения будут глупыми. Нет, они будут не глупее, чем мои, когда я был в твоём возрасте. Полагаю, ты будешь выбирать по-звериному. Жить одним только «сейчас», никогда не думая о завтрашнем дне или о том, что было вчера. Я знаю, ты понимаешь, о чем я говорю. Ты перестал вести жизнь волка, потому что я вынудил тебя к этому. Теперь я оставлю тебя одного, чтобы ты окончательно решил, хочешь ты жить как волк или как человек.

Он встретил мой взгляд. В его глазах было слишком много понимания. Мне почудилось, что он действительно знает, какой я сделал выбор. Эта мысль испугала меня, и я оттолкнул ее. Я отгородился от Баррича плечом, почти надеясь, что мне удастся снова разозлиться на него. Но Баррич молчал.

Наконец я взглянул на него. Он смотрел в огонь. Мне потребовалось много времени, чтобы проглотить свою гордость и спросить:

– И что ты собираешься делать?

– Я тебе сказал. Я уйду завтра.

Еще труднее было задать следующий вопрос:

– Куда ты пойдешь?

Он неуверенно откашлялся:

– У меня есть друг. Это женщина. Ей может понадобится мужская сила. Нужно починить крышу ее дома, заняться огородом... На некоторое время я останусь с ней.

– Женщина? – спросил я, подняв бровь.

Голос Баррича был невыразительным.

– Ничего такого. Она просто друг. Ты, наверное, скажешь, что я опять нашел за кем присматривать. Может, и так. Может быть, пора мне начать помогать тем, кто в этом нуждается.

Теперь я смотрел в огонь.

– Баррич... Ты мне действительно нужен. Я был на краю пропасти, а ты вернул меня и сделал из меня человека.

Он фыркнул:

– Если бы я поступал с тобой правильно с самого начала, то ты никогда не оказался бы на краю.

– Вместо этого я отправился бы в могилу.

– Да? Регал не смог бы обвинить тебя в Одаренности.

– Он нашел бы какой-нибудь повод убить меня. А может быть, ему бы просто подвернулся удобный случай. На самом деле ему не нужна причина, чтобы делать то, что он хочет.

– Возможно. А возможно, и нет.

Мы сидели и смотрели, как умирает пламя. Я поднял руку к уху и повозился с застежкой на серьге.

– Я хочу отдать это тебе.

– Я бы предпочел, чтобы она осталась у тебя. Носи ее. – Баррич почти просил, и это звучало странно. – Я не знаю, что означает для тебя эта серьга. Но как бы то ни было, я не заслужил ее. У меня нет на нее права.

– То, что она символизирует, нельзя заработать. Я просто даю это тебе. Будешь ты ее носить или нет, все равно возьми с собой.

Все-таки я оставил серьгу болтаться в ухе. Тонкая серебряная сеть с синим камешком внутри. Когда-то Баррич дал ее моему отцу, а Пейшенс, ничего не зная о ее значении, передала серьгу мне. Я не знал, почему Баррич хочет, чтобы я носил ее, он ничего не сказал мне, а я не стал спрашивать. Он встал и вернулся к постели, и я услышал, как он лег.

Я ждал от него вопросов, и мне было больно оттого, что он ни о чем не спросил. Тогда я все равно ответил.

– Не имею представления, что буду делать, – сказал я в темноте. – Всю мою жизнь у меня была работа и учителя, перед которыми надо было отчитываться. Теперь, когда ничего этого нет... странное чувство.

Некоторое время я думал, что Баррич вообще не собирается отвечать. Потом он вдруг сказал:

– Это мне знакомо.

Я посмотрел на потемневший потолок.

– Я думал о Молли. Часто. Ты знаешь, где она?

– Да.

Он ничего не добавил, и я понял, что больше спрашивать не надо.

– Я знаю, что мудрее всего дать ей уйти. Пусть она верит, что я мертв. Надеюсь, что тот, к кому она ушла, кто бы он ни был, будет заботиться о ней лучше, чем я. Надеюсь, он любит ее, как она заслуживает.

Баррич зашевелился под одеялом.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он настороженно.

Это было труднее выговорить, чем я думал.

– Когда она уходила от меня в тот день, то сказала, что у нее есть кто-то другой. Его она любит так же, как я люблю своего короля, и ставит превыше всего и всех в своей жизни. – К горлу внезапно подступили рыдания. Я глубоко вдохнул, пытаюсь успокоиться. – Пейшенс была права, – сказал я.

– Да, – согласился Баррич.

– Мне некого винить, кроме себя. Как только я узнал, что Молли в безопасности, мне следовало позволить ей идти собственным путем. Она заслуживает человека, который может отдать ей все свое время и всю свою преданность...

– Да, заслуживает, – безжалостно кивнул Баррич. – И позор, что ты не понял этого, прежде чем сошелся с ней.

Одно дело самому признавать свою вину. Совсем другое – когда твой друг не только соглашается с этим, но еще и указывает, как велика эта вина. Я ничего не отрицал и не стал спрашивать, откуда он это знает. Если ему сообщила Молли, я не хотел знать, что еще она сказала. Если он догадался сам, я не хотел услышать, что догадаться было нетрудно. Меня захлестнула такая волна ярости, что я едва не зарычал. Я прикусил язык и прислушался к своим чувствам. Меня грызли вина и стыд за то, что я заставил Молли испытывать боль и сомневаться в самой себе. И все же я был уверен в том, что моими поступками руководило сердце.

Когда я овладел голосом, то сказал:

– Я никогда не буду жалеть о том, что любил ее. Только о том, что не смог сделать ее своей женой в глазах всех – а в моем сердце она была ею.

На это Баррич ничего не ответил, но через некоторое время разделяющее нас молчание стало оглушительным. И оно не давало мне уснуть. Наконец я снова заговорил:

– Так... Полагаю, завтра каждый из нас пойдет своим путем.

– Пожалуй, – ответил Баррич. Через некоторое время он добавил: – Удачи тебе. – Его слова прозвучали искренне, как будто он понимал, сколько удачи мне понадобится.

Я закрыл глаза. Я так устал, так устал... Устал обижать людей, которых любил. Но больше этому не бывать. Завтра Баррич уйдет, и я буду свободен. Свободен, чтобы следовать велению моего сердца без постороннего вмешательства.

Свободен, чтобы убить Регала.

Глава 3 Поиски

Сила – традиционная магия рода Видящих. Хотя, по-видимому, она сильнее у людей королевской крови, склонность к ней нередко можно обнаружить в боковых ветвях династии или в людях, чьими предками были как островитяне, так и жители Шести Герцогств. Эта магия дает возможность обладающему ею мысленно связываться с теми, кто находится далеко от него. Она может использоваться самыми разными способами. При помощи простейшей формы Силы можно передавать сообщения и влиять на мысли врагов (или друзей), чтобы склонить их к определенным действиям. У нее есть и недостатки: она требует огромного количества энергии и вызывает болезненную привязанность, доставляя практикующим ее то, что часто ошибочно называют удовольствием. Скорее это что-то вроде эйфории, которая возрастает в зависимости от силы и продолжительности работы Силой. Она может заманить мага в ловушку привыкания и постепенно высосать из него всю умственную и физическую силу, так что взрослый человек превратится в большого неразумного ребенка.

Баррич ушел на следующее утро. Когда я проснулся, он уже встал, оделся и ходил по хижине, собираясь в дорогу. Это не заняло у него много времени. Он забрал свою одежду и инструменты, но оставил мне львиную долю нашей провизии. Прошлой ночью мы не пили, но утром разговаривали так тихо и двигались так осторожно, как будто мучились тяжелым похмельем. Мы медлили с ответами друг другу, пока мне не показалось, что лучше бы нам не разговаривать вовсе. Мне хотелось бормотать извинения, умолять его остаться – словом, делать все, что угодно, лишь бы избежать такого конца нашей дружбы. В то же время я хотел, чтобы он ушел, чтобы все это кончилось и наступило завтра, – рассветет новый день, и я буду один. Я держался за свое решение, как хватаются за острый клинок ножа. Подозреваю, что Баррич чувствовал нечто в этом роде, потому что иногда останавливался и смотрел на меня, как будто собирался заговорить. Тогда наши глаза встречались, но в конце концов один из нас отводил взгляд в сторону. Мы многого так и не успели высказать.

Баррич собрался в путь ужасающе быстро. Он взвалил на плечи сумку, взял посох. Я стоял и смотрел на него, удивляясь тому, как непривычно видеть его отправляющимся в дорогу пешком. Солнце раннего лета, лившееся в открытую дверь, высвечивало человека, лучшие годы которого уже миновали. Белая прядь волос на месте шрама предвещала седину, уже проступающую в его бороде. Он был силен и крепок, но его юность, без сомнения, давно осталось в прошлом. Дни своего расцвета он провел, ухаживая за мной.

– Хорошо, – сказал он грубо. – Прощай, Фитц. И удачи тебе.

– И тебе удачи, Баррич. – Я быстро пересек комнату и обнял его, пока он не успел отступить.

Он тоже обнял меня, быстро сжал, так что чуть не сломал мне ребра, а потом отвел волосы с моего лба.

– Пойди причешись. Ты похож на дикаря. – Он выдал из себя улыбку, потом отвернулся и пошел прочь.

Я стоял и смотрел, как он уходит, думая, что он не оглянется, но у дальнего пастбища Баррич обернулся и помахал рукой. Я помахал в ответ. Потом он исчез в тени деревьев. Некоторое время я сидел на ступеньке, вспоминая о том времени, когда в первый раз встретился с ним. Если я буду придерживаться своего плана, могут пройти годы, прежде чем я увижу Баррича снова. Если вообще увижу. С тех пор как мне исполнилось шесть лет, он многое определял в моей жизни. Я всегда мог рассчитывать на его силу, даже когда не хотел помощи. Теперь

он ушел. Как и Чейд, как Молли, как Верити, как Пейшенс... Я вспоминал все, что сказал ему минувшей ночью, и содрогался от стыда. Это было необходимо, убеждал я себя. Но слишком многое вырвалось из древних обид, так долго копившихся в моей душе. Я не собирался вспоминать их, просто хотел прогнать Баррича, а получилось, что причинил ему боль. Я зарыл в его сердце сомнения, и отныне он, как и Молли, не сможет избавиться от них. И, ранив гордость Баррича, я уничтожил остатки уважения, которое все еще испытывал ко мне Чейд. Полагаю, в глубине души я надеялся, что в один прекрасный день смогу вернуться к ним и наши жизни снова переплетутся. Теперь я знал, что этого не будет.

– Кончено, – сказал я себе тихо. – Та жизнь кончена. Отпусти ее.

Теперь я был свободен от них обоих, свободен от их ограничений, их представлений о чести и долге, их ожиданий. Мне никогда больше не придется смотреть им в глаза и отчитываться за свои поступки. Я волен сделать то, для чего у меня еще сохранилось мужество, то единственное, что может помочь мне оставить позади мою старую жизнь.

Я убью Регала.

Это казалось мне честным. Ведь он же первым убил меня. Но меня мучил призрак данного королю Шрюду обещания, что я никогда не нанесу вреда ни одному члену его семьи. Воспоминание неотступно преследовало меня. Я успокаивал себя тем, что Регал убил человека, который дал это обещание, так же как и того, кому оно было дано. Того Фитца больше нет. Я уже никогда не предстану перед старым королем Шрюдом, чтобы доложить ему о результатах своей миссии, не буду стоять на коленях рядом с ним как человек короля, чтобы одалживать Силу Верити. Леди Пейшенс никогда не будет нагружать меня дюжиной бессмысленных поручений, которые для нее имели чрезвычайную важность. Я умер для нее, как и для Молли.

Слезы жгли мне глаза, пока я бередил свои раны. Молли ушла еще до того, как Регал убил меня, но я считал, что за эту потерю тоже должен ответить он. У меня не осталось ничего, кроме той крохи жизни, которую Баррич и Чейд сохранили для меня, и я буду мстить. Регал умрет на моих глазах и будет знать, что это я убил его. Это не будет тихим убийством – никакого незаметного яда. Я сам приведу Смерть к Регалу. Я ударю его, как стрела, как нож, летящий прямо в цель, не обремененный страхами за тех, кто окружает меня. А если я потерплю поражение – что ж... Я уже мертв, все, что было для меня важно, умерло. Моя попытка не принесет никому боли. Умереть, убив Регала, – эта игра стоит свеч. Я буду защищать свою жизнь только до тех пор, пока не получу жизнь Регала. То, что случится потом, не имеет никакого значения.

Ночной Волк пошевелился, обеспокоенный чем-то в моих мыслях.

Ты когда-нибудь думал о том, что будет со мной, если ты умрешь? – спросил Ночной Волк.

Я крепко зажмурился. Я предвидел такой вопрос.

А что будет с нами, если я буду жить как добыча?

Ночной Волк понял.

Мы – охотники. Ни один из нас не рожден быть добычей.

Я не могу быть охотником, когда все время боюсь, что стану добычей. Поэтому я должен охотиться за ним и не дать ему охотиться за мной.

Он принял мои планы слишком спокойно. Я попытался объяснить ему, что я намерен сделать. Я не хотел, чтобы он слепо следовал за мной.

Я собираюсь убить Регала. И его круг Силы. Я хочу убить их за все то, что они сделали со мной, и за то, что отняли у меня.

Регал? Это мясо мы не сможем съесть. Я не понимаю охоты на человека.

Я скомбинировал в своей голове образ Регала с образом торговца животными, который держал волка в клетке, когда он был щенком, и бил его обитой медью дубиной. Ночной Волк обдумал это.

Когда я ушел, у меня хватило ума держаться от него подальше. Охотиться за чем-то подобным так же разумно, как нападать на дикобраза.

Я не могу оставить его в покое, Ночной Волк.

Я понимаю. С дикобразами то же самое.

Для него моя ненависть к Регалу была то же, что его слабость к дикобразам. Я обнаружил, что теперь и сам отношусь к поставленной цели с меньшей невозмутимостью. Уже заявив о ней, я не мог даже подумать о том, чтобы отказаться от своего решения. Слова, сорвавшиеся у меня с языка прошлой ночью, вернулись как немой упрек. Как насчет стремления жить для себя, которое я так красочно расписал Барричу? Что ж, я проявлял нерешительность и, возможно, буду проявлять ее в дальнейшем, если только выживу, связывая все эти концы. Не то чтобы я не мог жить собственной жизнью. Я просто не в силах был вынести мысли о том, что Регал, который захватил трон Верити, считает, будто одержал надо мной верх. «Мечь, простая и прямая», – сказал я себе. Если я хочу когда-нибудь избавиться от страха и позора, я должен это сделать.

Теперь можешь войти, предложил я.

Зачем бы это?

Мне не нужно было поворачиваться, чтобы увидеть, что Ночной Волк уже входит в хижину. Он сел рядом со мной и огляделся.

Пфф! Ну и вонь у тебя в логове! Неудивительно, что у тебя нос так плохо работает!

Он осторожно прошел вглубь хижины и крадучись начал исследовать ее. Я сидел на пороге и смотрел на него. Прошло довольно много времени с тех пор, как я смотрел на него вот так, со стороны, а не как на продолжение меня самого. Ночной Волк уже совсем вырос и был в расцвете своей силы. Посторонний человек мог бы сказать, что он просто серый волк. Мне казалось, что его шкура принимает самые разные оттенки, какие только могут быть у волка, он был темноглазым, с темной мордой и мощным загривком. На плечах и спине выделялась жесткая черная ость. У него были огромные лапы, которые становились еще больше, когда он бежал по снежному насту. Его хвост был выразительнее, чем лица многих женщин. Зубы легко могли разгрызть оленью ногу. Он двигался, так изумительно экономя силы, как это делают только чрезвычайно здоровые животные. Весь его облик был целительным бальзамом для моего сердца. Когда его любопытство по большей части было удовлетворено, он подошел и сел рядом со мной. Через несколько мгновений он растянулся на солнце и закрыл глаза.

Посторожишь?

– Конечно посторожу, – заверил я его вслух.

Он повел ушами при звуке моих слов, а потом погрузился в сон, полный воздуха и солнца. Я тихо встал. Сборы были недолгими. Два одеяла и плащ. Одна смена белья, теплые шерстяные вещи, малопригодные для летнего путешествия, щетка, нож и точильный камень. Кремень. Рогатка. Несколько маленьких выделанных кож. Шнур из сухожилий. Ручной топорик. Зеркальце Баррича. Котелок и несколько ложек – последние недавно выстругал Баррич. Был еще небольшой мешок с провизией и немного муки. Оставшийся мед. Бутылка самбукового вина. Не так уж много для начала столь рискованного предприятия. Мне предстояло долгое пешее путешествие в Тредфорд. Мне надо было выдержать его, прежде чем я смогу придумать, как пройти мимо гвардейцев Регала и круга Силы и убить его. Я тщательно размышлял. Лето не дошло еще до середины. У меня достаточно времени, чтобы собрать и высушить травы, накопить рыбы и мяса в дорогу. У меня была одежда и другие нужные вещи, но со временем мне понадобятся деньги. Я сказал Чейду и Барричу, что смогу заработать на жизнь благодаря моему умению обращаться с животными и искусству писца. Может быть, все это поможет мне дойти до Тредфорда.

Путешествие могло бы быть легче, если бы я оставался Фитцем Чивэлом. Я знал лодочника, занимавшегося речными перевозками, и мог бы заработать на проезд до Тредфорда. Но

тот Фитц Чивэл умер. Он не мог просто искать работу в доках. Я вообще не мог прийти в доки – из страха, что меня узнают. Я поднял руку к лицу, вспоминая то, что показывало мне зеркало Баррича. Белая прядь в волосах напоминала, в каком месте солдаты Регала рассекли кожу. Я ощупал новую форму своего носа. Кроме того, на правой щеке, под глазом, там, где кулак Регала разбил мне лицо, был большой шрам. Никто не вспомнит Фитца, глядя на человека с такими шрамами. Я могу отпустить бороду. А если к тому же сбрею волосы на лбу, как делают писцы, то, возможно, этого будет достаточно, чтобы обмануть взгляд случайного знакомого. Но лучше не рисковать и не встречаться с теми, кто знал меня хорошо.

Я пойду пешком. Мне никогда еще не приходилось столько ходить.

Почему мы не можем просто остаться здесь? – сонно спросил Ночной Волк. *Ловить рыбу в реке, охотиться в лесах за хижинной. Что нам еще нужно? Зачем нам куда-то идти?*

Я должен. Я должен сделать это, чтобы снова стать человеком.

Ты действительно веришь в то, что хочешь снова стать человеком?

Я чувствовал, что он не верит мне, но не возражает против моей попытки. Он лениво потянулся, вставая, растопырив пальцы передних лап.

Куда мы идем?

В Тредфорд. Туда, где Регал. Далекое путешествие вверх по реке.

Там есть волки?

Вряд ли в самом городе. Но в Фарроу волки есть. И в Бакке тоже, только не здесь.

Кроме нас, заметил он и добавил: *Я хотел бы найти волков там, куда мы пойдем.*

Потом он вытянулся и снова заснул. Вот что значит быть волком. Он не будет беспокоиться до тех пор, пока мы не тронемся в путь. Тогда он просто пойдет за мной и вверит свою жизнь нашим способностям. Но я уже был слишком человеком для того, чтобы поступать так, как он.

Я начал собирать провизию на следующий день. Несмотря на возражения Ночного Волка, я убивал больше добычи, чем нам требовалось для еды. И когда охота была успешной, я не позволял ему объедаться, а оставлял часть мяса и коптил его. Баррич без конца заставлял меня чинить упряжь, и благодаря его урокам я достаточно хорошо умел обращаться с кожей, чтобы сделать себе мягкие летние сапоги. Старые сапоги я хорошенько смазал жиром и убрал до зимы. Днем, когда Ночной Волк дремал на солнце, я собирал травы. Некоторые из них были обычными лечебными, которые я хотел иметь под рукой: ивовая кора от лихорадки, малиновый корень от кашля, подорожник от нагноения, крапива, чтобы остановить кровь, и тому подобное. Остальные были не столь безобидными. Я сделал маленький кедровый ящичек и наполнил его. Я собрал и заготовил яды, как учил меня Чейд: водяной болиголов, бледная поганка, паслен, сердцевина стебля бузины, вороний глаз и сердечная схватка. Я старался выбирать те, которые не имели вкуса и запаха и которые можно было использовать в виде мелких порошков или прозрачных жидкостей. Кроме того, я собрал эльфийской коры – могущественного стимулятора, которым пользовался Чейд, чтобы помочь Верити во время работы Силой. Регал будет окружен и защищен кругом Силы. Больше всего я боялся Уилла, но и остальных не стоило недооценивать. Я помнил Барла большим сильным мальчиком, а Каррод был очень популярен среди девушек замка благодаря хорошим манерам. Но эти дни давно прошли. Я видел, что работа Силой сделала с Уиллом. Прошло много времени с тех пор, как я встречался с Карродом и Барлом, так что я не мог ничего сказать о них. Все они были обучены владению Силой, и, хотя мой природный талант когда-то был гораздо сильнее, я на своей шкуре убедился, что они знали способы использования Силы, которых не понимал даже Верити. Если они атакуют меня и я выживу, мне потребуется эльфийская кора для восстановления сил.

Я сделал сумку достаточно большую, чтобы в нее помещался ящичек с ядами, но в остальном похожую на те, что носят писцы. Это должно было стать еще одним штрихом к портрету человека, которым я решил притвориться. При виде этой сумки случайный знако-

мый сразу примет меня за писца и не станет приглядываться. Перья для письма я выдрал у гуся, пойманного на охоте. Я приготовил костяные трубочки с затычками, чтобы хранить в них порошки для красок. Волк с неохотой все же позволил мне выдрать у него клочок шерсти для грубых кистей. Более тонкие кисти я попытался сделать из шерсти кроликов, но они получились неважными. Это было плохо. Люди считают, что у настоящего писца должны быть чернила, кисти и перья. Я с грустью признал правоту Пейшенс, утверждавшей, что почерк у меня хороший, но считать себя писцом я все-таки не могу. Я надеялся, что моих запасов будет достаточно для любой работы, которую я смогу найти по дороге в Тредфорд.

И вот все необходимое было собрано. Я знал, что должен поскорее отправиться в путь, чтобы использовать для путешествия летнюю погоду. Я жаждал отмщения, и тем не менее мне не хотелось оставлять эту хижину и эту жизнь. Впервые на моей памяти я вставал, когда просыпался, и ел, когда был голоден. У меня не было никакой работы, кроме той, которую я задавал себе сам. Конечно, не повредило бы еще немного пожить так и поправить здоровье. Впрочем, синяки, полученные мною в темнице, давно прошли, и о том времени теперь напоминали только всевозможные шрамы, да еще порой по утрам я чувствовал странную скованность. Иногда, когда я прыгал или слишком резко поворачивал голову, мое тело пронзала боль. После особенно напряженной охоты я часто дрожал и опасался приступа судорог. Я подумал и решил, что будет разумнее отправляться в путь после того, как здоровье восстановится полностью.

И мы на некоторое время задержались. Погода была хорошая, мы удачно охотились. С течением дней ко мне вернулось былое владение собственным телом. Нет, мне не удалось вновь превратиться в того крепкого воина, каким я был год назад, но теперь я мог бежать вровень с моим волком во время ночной охоты. Когда я прыгал, чтобы убить, мои движения были точными и уверенными. Тело налилось силой. Я оставил позади прежние страдания, помня о них, но не сосредоточиваясь на прошлом. Кошмары, терзавшие меня, постепенно проходили, я избавлялся от них, как Ночной Волк от остатков зимней шубы. Я никогда не знал такой простой жизни. Я наконец был в мире с самим собой.

Но ничто в мире не длится вечно. Пришел сон, чтобы разбудить меня. Мы с Ночным Волком поднялись до рассвета, охотились и вместе убили пару кроликов. Холм был испещрен их норами, так что охота ради пропитания быстро перешла в дурацкую игру с прыжками и раскопками. Уже рассвело, когда мы перестали играть. Мы скатились со склона в пестрые тени берез, снова поели и задремали. И тогда что-то – возможно, неровный свет, падавший на мое лицо, – вызвало этот сон.

Я снова был в Оленьем замке. Я лежал в старой караульной, распростертый на холодном каменном полу, а вокруг стояли полные злобы люди. Пол под моей щекой был липко-скользким от стынущей крови. Пока я тяжело дышал, раскрыв рот, ее запах и вкус слились, чтобы наполнить всего меня. *Они* снова пришли за мной – не только человек в кожаных перчатках, но и Уилл, ускользящий невидимый Уилл, бесшумно просачивающийся сквозь мои стены, чтобы залезть в разум.

– Пожалуйста, подождите, пожалуйста!.. – молил я их. – Стойте, умоляю вас! Я совсем не тот, кого вам нужно бояться и ненавидеть. Я волк, просто волк, и ничем вам не угрожаю. Я не причиню вам никакого вреда, только отпустите меня. Я ничто для вас и никогда больше не буду мешать вам, я всего лишь волк... – Я поднял морду к небу и завыл.

Мой собственный вой разбудил меня. Я перекатился на четвереньки, встряхнулся и встал на ноги. «Сон, – сказал я себе, – всего лишь сон». Страх и стыд нахлынули на меня. Во сне я умолял о пощаде, чего никогда не делал в реальности. Я сказал себе, что я не трус. Так ли это? Мне казалось, что я до сих пор ощущаю вкус и запах крови.

Куда ты? – лениво спросил Ночной Волк.

Он лежал в тени, и его шкура достаточно хорошо его скрывала.

К воде.

Я подошел к реке, смыл липкую кроличью кровь с лица и рук и жадно напился. Потом снова вымыл лицо, царапая ногтями бороду, чтобы очистить ее от крови. Борода вдруг стала невыносимой. Что ж, я все равно не собирался идти туда, где меня могут узнать. Так что вернулся в пастушью хижину, чтобы побриться. В дверях я наморщил нос от затхлого запаха. Ночной Волк был прав: жизнь в доме притупила мой нюх. Я едва мог поверить, что выносил это.

Я неохотно вошел, фыркая от человеческих запахов. Несколько ночей назад прошел дождь. Часть копченого мяса заплесневела от сырости, в некоторых кусках копошились черви. Я разобрал его, морща нос.

Прошло много дней с тех пор, как я был здесь.

Возможно, недель.

Я не имел ни малейшего представления о времени. Я смотрел на испорченное мясо, на пыль, которая покрывала мои разбросанные вещи. Я ощупал свою бороду и был поражен тем, как она отросла. С тех пор как Баррич и Чейд оставили меня, прошли недели. Я подошел к двери хижины и выглянул наружу. Там, где раньше были тропинки через луг к речке, теперь высоко поднялась трава. Весенние цветы давно увяли, на кустах зеленели ягоды. Я посмотрел на свои руки, на грязь, ввевшуюся в кожу, засохшую кровь под ногтями. Когда-то пожирание сырой плоти вызвало бы во мне отвращение. Теперь мысль о приготовлении мяса казалась странной и чуждой. Мое сознание ушло в сторону, и я не хотел противостоять самому себе. Я умолял себя заняться этим завтра, позже, а пока пойти и найти Ночного Волка.

Ты тревожишься, маленький брат?

Да. Я заставил себя добавить: Ты не можешь мне помочь в этом. Это человеческая тревога. То, с чем я должен справиться сам.

Просто будь волком, посоветовал он лениво.

У меня не было сил отвечать. Я пропустил предложение мимо ушей и посмотрел на себя. Моя одежда была покрыта грязью и засохшей кровью, штаны ниже колен превратились в лохмотья. С содроганием я вспомнил «перекованных» и их разорванную одежду. Во что я превратился? Я дернул себя за воротник рубахи и вздрогнул от собственного запаха. Волки были гораздо чище. Ночной Волк вылизывался каждый день. Я сказал это вслух, и мой хриплый голос еще больше напугал меня:

– Как только Баррич оставил меня одного, я превратился в нечто худшее, чем просто животное. Ни чувства времени, ни потребности в чистоте, ни дела, ни заботы о чем-либо, кроме еды и сна. Вот чего он пытался не допустить все эти годы. Со мной произошло именно то, чего он всегда боялся.

С большим трудом я разжег огонь в очаге. Я несколько раз ходил к реке, чтобы набрать воды столько, сколько смог. Пастухи оставили в хижине тяжелый котел для вытапливания сала, и в него входило воды достаточно, чтобы наполнить большое деревянное корыто, стоявшее снаружи. Пока вода грелась, я собрал мыльного корня и осоки. Никогда раньше я не бывал таким грязным. Грубая осока соскребала целые пласты кожи вместе с грязью, впитавшейся в нее, пока я наконец не счел себя вполне чистым. В воде осталось плавать множество блох. Кроме того, я обнаружил клеща у себя на шее и сжег его тлеющей палкой из очага. Когда мои волосы высохли, я расчесал их и снова завязал сзади в воинский хвост. Бреясь перед зеркалом, которое оставил мне Баррич, я с изумлением вглядывался в свое отражение. Загоревший лоб и бледный подбородок. К тому времени, когда я согрел еще воды и постирал одежду, я начал понимать фанатическую чистоплотность Баррича. Чтобы спасти то, что осталось от моих штанов, мне пришлось обрезать их до колен. Даже после этого они выглядели ужасно. Потом я принялся отстирывать постельное белье и зимнюю одежду, смывая запах плесени. Мышь позаимствовала часть моего зимнего плаща, чтобы сделать себе гнездо, и я кое-как залатал

дырку. Я поднял глаза от собственных мокрых гамаш, висящих на кусте, и обнаружил, что за мной наблюдает Ночной Волк.

Ты снова пахнешь, как человек.

Это хорошо или плохо?

Лучше, чем пахнуть, как добыча прошлой недели. Хуже, чем пахнуть, как волк. Он встал и потянулся, растопырив пальцы передних лап. *Так. Ты действительно решил быть человеком. Мы скоро отправимся в путь?*

Да. Мы пойдем на запад. Вверх по Оленьей реке.

О!

Он вдруг чихнул, потом упал на бок и стал кататься на спине, как расшалившийся щенок. Ночной Волк весело извивался, втирая пыль в шкуру, а потом встал на ноги и как следует встряхнулся. Мое решение его обрадовало, и это было тяжело для меня. Во что я его втянул?

К ночи вся моя одежда и постельное белье были еще сырыми. Я отослал Ночного Волка охотиться. В чистом ночном небе горела полная луна. И я знал, что он вернется не скоро и поймает много дичи.

Я пошел в хижину и разжег огонь, чтобы испечь лепешки из остатков муки, большую часть которой испортил жучок. Лучше съесть ее сейчас, чем оставить ему на потребу. Простые лепешки с засахарившимся медом из горшка были невероятно вкусными. Я знал, что лучше бы мне включить в мою диету что-нибудь кроме мяса и пригоршни зерна каждый день. Я приготовил чай из дикой мяты и свежих ростков крапивы, и это тоже было вкусно. Потом я принес одеяло, которое почти высохло, расстелил его перед очагом, лег и стал глядеть в огонь. Я поискал Ночного Волка, но он отказался присоединиться ко мне, предпочтя свежее мясо и мягкую землю под дубом на краю луга. Я был один и чувствовал себя человеком впервые за многие месяцы. Это было немного странно, но хорошо.

Я перевернулся на бок и заметил оставленный на стуле пакет. Я знал наизусть каждый предмет в хижине. Этого в ней не было, когда я приходил сюда в последний раз. Я поднял его, обнюхал и обнаружил слабый запах Баррича и мой собственный.

Это был небольшой сверток. Я развернул его. Одна из моих рубашек, которую каким-то образом достали из моего старого сундука с одеждой, – мягкая, коричневая, я всегда очень любил ее. Пара гамаш. Глиняный горшочек с мазью Баррича от порезов, ожогов и синяков. Четыре серебряные монетки в маленьком кожаном кошельке. Хороший кожаный пояс. Баррич вышил на нем оленя. Я сидел и смотрел на рисунок. Это был олень с опущенными рогами, готовый к драке, – такой же, как на гербе, избранном для меня Верити. На поясе олень отгонял волка. Трудно было не понять этого послания.

Я оделся перед огнем, в отчаянии, что пропустил его визит, и тем не менее испытывая облегчение. Зная Баррича, я мог сказать, что он, вероятно, чувствовал примерно то же самое, когда пришел сюда и обнаружил, что меня нет. Может быть, он принес все это, чтобы убедить меня вернуться к нему? Или чтобы пожелать мне счастливого пути? Я попытался не думать о его намерениях и о том, что он почувствовал, когда увидел брошенную хижину. Теперь я снова был одет как следует, и это помогло мне в большей степени ощутить себя человеком. Я повесил кошелек и нож на пояс и туго затянул его. Потом подвинул стул к очагу и сел, уставившись в огонь.

Только тогда я наконец отважился задуматься о своем сне. Я чувствовал странное напряжение в груди. Я трус? Не уверен. Я собирался отправиться в Тредфорд и убить Регала. Разве трус поступил бы так? Может быть, подсказывала мне предательская память, может быть, именно так он бы и поступил, если это легче, чем искать своего короля. Я пытался отогнать эту мысль, но снова и снова возвращался к ней.

Действительно ли Регала необходимо убить, или мне просто этого хочется? Почему это важно? Потому что важно. Может быть, вместо этого я должен отправиться на поиски Верити.

Глупо думать об этом, пока неизвестно, жив ли он. Если бы я мог связаться с ним Силой, это было бы нетрудно выяснить. Но я никогда не владел Силой в совершенстве. Тут уж Гален постарался. Он хитростью и давлением отнял мой естественный сильный талант к Силе и превратил его в нечто непостоянное и ненадежное. Можно ли это изменить? Мне не помешает как следует овладеть Силой, если я хочу проскользнуть мимо круга Регала и добраться до его горла. Но можно ли научиться этой магии самостоятельно? Как может человек научиться чему-то, если он даже не вполне понимает, как оно работает? Все способности, которые Гален либо вбил, либо выбил из меня, все знания, которые у Верити никогда не было времени мне передать, – как я мог овладеть этим сам? Никак.

Я не хотел думать о Верити. Эти мысли, как и многое другое, напоминали мне о моем долге. Верити. Мой принц. Ныне – мой король. Связанный с ним кровью и Силой, я начал понимать его, как никакого другого человека. Быть открытым Силе, говорил он мне, это значит просто не быть закрытым для нее. Магическая борьба с пиратами стала его жизнью, отбирая его юность и жизненные силы. У него никогда не было времени научить меня контролировать мою Силу, но Верити преподавал мне все уроки, какие только мог. Его Сила была столь велика, что он мог прикоснуться ко мне и быть со мной единым существом на протяжении многих дней или даже недель. А однажды, когда я сидел в кресле перед рабочим столом в башне моего принца, мне удалось связаться с ним Силой. Я смотрел на разбросанные на столе инструменты, которыми он рисовал карты, и мне захотелось, чтобы Верити был дома и управлял своим королевством. И тогда, в тот единственный раз, я просто потянулся и достиг его. Так легко, без подготовки и даже без такого намерения. Сейчас я пытаюсь привести себя в то же состояние духа, хотя передо мной не было ни стола Верити, ни беспорядка на нем, который помог бы мне вспомнить о Верити. Но если я закрою глаза, то смогу увидеть своего принца. Я набрал в грудь воздуха и попытался вызвать его образ.

Мой дядя Верити был шире меня в плечах, но немного ниже ростом. У него, как и у меня, были темные глаза и темные волосы потомка Видящих, но его глаза были посажены глубже, чем мои, а непокорную шевелюру и бороду тронула седина. Когда я был мальчиком, это был плотный мужчина с прекрасной мускулатурой, обращавшийся с мечом так же легко, как с пером. Последние годы иссушили его. Он был вынужден проводить слишком много времени в физическом безделье, когда использовал свою Силу, чтобы защищать от пиратов нашу береговую линию. Его мышцы ослабевали, но Сила возрастала, и в конце концов в его обществе я стал чувствовать себя так, словно стоял перед пылающим очагом. В такие мгновения Сила Верити казалась мне куда более реальной, чем он сам. Чтобы приблизиться к нему, я вызвал в памяти цветные чернила, которыми он рисовал свои карты, запах пергамента и эльфийской коры, слишком часто ощущавшийся в его дыхании.

– Верити, – тихо сказал я вслух и почувствовал, как имя эхом отдается внутри меня, отскакивая от моих защитных стен.

Я открыл глаза. Я не смогу пробиться к нему, пока не опущу свои стены. Образ Верити ничем мне не поможет, пока я не открою дорогу своей Силе, чтобы она могла рвануться вперед и впустить в мой разум Силу Верити. Очень хорошо. Это не так уж трудно. Расслабиться. Смотреть в огонь и наблюдать за крошечными искрами, которые вылетают из огня. Танцующие легкие искры. Ослабить напряжение. Забыть, как Уилл ударил Силой по моей стене и чуть не разрушил ее. Забыть, что только эти стены уберегли мой разум, пока люди Регала сокрушали мою плоть. Забыть болезненное ощущение насилия в тот раз, когда ко мне пробивался Джастин. Забыть, как Гален разрушил мой талант к магии Видящих, использовав свое положение мастера Силы и силой завладев моим сознанием.

Так ясно, словно Верити снова был рядом со мной, я услышал слова моего принца: «Гален испугал тебя. У тебя есть стены, которые не могу пробить даже я, а моя Сила велика. Ты должен научиться опускать их. Это трудно». Эти слова были сказаны много лет назад, до втор-

жения Джастина, до атаки Уилла. Я горько улыбнулся. Знали ли они, что преуспели в своем стремлении лишить меня Силы? Они, наверное, не думают об этом. Кто-то где-то должен это записать. Когда-нибудь одаренный Силой король может найти полезной эту информацию: если вы сильно повредите сознание одаренного Силой, опять-таки при помощи Силы, вы можете замкнуть его в самом себе, так что он полностью утратит способность к этой магии.

У Верити не было времени научить меня опускать стены. По горькой иронии судьбы он нашел минуту и показал мне, как укрепить их, чтобы я мог скрыть от него личные мысли, если не хотел ими делиться. Похоже, этому я научился слишком хорошо. Я подумал, будет ли у меня когда-нибудь время разучиться делать это.

Время, не время, устало вмешался Ночной Волк. Время – это то, что придумали люди себе в наказание. Ты столько думаешь об этом, что у меня начинает кружиться голова. Зачем ты вообще идешь по этим старым следам? Вынюхай новый – там, может, найдешь немного мяса. Если хочешь получить добычу, ты должен охотиться, вот и все. Ты не можешь сказать: охотиться – это слишком долго, я просто хочу есть. Все это одно. Охота – это начало еды.

Ты не понимаешь, сказал я ему. В дне слишком много часов, и слишком много дней, когда я могу это сделать.

Зачем ты рубишь свою жизнь на кусочки и даешь этим кусочкам имена? Часы, дни. Это как с кроликом. Если я убил кролика, я ем кролика. Он сонно фыркнул. Когда ты получаешь кролика, ты разрубаешь его на куски и называешь это костями, мясом, шерстью и потрохами. И тебе всегда мало.

Так что же мне делать, о мудрый учитель?

Перестань скулить и просто сделай то, что хочешь. Дай мне спать.

Он слегка толкнул меня мысленно, как можно толкнуть локтем в ребра, когда сосед по столу в таверне подсаживается к тебе слишком близко. Я внезапно осознал, каким тесным был наш контакт в последние несколько недель. Было время, когда я упрекал Ночного Волка за то, что он все время находится в моем сознании. Я не хотел его общества, когда бывал с Молли, и пытался объяснить ему, что такие мгновения должны принадлежать мне одному. А этот его толчок сделал для меня ясным, что теперь я привязан к нему так же тесно, как он ко мне, когда был еще щенком. Я подавил желание прижаться к нему, устроился поудобнее в кресле и усталился в огонь.

Я опустил стены и сидел некоторое время с пересохшим ртом, ожидая атаки. Когда ничего не произошло, я осторожно снова поднял их. «Они считают меня мертвым, – напомнил я себе. – Они не будут всю жизнь сидеть в засаде, подкарауливая мертвеца». Все равно было трудно заставить стены опуститься. Гораздо легче не шуриться, глядя на яркие солнечные блики на воде, или, не дрогнув, ждать удара. Когда я наконец сделал это, я ощутил, как Сила течет, огибая меня, как будто я был камнем на дне реки. Мне нужно было только окунуться в эту реку, и я мог найти Верити. Или Уилла, или Барла, или Каррода. Я содрогнулся, и река отступила. Я успокоился и вернулся к ней. Долгое время я стоял, колеблясь, на берегу, понуждая себя окунуться. Когда имеешь дело с Силой, нельзя попробовать воду. Или туда, или оттуда. Туда.

И я крутился и кувыркался и чувствовал, что распадаюсь на части, как кусок сгнившей веревки. Река мало-помалу смывала с меня все покровы, которые делали меня мной. Воспоминания, чувства, потаенные мысли, вспышки поэтического вдохновения, ленивые воспоминания обычных дней – все это отпадало, словно лохмотья. Это было так хорошо! И все, что мне нужно было сделать, – это позволить реке продолжать.

Но тогда Гален окажется прав.

Верити?

Ответа не было. Ничего. Его здесь нет.

Я вынырнул и вернулся в себя. Оказалось, что я могу сделать это. Умею держаться в потоке Силы и не терять самого себя. Почему это всегда было так трудно раньше? Я отменил этот вопрос и стал обдумывать дальнейшее. А дальнейшим было то, что Верити жив и разговаривал со мной всего несколько коротких месяцев назад. «Скажи им, что Верити жив. Вот и все». Так я и сделал, но Баррич и Чейд не поняли, и никто ничего не предпринял. Однако чем могло быть это послание, если не мольбой о помощи? Зов моего короля остался без ответа!

И неожиданно это оказалось совсем просто, и крик Силы вырвался из моей груди, он тянулся и искал.

ВЕРИТИ?

... *Чивэл?* – Не больше чем шепот, коснувшийся моего сознания, легкий, как мошка, бьющаяся в оконную занавеску.

На этот раз была моя очередь тянуться, хватать и останавливать. Я ринулся к нему и нашел. Его присутствие мерцало, как пламя свечи, угасающей в собственном воске. Я знал, что Верити скоро исчезнет. У меня была тысяча вопросов. Я задал самый важный:

Верити. Вы можете взять у меня Силу, не касаясь меня?

Фитц? – прозвучало более слабо, протяжно. *Я думал, Чивэл вернулся...* Он колебался на кромке мрака. *Чтобы взять у меня эту ношу...*

Верити, соберитесь с мыслями. Вы можете взять у меня Силу? Вы можете сделать это сейчас?

Я... нет. Я не могу дотянуться. Фитц?

Я вспомнил Шрюда, берущего у меня Силу, чтобы попрощаться со своим сыном, и как Джастин с Сирен вцепились в него. И старый король умер, истаял – как лопнувший мыльный пузырь. Как погасшая искра.

ВЕРИТИ!

Я ринулся к нему, окутал и остановил его, как часто он останавливал меня во время наших контактов Силой.

Возьмите! – скомандовал я и раскрылся ему.

Я заставил себя поверить в реальность его руки на моем плече, пытался вспомнить, что испытывал в те мгновения, когда он или Шрюд брали у меня энергию для работы Силой. Пламя присутствия Верити во мне внезапно взметнулось и снова загорелось сильно и ярко.

Довольно! – предостерег он меня, и потом, настойчивее: *Будь осторожен, мальчик!*

Ничего страшного, я могу это сделать, заверил я его и направил ему мою Силу.

Довольно! – отрезал Верити и отстранился от меня.

Это было как будто мы слегка отошли друг от друга и рассматривали один другого. Я не мог видеть его, но чувствовал ужасную усталость. Это была не та здоровая усталость, которая приходит в конце дневной работы, но ужасная, пробирающая до костей, когда один тяжелый день наваливается на другой и все время не хватает еды и отдыха в промежутках между ними. Я дал Верити энергию, но не здоровье, и он быстро сожжет то, что заимствовал у меня, потому что это была не настоящая Сила, как чай из эльфийской коры не был питательной едой.

Где вы? – спросил я его.

В горах, сказал он неохотно и добавил: *Больше говорить небезопасно. Мы вообще не должны пользоваться Силой. Есть уши, которые попытаются услышать нас.*

Но он не разрывал контакта, и я знал, что он не меньше, чем я, жаждет задавать вопросы. Я пытался сообразить, что можно сказать ему. Я не ощущал чужого присутствия, но не был уверен, что почувствую шпиона. Долгие мгновения наш контакт продолжался просто как чувство общности. Потом Верити строго предупредил меня:

Ты должен быть осторожнее. Иначе не миновать тебе беды. И все же ты придал мне мужества. Я слишком долго не чувствовал прикосновения друга.

Тогда для меня это стоит любого риска. Я помедлил, потом обнаружил, что не могу закрыть в себе эту мысль. Мой король. Я должен кое-что сделать. Но когда это будет сделано, я приду к вам.

Тут я почувствовал что-то от него. Благодарность.

Надеюсь, я все еще буду здесь, если ты появишься. Потом жестко прозвучало: Не называй имен. Пользуйся Силой только при крайней необходимости. Потом, мягче: Береги себя, мальчик. Будь очень осторожен. Они безжалостны.

И вдруг Верити исчез, резко оборвав контакт. Я надеялся, что там, где он находится, он использует данную мной энергию, чтобы найти немного еды и безопасное место для отдыха. Я чувствовал, что он живет в постоянном страхе перед преследованием, все время настороже, все время голодный. Добыча, как и я. И что-то еще. Рана или лихорадка? Я откинулся на стуле, меня била легкая дрожь. Я знал, что вставать нельзя. Сама работа Силой отняла у меня много энергии, а я к тому же открылся Верити и позволил ему забрать еще больше. Немного позже, когда дрожь пройдет, я встану и заварю чай из эльфийской коры. А пока я просто сидел и думал о Верити.

Он покинул Олений замок прошлой осенью. Казалось, с тех пор прошла вечность. Когда Верити уезжал, король Шрюд был еще жив, а жена Верити, Кетриккен, – беременна. Он отправился в долгое путешествие. Пираты с Внешних островов к тому времени уже три года истязали наши берега, и нам никак не удавалось выгнать их. Так что Верити, будущий король Шести Герцогств, отправился в горы, чтобы найти там наших полуполюгендарных союзников, Элдерлингов. Традиционно считалось, что много поколений назад король Вайздом призвал их и они спасли Шесть Герцогств от бесконечных пиратских набегов. Легенды гласили, что Элдерлинги обещали вернуться, если нам снова понадобится их помощь.

Итак, Верити оставил трон, жену и королевство, чтобы отыскать Элдерлингов и напомнить об их обещании. Его престарелый отец, король Шрюд, остался дома, так же как и его младший брат, принц Регал. Почти немедленно после отъезда Верити Регал организовал заговор против него. Регал поддерживал внутренних герцогов и не обращал внимания на нужды Прибрежных герцогств. Я подозреваю, что именно он распускал слухи о том, что Верити погнался за химерой, что будущий король – слабоумный или сумасшедший. Круг магов Силы, присягнувший Верити, на самом деле давно работал на Регала. С их помощью младший принц объявил о том, что Верити погиб на пути в горы, и сам получил титул будущего короля. К этому моменту он уже полностью контролировал своего дряхлеющего отца, Шрюда. Регал решил перевезти двор внутрь страны и бросить Олений замок, во всех смыслах, на произвол пиратов красных кораблей. Когда он заявил, что король Шрюд и жена Верити Кетриккен должны будут поехать с ним, Чейд решил, что настало время действовать. Мы знали, что ни тот ни другая не будут долго стоять между Регалом и тронном. И мы составили план, согласно которому оба они должны были бежать в тот самый день, когда Регал объявит себя будущим королем.

Но все пошло наперекосяк. Прибрежные герцоги были близки к тому, чтобы восстать против Регала. Они пытались привлечь меня на свою сторону. Я согласился помочь им, в надежде сохранить Олений замок для Верити. Прежде чем мы успели вывезти короля, члены круга Силы убили его. Убежала только Кетриккен, и хотя я расправился с убийцами Шрюда, но сам был схвачен, подвергнут пыткам и обвинен в занятиях магией Дара. Пейшенс, жена моего отца, безуспешно ходатайствовала за меня. Если бы Баррич не передал мне яд, меня бы повесили над водой и сожгли. Но с помощью отравы мне удалось убедительно имитировать смерть. Пока мой дух пребывал в теле Ночного Волка, Пейшенс забрала мой труп из тюрьмы и похоронила его. Втайне от нее Баррич и Чейд откопали меня.

Я моргнул и отвел глаза от очага. Огонь еле тлел. Вся моя жизнь представлялась мне именно такой – пройденный мною путь покрыл пепел. Нет никакой надежды вернуть женщину, которую я любил. Молли думает, что я мертв, и, безусловно, презирает из-за того, что

я использовал магию Дара. И как бы то ни было, она оставила меня за много дней до того, как моя жизнь пошла прахом. Я знал Молли с детства, мы вместе играли на улицах и в доках Баккипа. Она называла меня Новичком и считала, что я просто один из мальчишек, которые живут в замке, – конюший или будущий писец. Она полюбила меня до того, как обнаружила, что я бастард, незаконный сын, из-за которого принц Чивэл отрекся от трона. Когда она узнала об этом, я чуть не потерял ее. Но я убедил ее доверять мне, и почти год мы цеплялись друг за друга, невзирая на все препятствия. Снова и снова я был вынужден ставить мой долг перед королем выше наших желаний и стремлений. Король отказался дать мне разрешение жениться. Он хотел, чтобы я ухаживал за другой женщиной. Молли приняла это. Даже это она стерпела. Ей угрожали и над ней смеялись, называя ее шлюхой бастарда. Я не мог защитить ее. Однако у нее хватило мужества перенести все это... Но однажды она просто сказала мне, что у нее есть другой, кого она любит и ставит выше всех в своей жизни, так же как я своего короля. И она покинула меня. Я не винил ее за это. Я мог только тосковать без нее.

Я в изнеможении закрыл глаза. Невероятная усталость парализовала меня. И Верити предупредил меня, чтобы я больше не пользовался Силой без крайней необходимости. Но ведь не произойдет ничего страшного, если я попытаюсь отыскать Молли. Просто увидеть ее на мгновение, убедиться, что с ней все в порядке... Скорее всего, это мне вообще не удастся. Но что будет плохого, если я попытаюсь, только на минутку?

Это должно быть легко. От меня не потребуется никаких усилий, чтобы вспомнить ее. Я так часто вдыхал ее запах – запах трав, которыми она ароматизировала свои свечи, и ее собственной нежной кожи. Я знал все переливы ее голоса и как он становится глубже, когда она смеется. Я мог вспомнить четкую линию ее подбородка и как она вздергивала его, когда сердилась на меня. Я чувствовал тяжесть ее шелковистых волос и пронзительный взгляд темных глаз. У нее была привычка сжимать мое лицо руками, когда она целовала меня... Я поднял руку к своему лицу, желая найти ее руку, схватить и не отпускать никогда. Вместо этого я ощутил шрам. Глупые слезы выступили у меня на глазах. Я сморгнул их и увидел, как пламя в очаге на мгновение помутилось, прежде чем я снова стал различать его. «Я устал, – сказал я себе. – Слишком устал, чтобы искать Молли Силой. Нужно поспать». Я пытался избавиться от обуревавших меня чувств. Тем не менее я сделал свой выбор, когда решил снова стать человеком. Может быть, разумнее было остаться волком. Конечно же, животным не приходится чувствовать ничего подобного.

Снаружи в ночи одинокий волк поднял морду к небесам и внезапно завыл, пронзая ночь одиночеством и отчаянием.

Глава 4

Речная дорога

Бакк, старейшее из Шести Герцогств, имеет береговую линию, которая тянется от городка Дюны на юг, включая в себя устье Оленьей реки и Оленью бухту. Остров Олений Рог тоже относится к этому герцогству. Богатство Бакка имеет два главных источника – рыболовный промысел, которым издавна кормится прибрежный народ, и речное судоходство, обеспечивающее Внутренние герцогства всем необходимым. Оленья река, легко текущая по своему широкому руслу, весной часто затапливает долины. Течение такое сильное, что на реке круглый год остается свободный ото льда проход. Он покрывался льдом только четырежды, в самые свирепые зимы за всю историю Бакка. Вверх по реке во Внутренние герцогства уходят не только грузы из Бакка, но и продукция Риппона и Шокса, не говоря уже об экзотических товарах из Калсиды и Удачного. Вниз по реке сплавляют все, что могут предложить Внутренние герцогства, а также меха и янтарь, которые продает Горное Королевство.

Я очнулся оттого, что Ночной Волк ткнулся мне в щеку холодным носом. Даже тогда я не проснулся сразу, а просто внезапно понял, где нахожусь. В голове у меня стучало, лицо затекло. Пустая бутылка из-под самбукового вина откатилась от меня, когда я рывком сел.

Ты спишь слишком крепко. Ты болен?

Нет. Просто глуп.

Я никогда раньше не замечал, чтобы глупость заставляла тебя так крепко спать.

Ночной Волк снова ткнул меня носом, я отпихнул его. Крепко зажмурившись на мгновение, я снова открыл глаза. Лучше не стало. Я подбросил несколько поленьев к вчерашним углям.

– Сейчас утро? – сонно спросил я вслух.

Свет только начинает меняться. Нам лучше вернуться к кроличьим норам.

Так иди. Я не голоден.

Очень хорошо. Он двинулся вперед, потом задержался в открытых дверях. *Не думаю, что тебе полезно спать внутри.* И исчез, только серая тень мелькнула у порога.

Я медленно лег и закрыл глаза, решив еще немного поспать.

Когда я снова проснулся, в открытую дверь лился яркий дневной свет. Быстрое обследование при помощи Дара обнаружило сытого волка, дремлющего в пестрой тени между двумя большими корнями дуба. Ночной Волк не видел особой пользы в ясных солнечных днях. Сегодня я был согласен с ним, но заставил себя вернуться к вчерашнему решению. Я начал приводить хижину в порядок. Потом мне пришлось в голову, что я, вероятно, никогда больше не увижу этого места. Привычка заставила меня, по крайней мере, вымести весь мусор. Я вычистил золу из очага и положил туда охапку свежих дров. Если когда-нибудь здесь будут проходить путники и станут искать убежища на ночлег в старой хижине, она будет готова к приему гостей. Я собрал высохшую одежду и сложил на столе все, что собирался взять с собой. Вещей набралось очень мало, особенно если учесть, что это было все мое имущество. Но когда я подумал, что мне придется тащить эту поклажу на собственной спине, то решил, что их вполне достаточно.

Я спустился к речке, чтобы напиться и вымыться, прежде чем взяться за попытки удобно сложить свои пожитки. На обратном пути в хижину я думал, как недоволен будет Ночной Волк необходимостью путешествовать днем. Мои запасные гамашки лежали на крыльце – должно быть, я обронил их. Подобрал гамашки, я вошел в хижину и швырнул их на стол. И только тут обнаружил, что у меня гости.

Одежда на ступеньке должна была насторожить меня, но я стал не в меру беспечным. Прошло слишком много времени с тех пор, как мне в последний раз грозила опасность. Я слишком сильно полагался на то, что мой Дар даст мне знать о присутствии постороннего. «Перекованных» нельзя распознать таким образом. Ни Дар, ни Сила не могут предупредить о них.

Их было двое. Совсем молодые люди и, судя по их виду, «перекованы» недавно. Их одежда была почти целой, и хотя они были грязны, это не была та вьевшаяся грязь и тусклые волосы, которые я привык видеть у таких людей. По большей части я сражался с «перекованными» зимой, когда они были ослаблены голодом и стужей. Одной из моих обязанностей, когда я служил королю Шрюду, было очищать от них местность вокруг Баккипа и Оленьего замка. Мы так и не смогли понять, что за магию пираты красных кораблей обрушивали на наших людей, отнимая у них разум и всего за несколько часов превращая в бесчувственных животных. Мы знали только, что быстрая смерть – единственное милосердие, которое может помочь им. Пираты принесли на наши земли много бед и горя, но «перекованные» были страшнее всего. Красные корабли уходили, а искалеченные магией люди оставались и еще долго мучили своих родных и близких. Что может быть хуже, чем видеть «перекованным» своего брата? Знать, что теперь он не остановится перед разбоем, убийством и насилием, если не получит то, что хочет? Понимать, что ты должен взять нож и убить его?

Этих двоих я застал, когда они рылись в моих вещах. Руки их были полны вяленого мяса. Они ели, настороженно поглядывая друг на друга. Хотя «перекованные» могут путешествовать вместе, они абсолютно не способны доверять друг другу. Возможно, они держатся группами только в силу привычки. Я видел, как они дерутся между собой, поспорив из-за краденого или просто проголодавшись. Но сейчас они размышляли, глядя на меня. Я замер. Мгновение никто не шевелился.

Они насытились и забрали все мои вещи. У них не было причин нападать на меня, пока я не брошу им вызов. Я попятился к двери, ступая медленно и осторожно и стараясь не двигать руками, – так, как я сделал бы, наткнувшись на медведя, пожирающего свежую добычу. Я смотрел прямо на них и уже почти вышел из хижины, когда один из них поднял грязную руку и показал на меня.

– Видит сны слишком громко, – заявил он сердито.

Они оба бросили свою добычу и ринулись ко мне.

Я резко повернулся и столкнулся грудью еще с одним, который как раз входил в дверь. На нем была моя запасная рубашка и что-то еще. Его руки рефлексивно вцепились в меня. Я выхватил из-за пояса нож и успел несколько раз воткнуть его в живот «перекованного», прежде чем он упал. Он скорчился на земле, заревев от боли, а я проскочил мимо него.

Брат! – услышал я и понял, что Ночной Волк мчится ко мне, но он был слишком далеко, на холме.

Один из «перекованных» сильно ударил меня сзади, и я упал. Катаясь по земле, я вырывался из его цепких рук и хрипло кричал от ужаса – во мне вдруг проснулись обжигающие воспоминания о подземелье Регала. Паника накрыла меня с головой. Сердце мое колотилось, я не мог вдохнуть, руки онемели, я не знал, у меня ли еще мой нож. «Перекованный» тянулся к моему горлу. Я молотил его изо всех сил, стараясь высвободиться из железной хватки. Сви-репый удар другого «перекованного» спас меня. Его кулак только задел мой бок и угодил по ребрам тому, с кем я боролся. Услышав, как тот резко выдохнул, я отчаянным усилием сбросил его с себя, откатился назад, встал на ноги и бросился бежать.

Я мчался куда глаза глядят, ничего не соображая от страха. Я слышал топот бегущего за мной человека, и мне казалось, что следом за ним бежит еще один и он нагоняет нас. Но я знал эти холмы и пастбища так же хорошо, как мой волк. Я повел преследователей вверх по крутому склону холма за хижинной и, прежде чем они успели перевалить через него, резко

сменил направление и кинулся на землю. Во время бешеных штормов последней зимы упал дуб, который своими переплетенными корнями вырвал кучу земли и сбил несколько деревьев. В буреломе образовалась солнечная прогалина. Здесь росла ежевика, победившая сломанного гиганта. Я рухнул на землю подле него, прополз на животе сквозь колючие заросли ежевики в темноту под стволом дуба и затаился там совершенно неподвижно.

Я слышал, как «перекованные» с сердитыми криками ищут меня. В панике я поднял стены своего сознания. «Слишком громко видит сны», – сказал один из них. Что ж, и Чейд, и Верити подозревали, что «перекованных» притягивает именно Сила. Возможно, острота чувств, которой она требует, затрагивает что-то в них и напоминает им о том, что они потеряли? И тогда они хотят убить того, кто еще может чувствовать по-человечески?

Брат! Это был Ночной Волк, но его зов донесся до меня приглушенно, словно издалека. Я осмелился приоткрыться ему.

Со мной все в порядке. Где ты?

Здесь.

Я услышал шелест, и вдруг волк оказался рядом со мной. Он коснулся носом моей щеки.

Ты ранен?

Нет. Я убежал.

Разумно, заметил он, и я почувствовал его искренность. Но вместе с тем и удивление.

Он никогда не видел, чтобы я убежал от «перекованных». Раньше я всегда сражался с ними, а он сражался рядом со мной. Что ж, в то время я обычно был сыт и хорошо вооружен, а они истощены голодом и холодом. Трое против одного, когда у тебя есть только нож для защиты, – это не так уж хорошо, даже если ты знаешь, что волк спешит к тебе на помощь. В этом нет никакой трусости. Так поступил бы любой. Я несколько раз повторил это себе.

Все в порядке, успокоил меня Ночной Волк. *Может, выберешься отсюда?*

Потом. Когда они уйдут, объяснил я ему.

Они давно ушли, сказал он. *Они ушли, когда солнце было еще высоко.*

Я просто хочу быть уверенным.

Я уверен. Я проследил, как они уходят. Я следовал за ними. Выходи, маленький брат.

Я позволил ему уговорить меня выбраться из убежища. Выйдя из зарослей, я обнаружил, что солнце уже почти село. Сколько часов провел я здесь, онемевший, бесчувственный, как улитка, забившаяся в свою раковину? Я стряхнул грязь с еще недавно чистой одежды. Теперь на ней была кровь, кровь того человека в дверях. «Придется снова постирать», – тупо подумал я. Я собрался было набрать воды, нагреть ее и отстирать кровь, но через мгновение это намерение улетучилось: я понял, что не смогу войти в хижину, где снова окажусь в ловушке. Тем не менее то небольшое, что у меня было, лежало там. Или по крайней мере то, что оставили от моих запасов «перекованные».

Когда взошла луна, я набрался мужества и подошел к хижине. Луна была хорошая, полная, и мне прекрасно был виден широкий луг перед дверью. Некоторое время я стоял, притаившись на вершине холма, глядя вниз и боясь заметить какое-нибудь движение. Один человек лежал в высокой траве у хижины. Я долгое время смотрел на него.

Он мертв. Воспользуйся своим носом, посоветовал мне Ночной Волк.

Наверное, это был тот, с кем я столкнулся на пороге, – похоже, мой нож достиг цели. «Перекованный» не ушел далеко. Тем не менее я крался к нему в темноте так осторожно, как будто имел дело с раненым медведем. Но скоро я ощутил сладковатый запах мертвого тела, целый день пролежавшего на солнце. Покойник был распростерт на траве лицом вниз. Я не перевернул тело и обошел его широким полукругом. Заглянув в окно хижины, я несколько мгновений изучал неподвижную тишину внутри.

Там нет никого, терпеливо напомнил мне Ночной Волк.

Ты уверен?

Точно так же, как в том, что у меня настоящий волчий нос, а не бесполезный нарост между глаз...

Он не закончил мысли, но я чувствовал молчаливое беспокойство за меня. И почти разделял его. Часть меня знала, что тут нечего бояться, что «перекованные» забрали все, что хотели, и ушли. Другая часть не могла забыть тяжести навалившегося на меня грабителя и силы его удара. Так же я был пришпилен к каменному полу подземелья, когда меня били кулаками и сапогами, а я не мог даже защищаться. Теперь воспоминание об этом вернулось, и я не понимал, как смогу с ним жить.

Я все-таки вошел в хижину и даже заставил себя зажечь свет, отыскав в темноте кремень. Руки мои дрожали, когда я поспешно собирал то, что они оставили мне, и заворачивал это в плащ. Открытая дверь за моей спиной была страшной черной дырой, в которую враги могли войти в любой момент. Однако если я закрою ее, то могу оказаться запертым внутри. Даже Ночной Волк, стоявший на страже у порога, не успокаивал меня.

Они взяли только то, что могли употребить тут же. «Перекованные» не способны делать запасы. Все сухое мясо было съедено или выброшено. Я не хотел брать ничего из того, к чему они прикасались. Они открыли мою сумку писца, но потеряли к ней интерес, не найдя ничего съедобного. В маленьком ящичке с ядом и травами, который они, по-видимому, унесли с собой, были приготовленные краски. Из одежды взяли только рубашку, и у меня не было ни малейшего желания забирать ее назад. Все равно мой нож проделал в ней не одну прореху. Я собрал все, что осталось, и вышел. Потом пересек луг и взобрался на гребень холма, откуда был хороший обзор.

Там я сел и дрожащими руками запаковал для путешествия все, что смог взять в хижине. Я завернул все в зимний плащ и крепко завязал этот тюк ремешками. Длинная полоска кожи позволяла мне повесить сверток на плечо. Когда будет светлее, я найду лучший способ нести его.

Готов? – спросил я Ночного Волка.

Мы идем на охоту?

Мы отправляемся в путешествие. Я помедлил. Ты очень голоден?

Немного. Ты так торопишься поскорее уйти отсюда?

Мне не пришлось обдумывать ответ.

Да, это так.

Тогда пусть тебя это не беспокоит. Мы можем путешествовать и охотиться одновременно.

Я кивнул, потом посмотрел в ночное небо, обнаружил там Большую Медведицу и сориентировался по ней.

В ту сторону, сказал я, указывая на противоположный конец гребня.

Волк ничего не ответил, а просто встал и целеустремленно потрусил в указанном направлении. Я двинулся за ним, насторожив все свои чувства. Я шел бесшумно, и ничто и никто не преследовал нас. Ничто, кроме моего страха.

Мы передвигались по ночам, хотя вначале я собирался идти днем, а ночью спать. Но после той первой ночи, когда я пробирался через лес за Ночным Волком по тем охотничьим тропам, которые шли в нужном направлении, я решил, что так лучше. Я все равно не смог бы спать в темноте. Первое время мне было трудно заснуть даже днем. Я находил место, где можно было спрятаться, но откуда тем не менее было видно все вокруг, и ложился уверенный, что устал до изнеможения. Я сворачивался клубком, закрывал глаза и лежал часами, мучимый остротой моих собственных чувств. Каждый звук или запах усиливал мою настороженность, и я не мог расслабиться до тех пор, пока не вставал, чтобы убедиться, что опасности нет. Через некоторое время даже Ночной Волк стал жаловаться на мое постоянное беспокойство. Когда я наконец засыпал, сон мой то и дело прерывался. Я просыпался, дрожа и обливаясь потом.

Недостаток сна днем делал меня подавленным и усталым ночью, когда я бежал за Ночным Волком.

Тем не менее эти бессонные часы и то время, когда я следовал за Ночным Волком, мучаясь головной болью, не были потрачены зря – я возвращал свою ненависть к Регалу и его кругу. Я оттачивал ее, доходя до иступления. Мало того что он отнял у меня жизнь и возлюбленную, мало того что я должен избегать друзей и мест, где меня любят, мало тех шрамов, которые украшают меня, и периодических судорог. Нет. Он превратил меня в дрожащего, испуганного кролика. У меня не хватало мужества даже вспоминать о том, что он сделал со мной. Однако я знал, что в один прекрасный день все это всплывет в моей памяти и лишит меня мужества. Воспоминания, которые я мог отогнать днем, обрывками звуков, цвета и ощущений мучили меня ночью. Моя щека на холодном камне, липкая от крови, вспышка света, следовавшая за ударом в висок, утробные звуки, которые издавали люди Регала, – уханье и хрюканье, – когда наблюдали за тем, как меня избивают. Эти воспоминания ржавым лезвием врезались в мои попытки уснуть. Дрожащий, со слипающимися глазами, я лежал без сна подле волка и думал о Регале. Когда-то у меня была любовь, и я верил, что она поможет мне пройти через любые испытания. Но Регал отнял ее у меня. Теперь я копил в себе ненависть, которая могла бы быть столь же сильной.

По пути мы охотились. Мое решение никогда не есть сырого мяса оказалось невыполнимым. Мне удалось разжечь огонь только в одну ночь из трех, да и то если я находил укрытие, где костер не мог привлечь ничего внимания. Во всяком случае, я не позволял себе опускаться до того, чтобы превращаться в нечто худшее, чем просто животное. Я содержал себя в чистоте и следил за одеждой – настолько, насколько это позволяла наша суровая жизнь.

План путешествия был крайне простым. Мы пойдем вглубь страны, пока не доберемся до Оленьей реки. Речная дорога идет параллельно ей до озера Тур. По этой дороге всегда ходит множество путников. Может быть, волку и трудно будет оставаться незаметным, но зато это самый быстрый путь. От озера Тур и города Турлейк на его берегу рукой подать до Тредфорда на Винной реке. А в Тредфорде я убью Регала.

Это вкратце. Я отказывался думать о том, как я выполню хоть какую-нибудь часть этого плана. Я отказывался беспокоиться о том, чего не знаю. Я просто буду двигаться вперед, день за днем, пока не достигну цели. Этому я научился, пока был волком.

Я хорошо узнал побережье в то лето, когда работал веслом на военном корабле Верити «Руиск», но не был знаком с внутренними землями герцогства Бакк. Правда, однажды я проезжал по ним, когда направлялся в горы на церемонию обручения Кетриккен. Тогда я был в составе свадебного каравана, у меня была хорошая лошадь и вдоволь еды. Но теперь я передвигался один и пешком, так что у меня не было времени любоваться пейзажем. Мы пересекли какую-то дикую местность, большая часть которой некогда была летним пастбищем для овец, коз и крупного скота. Время от времени мы встречали луга, заросшие по грудь некошеной травой, и обнаруживали пастушьи хижины, пустовавшие с осени. Стада, которые мы видели, были очень маленькими – ничего общего с тем, что я помнил по прошлым годам. Свиная и гусиная тоже было меньше по сравнению со временем моего первого путешествия по этим землям. Приближаясь к Оленьей реке, мы видели засеянные поля – они также были совсем небольшими, и много хорошей земли осталось не распаханно и заросло дикими травами.

Я не мог понять, в чем тут дело. Я видел, как это происходило вдоль побережья, там, где стада и поля постоянно уничтожали пираты красных кораблей. В последние годы то, что не сжигали они, отбиралось в качестве уплаты налогов на постройку военных кораблей и содержание солдат, которые все равно никого не могли защитить. Я полагал, что вверх по реке, за пределами досягаемости пиратов, Бакк будет выглядеть гораздо лучше. Действительность ошеломила меня.

Вскоре мы добрались до дороги, идущей вдоль Оленьей реки. Движение и по дороге, и по реке было гораздо менее оживленным, чем я помнил. Люди, которых мы встречали по пути, были грубыми и недружелюбными, даже когда Ночного Волка не было видно. Однажды я подошел к ферме, чтобы попросить немного свежей воды из колодца. Мне разрешили взять воды, но никто не отозвал рычащих собак, пока я это делал, и, когда мой мех был наполнен, фермерша велела мне убираться подобру-поздорову. По-видимому, во всем Бакке теперь настороженно относились к странникам.

Чем дальше я шел, тем хуже становилось. Путники, которых я встречал, не были торговцами с повозками товара или фермерами, везущими на рынок урожай. Это были оборванные, голодные семьи. Часто все их пожитки помещались на одной или двух ручных тележках. Глаза взрослых были холодными и недружелюбными, а взоры детей испуганными и пустыми. Вскоре я уже не надеялся, что мне удастся найти какую-нибудь работу по дороге. Те, у кого еще остались дома и фермы, ревниво охраняли свою собственность. Во дворах лаяли собаки, а с наступлением темноты работники ферм выходили охранять поля от воров. Мы прошли через несколько «городов нищих» – небольших лагерей самодельных хижин и палаток, выстроившихся вдоль дороги. По ночам там ярко горели огни и взрослые стояли на страже с пиками и дубинками, а днем дети просили милостыню у проходящих путников. Я начал понимать, почему повозки купцов так хорошо охраняются.

Так мы шли несколько ночей, бесшумно пробираясь через маленькие поселки, пока не достигли какого-то города. Рассвет застал нас у самых предместий. Когда нас нагнали ранние купцы на повозке, полной клеток с цыплятами, мы поняли, что пора сходить с дороги. На дневку мы устроились на маленьком холме, откуда был виден город. Я не мог заснуть, так что сел и стал смотреть, как разворачивается торговля на дороге под нами. У городских пристаней качались маленькие и большие лодки. Временами ветер доносил до меня крики сходящей с корабля команды. Один раз я даже услышал обрывок песни. К собственному удивлению, я обнаружил, что меня тянет к себе подобным. Я оставил Ночного Волка спать и спустился к ручью у подножия холма, чтобы постирать рубашку и гамашу.

Мы должны держаться подальше от этого места. Они убьют тебя, если ты пойдешь туда, рассудительно заметил Ночной Волк.

Он сидел на берегу ручья рядом со мной и смотрел, как я моюсь. Темнело. Рубашка и гамаша почти высохли. Я пытался объяснить ему, почему я хочу, чтобы он подождал, пока я схожу в город и загляну в трактир.

Зачем им убивать меня?

Мы чужие, и мы зашли на их охотничью территорию. Почему бы им не убить нас?

Люди не такие, терпеливо объяснил я.

Да. Ты прав. Они, наверное, просто посадят тебя в клетку и будут бить.

Нет, не будут, настаивал я, чтобы скрыть мои собственные страхи.

Я боялся, что кто-нибудь узнает меня.

Они делали это раньше, упорствовал он. С нами обоими. А это была твоя собственная стая.

Я не мог отрицать этого. Так что я просто обещал:

Я буду очень-очень осторожен. Я хочу только послушать их разговоры, чтобы понять, что происходит.

А почему нас должно заботить, что с ними происходит? Вот мы не охотимся, не спим и не идем дальше – это и должно нас волновать. Они не наша стая.

Мы можем узнать, чего нам ждать дальше на нашем пути. Много ли народа на дорогах и смогу ли я найти работу, чтобы заполучить пару монет. Всякое такое.

Нам просто надо идти вперед и узнавать все самим, упрямо настаивал Ночной Волк.

Я натянул рубашку и штаны прямо на влажное тело, пальцами зачесал назад волосы. Привычка заставила меня завязать их в хвост воина. Потом я закусил губу, размышляя. Ведь я собирался выдавать себя за бродячего писца. Развязав шнурок и распустив волосы, я обнаружил, что они почти доходят мне до плеч. Немного длинновато для писца. Большинство из них коротко стригутся и сбрасывают волосы у лба, чтобы они не мешали работать. Что ж, с бородой и растрепанной шевелюрой я могу сойти за писца, который долго болтался без работы. Не лучшая рекомендация для моего ремесла, но, учитывая скудость припасов, ничего лучше я придумать не мог.

Я оправил рубашку, чтобы выглядеть поприличнее, застегнул пояс и проверил, хорошо ли ходит в ножнах мой нож. Потом потряс в руке кошелек. Огниво в нем весило больше, чем серебро. У меня были четыре серебряные монетки, которые дал Баррич. Несколько месяцев назад это нельзя было назвать большими деньгами, а теперь у меня больше ничего не было, и я решил не тратить их без крайней необходимости. Кроме них, из дорогих вещей у меня были только серьга Баррича и булавка Шрюда. Моя рука машинально коснулась серьги. Как ни раздражала она меня, когда мы охотились в густом кустарнике, прикосновение к ней всегда действовало на меня успокаивающе. Как и булавка в воротнике моей рубашки.

Я дотронулся до воротника – булавки не было.

Сняв рубашку, я проверил воротник, а потом всю одежду. Я развел небольшой костер, чтобы лучше видеть, развязал узел с поклажей и дважды проверил его содержимое. Я проделал все это, несмотря на почти полную уверенность в том, что знаю, где булавка. Маленький красный рубин в серебряном гнезде был воткнут в воротник рубашки, надетой на мертвеца, лежавшего у хижины пастуха. Я был почти уверен и все-таки не мог заставить себя признать это. Все время, пока я искал, Ночной Волк неуверенно кружил вокруг моего костра, скуля в сдержанной тревоге от моего беспокойства, которого он не понимал.

Я раздраженно шикнул на него и напрягся, вспоминая обо всем так, словно собирался докладывать Шрюду.

Последний раз я точно видел булавку в ту ночь, когда выгнал Баррича и Чейда. Я вынул ее из ворота рубахи, показал им обоим, а потом сидел и смотрел на нее. Но я воткнул ее назад. Мне казалось, что с тех пор я ее не трогал. Я не вынимал ее из рубашки, когда стирал. Вроде бы я должен был уколоться, если бы тогда она все еще была в воротнике. Но я обычно запихивал булавку в шов, где она плотнее держалась. Так мне казалось безопаснее. Не было никакой возможности узнать, потерял ли я ее, охотясь с волком, или она все еще была воткнута в воротник рубашки, надетой на мертвеца. Может быть, я забыл ее на столе и один из «перекованных» подобрал блестящую вещицу, когда рылся в моих пожитках.

«Это всего лишь булавка», – напомнил я себе. С болезненной тоской мне внезапно захотелось найти ее – вдруг она просто застряла в подкладке плаща или завалилась в сапог. Со вспыхнувшей надеждой я проверил оба сапога. Ее там не было. Всего лишь булавка – кусочек обработанного металла и блестящий камешек. Но это все, что у меня осталось от моего короля и моего деда. Он дал мне ее, когда создал связь между нами, чтобы отметить родную кровь, которая никогда не могла быть признана законно. Ночной Волк снова заскулил, и я ощутил неожиданное желание зарычать на него. Тем не менее он подошел, толкнул мой локоть носом и засунул морду мне под руку. Его огромная серая голова оказалась у моей груди, моя рука обнимала его плечи. Внезапно он поднял нос вверх, больно ударив меня мордой по подбородку. Я сильно прижал его к себе, и он повернулся, чтобы потереться горлом о мое лицо. Крайний жест доверия волка к волку – обнажение горла перед оскалом другого. Через мгновение я вздохнул, и боль потери стала слабее.

Это была просто вчерашняя вещь? – нерешительно поинтересовался Ночной Волк. *Вещь, которой больше нет? Это не колючка у тебя в лапе и не боль в животе?*

– Просто вчерашняя вещь, – вынужденно согласился я.

Булавка, данная мальчику, которого больше нет, человеком, который давно умер. «Может быть, это к лучшему, – подумал я про себя. – Еще одной вещью, которая соединяет меня с Фитцем Чивэлом, наделенным Даром, стало меньше». Я взъерошил шерсть на шее волка, почесал его за ушами. Он сидел неподвижно рядом со мной, потом подтолкнул меня, чтобы я еще раз почесал ему уши. Так я и сделал, печально размышляя. Может быть, лучше будет снять серьгу Баррича и спрятать ее в кошелек. Но я знал, что не сделаю этого. Пусть она будет единственной ниточкой, которую я протянул из той жизни в эту.

– Дай мне встать, – сказал я волку, и он неохотно подвинулся.

Я не спеша упаковал в тюк свои пожитки и связал их, а потом затоптал маленький костер.

– Мне вернуться сюда или встретимся на той стороне города?

На той стороне?

Если ты обойдешь вокруг города и спустишься к реке, ты снова увидишь дорогу, объяснил я. Может, найдем друг друга там?

Это было бы хорошо. Чем меньше времени мы проведем у этой человеческой берлоги, тем лучше.

Что ж, ладно. Я найду тебя там еще до рассвета, сказал я ему.

Скорее я найду тебя, немой нос. И когда я это сделаю, у меня будет полный желудок.

Мне пришлось признать, что это более вероятно.

Берегись собак, предупредил я его, когда он уходил в кусты.

Берегись людей, ответил он, после чего стал недосыгаем для моих чувств, если не считать нашей связи Даром.

Я закинул узел на плечо и пошел вниз по дороге. Уже смеркалось. Я собирался войти в город до темноты и остановиться у таверны, чтобы разузнать сплетни и, возможно, выпить кружечку, хотел прогуляться по рыночной площади и послушать разговоры купцов. Но когда я явился в город, он уже почти спал. Рынок был пуст, если не считать нескольких собак, обнюхивавших пустые прилавки. Я покинул площадь и повернул к реке. Там, внизу, я найду сколько угодно трактиров и таверн, обслуживающих речников. Кое-где горели факелы, но большую часть света давали неплотно закрытые окна. Мощенные грубым булыжником улицы не особенно хорошо содержались. Несколько раз я принимал яму за тень и спотыкался. Я остановил городского стражника, прежде чем он успел остановить меня, и спросил, не порекомендует ли он мне прибрежный трактир. Он сказал мне, что в «Весах» обслуживают путников хорошо и честно, а кроме того, это заведение легко найти. Он предупредил меня, что там не разрешают нищенствовать и что карманному воришке очень повезет, если он не получит ничего, кроме побоев. Я поблагодарил его за предостережения и пошел своей дорогой.

Как и говорил стражник, я легко нашел «Весы». Из открытой двери струился яркий свет и доносились голоса двух женщин, поющих веселую песенку. На сердце у меня потеплело от этих жизнерадостных звуков, и я вошел без промедления. За крепкими стенами из кирпича и тяжелых балок оказалась огромная комната с низким потолком. Здесь пахло жареным мясом, дымом и было полно матросов. В утробе очага в конце комнаты жарился добрый кусок мяса, но большинство посетителей в этот теплый летний вечер собрались в более прохладном противоположном конце зала, где две женщины поставили на стол стулья и пели дуэтом. Седой арфист, по-видимому тоже член их труппы, истекал потом за соседним столом, меняя струну на своем инструменте. Я рассудил, что он и певицы, по-видимому, одна семья. Я стоял и смотрел, как женщины поют, и мои мысли вернулись назад, в Баккип, к тому времени, когда последний раз слышал музыку и видел собравшихся людей. Я не сознавал, что неприлично долго рассматриваю певиц, пока не увидел, как одна из женщин толкнула вторую локтем и сделала быстрый жест в мою сторону. Другая широко раскрыла глаза и взглянула на меня. Я опустил голову, чувствуя, что краснею. Испугавшись, что мое внимание сочтут за грубость, я отвернулся. Я стоял за спинами слушателей и присоединился к общим аплодисментам, когда

песенка кончилась. К тому времени арфа была уже готова, и старик заиграл более плавную мелодию в ритме бьющих по воде весел. Женщины сидели на краю стола, спина к спине, их длинные черные волосы перемешались. Чтобы послушать эту песню, некоторые уселись, а другие отошли к столам у стены для тихой беседы.

Я следил за пальцами арфиста, восхищаясь их проворством, как вдруг рядом со мной оказался краснощекий мальчик и поинтересовался, что мне будет угодно. Я сказал ему, что выпил бы эля, и он быстро вернулся с полной кружкой и пригоршней медяков сдачи с моей серебряной монетки. Я нашел стол недалеко от менестрелей и, пожалуй, понадеялся, что любопытство заставит кого-нибудь из посетителей присоединиться ко мне. Но никто здесь, похоже, особенно не интересовался путниками, и только несколько равнодушных взглядов постоянных посетителей таверны скользнуло по мне. Менестрели закончили петь и стали разговаривать друг с другом. Взгляд, который бросила на меня старшая из двух женщин, заставил меня понять, что я снова уставился на них. Я опустил глаза.

Наполовину осушив кружку, я понял, что совсем отвык от эля, тем более на пустой желудок. Я сделал мальчику знак подойти к столу и попросил чего-нибудь поесть. Он принес мне только что срезанный с вертела кусок мяса с гарниром из тушеных овощей и подливкой. Это и новый эль в моей кружке отняли большую часть моих медяков. Когда я поднял брови, услышав цену, мальчик выглядел удивленным.

– В трактире «Морской узел» вы заплатили бы вдвое больше, сударь, – сказал он мне с негодованием. – И это хорошая баранина, а не какой-нибудь бродячий старый козел, который помер от голода.

Я попытался сгладить неловкость, сказав:

– Наверное, на серебряную монетку уже не купишь того, что раньше.

– Может, и так, но я-то здесь при чем? – фыркнул он и вернулся в кухню.

– Что ж, серебряная монетка ушла быстрее, чем я ожидал, – пожурил я себя.

– Этот мотив нынче всем нам знаком, – заметил арфист.

Он сидел спиной к своему столу и наблюдал за мной. Две его партнерши обсуждали между собой какую-то полонку дудочки. Я с улыбкой кивнул старику и заговорил громче, когда заметил, что его глаза покрыты бельмами.

– Я некоторое время не бывал на речной дороге. Собственно говоря, довольно долго – около двух лет. Когда я был здесь в последний раз, в трактирах все было не так дорого.

– Что ж, бьюсь об заклад, что теперь так можно сказать почти о любом месте в Шести Герцогствах, по крайней мере в Прибрежных. Теперь говорят, что новые цены у нас устанавливаются чаще, чем новая луна. – Он повертел головой, как если бы мог видеть, и я подумал, что он ослеп не так давно. – А еще теперь говорят, что половина налогов идет на прокорм людей из Фарроу, которые их собирают.

– Джош! – упрекнула его одна из спутниц, и он с улыбкой повернулся к ней.

– Только не говори мне, что кто-нибудь из них торчит в этой таверне, Хани. Мой нос чует людей из Фарроу за сто шагов.

– А может он учуять, с кем ты сейчас разговариваешь? – кисло спросила она.

Хани была старшей из двух женщин, примерно моей ровесницей.

– По-моему, я говорю с парнем, которому немного не повезло. А значит, это не какой-нибудь толстяк из Фарроу, пришедший собирать налоги. Кроме того, я понял, что он не может быть одним из сборщиков Брайта, едва он стал жаловаться на цену мяса. Когда это ты видела, чтобы кто-нибудь из них платил за что-то в трактире или в таверне?

Я нахмурился при этих словах. Когда страной правил Шрюд, его солдаты или сборщики налогов не забирали ничего без некоторого возмещения. Но тут я вспомнил о манерах.

– Могу ли я предложить вам выпить немного, арфист Джош? И вашим друзьям?

– Что я слышу? – спросил старик, улыбаясь и поднимая брови. – Ты страдаешь, отдавая монетку за то, чтобы наполнить собственный живот, но готов сорить деньгами, наполняя наши кружки?

– Позор лорду, который слушает песни менестрелей и не дает им промочить горло, – ответил я с улыбкой.

Женщины обменялись взглядами за спиной у Джоша, и Хани с легкой насмешкой спросила меня:

– А когда ты последний раз был лордом, молодой человек?

– Это всего лишь поговорка, – сказал я, на мгновение смутившись. – Но я не пожалел бы пары медяков за песни, которые слышал. Особенно если вдобавок у вас найдется парочка новостей. Я иду к речной дороге. Вы, случайно, не оттуда?

– Нет, мы как раз туда, – весело ответила вторая певица.

Ей было около четырнадцати лет, и у нее были потрясающие голубые глаза.

Я увидел, как старшая знаком велит девушке помолчать. Она представилась:

– Как вы слышали, добрый господин, это арфист Джош, я Хани, а это моя кузина Пайпер...

Два промаха в таком коротком разговоре. Во-первых, я разговаривал с ними так, словно я все еще живу в Баккипе, а они заезжие менестрели, во-вторых, я не придумал заранее никакого имени. Я порылся в памяти, подыскивая подходящее, и после затянувшейся паузы выпалил:

– Коб, – а потом с содроганием подумал, почему это я выбрал имя человека, которого я когда-то знал и убил.

– Что ж... Коб. – Хани, как и я, помолчала, прежде чем произнести это имя. – Может быть, у нас и найдутся для тебя новости, и мы будем рады, если ты угостишь нас, был ты когда-то лордом или нет. Так кто должен тебя искать на дороге?

– Простите? – спросил я тихо и поднял кружку, чтобы подозвать мальчишку с кухни.

– Это сбежавший подмастерье, отец, – сказала Хани с величайшей уверенностью. – У него с собой футляр писца, но волосы слишком длинные, а на пальцах нет ни капли чернил. – Она рассмеялась, увидев досаду на моем лице, о причине которой даже не подозревала. – Да ладно... Я менестрель. Когда мы не поем, то замечаем все вокруг, чтобы найти подходящий сюжет для песни. Ты же не думаешь, что все мы слепые.

– Я не сбежавший подмастерье, – сказал я тихо, но у меня не было готовой легенды, которая бы могла последовать за этим заявлением.

Как бы стукнул меня по пальцам Чейд из-за такого промаха!

– Нам все равно, кто ты, парень, – успокоил меня Джош. – В любом случае, мы не слышали никаких криков разгневанных писцов, ищущих потерянного помощника. В эти дни многие были бы счастливы, если бы от них убежали молодые подмастерья. Голодным ртом меньше в эти тяжелые времена.

– А у подмастерья писца вряд ли будут такие шрамы на лице и сломанный нос, если ему повезло с хозяином, – заметила Пайпер с симпатией. – Так что нечего тебя винить, если ты удрал.

Пришел наконец кухонный мальчик, и менестрели сжалились над моим тощим кошельком, заказав для себя только по кружке пива. Сперва Джош, а потом и женщины пересели за мой стол. Мальчик-слуга, вероятно, переменил свое мнение обо мне, увидев, что я хорошо отношусь к менестрелям, потому что наполнил и мою кружку, не взяв с меня денег. Тем не менее мне пришлось разменять еще одну серебряную монету, чтобы заплатить за угощение. Я попытался отнестись к этому философски и решил обязательно дать медяк слуге, когда буду уходить.

– Итак, – начал я, когда мальчик ушел, – какие новости с реки?

– А разве ты сам не оттуда? – едко спросила Хани.

– Нет, моя госпожа. По правде говоря, я навещал друзей-пастухов, – сымпровизировал я. Манера Хани начинала утомлять меня.

– Моя госпожа, – тихонько передразнила она меня, обращаясь к Пайпер и сделав большие глаза.

Пайпер захихикала. Джош не обратил на них внимания.

– В эти дни идти вниз по реке почти то же самое, что и вверх. Становится только хуже, – сказал он мне. – Времена тяжелые, а для фермеров они скоро будут еще тяжелее. Все зерно, которое они собрали для еды, ушло на уплату налогов, так что детей кормят тем, что собирались посадить на будущий год. В поля пойдут только остатки, а никакой человек не сможет вырастить больше, посадив меньше. Со стадами и пастухами то же самое. И никаких надежд, что к следующему урожаю налоги уменьшатся. Даже девушки-гусятницы, которые собственных лет не могут сосчитать, знают, что, если от меньшего отнять большее, на столе останется только голод. Хуже всего тем, кто живет у моря. Если человек уходит ловить рыбу, он не может знать, что найдет на месте своего дома, когда вернется. Фермер засеивает поле, зная, что зерна все равно не хватит для семьи и для налогов и совсем ничего не останется, если ему нанесут визит красные корабли. Есть одна неглупая песенка про фермера, который говорит сборщику налогов, что его работу уже сделали пираты.

– Правда, только глупые менестрели поют ее, – жестко напомнила ему Хани.

– Значит, красные корабли продолжают терзать берега Бакка, – тихо сказал я.

Джош коротко и горько рассмеялся:

– Бакка, Бернса, Риппона и Шокса... Вряд ли пиратов волнует, где кончается одно герцогство и начинается другое. Если у берегов плещется море, они придут к ним.

– А наши корабли?

– Те, которые пираты отняли у нас, в полном порядке. Те, которые остались защищать нас, – что ж, они причиняют пиратам столько же хлопот, сколько комары коровам.

– Разве теперь никто не защищает Бакк? – Я услышал отчаяние в собственном голосе.

– Госпожа Оленьего замка. Есть люди, которые говорят, что она только кричит и бранится, но другие знают – она ни от кого не требует большего, чем делает сама. – Арфист Джош говорил так, как будто знал это из первых рук.

Я был заинтригован, но не хотел показаться излишне невежественным.

– Например?

– Все, что в ее силах. Она больше не носит драгоценностей. Она продала их все и вложила деньги в оплату патрульных кораблей. Она продала свои родовые земли, чтобы нанять солдат на сторожевые башни. Говорят, что она продала ожерелье, которое ей подарил принц Чивэл, – рубины его бабушки. Продала самому королю Регалу, чтобы купить зерно и строительный лес для поселков Бакка, которые нужно восстанавливать.

– Пейшенс, – прошептал я.

Я видел однажды эти рубины, давно, когда мы только познакомились. Она считала их слишком ценными даже для того, чтобы надевать, но показала их мне и сказала, что когда-нибудь их будет носить моя невеста. Давным-давно. Я отвернулся, чтобы не выдать себя.

– Где ты проспал весь прошлый год... Коб, что ничего этого не знаешь? – саркастически спросила Хани.

– Я уезжал, – ответил я тихо, снова повернулся к столу и с трудом встретил ее взгляд.

Я надеялся, что на моем лице ничего не отразилось.

Девушка склонила голову набок и улыбнулась мне.

– Куда? – весело продолжала напирать она. Она мне совсем не нравилась.

– Я жил один, в лесу, – сказал я наконец.

– Почему? – Она улыбалась, нажимая на меня.

Я был уверен, что она знает, в какое неловкое положение ставит меня.

– Наверное, потому, что я так хотел. – Это прозвучало очень похоже на Баррича, и я чуть было не оглянулся поискать его.

Хани поджала губы, ничуть не раскаиваясь, но арфист Джош слишком резко поставил на стол кружку с элем. Взгляд его слепых глаз, который он метнул на дочь, был всего лишь короткой вспышкой, но Хани внезапно унялась. Она положила руки на край стола, как ребенок, отчитанный за плохое поведение. Я думал, что она смущена, пока не поймал брошенный из-под ресниц взгляд. Ее быстрая улыбка была вызывающей. Я отвернулся, не понимая, почему она все время клюет меня. Лицо Пайпер покраснело от сдерживаемого смеха. Я опустил глаза, ненавидя краску, которая неожиданно залила мое лицо.

Пытаясь снова завязать разговор, я спросил:

– Есть свежие новости из Баккипа?

Арфист Джош засмеялся:

– Немного свежих неприятностей, о которых не стоило бы рассказывать. Все одно и то же, меняются только названия городов и поселков. О, есть, правда, одна новость, очень даже интересная. Говорят, что король Регал собрался повесить самого Рябого.

Я как раз делал очередной глоток. Поперхнувшись, я спросил:

– Что?

– Это глупая шутка, – заявила Хани. – Король Регал велел кричать на каждом углу, что он заплатит сто золотых любому, кто приведет ему человека в шрамах от оспы, или сотню серебряных монет каждому человеку, который может что-нибудь рассказать о нем.

– Человек в шрамах от оспы? Это и все описание? – спросил я осторожно.

– Говорят, что он худой, седой и иногда переодевается в женщину. – Джош весело хихикал, даже не догадываясь, как все заледенело у меня внутри от его слов. – И он виновен в ужаснейшей измене. Ходят слухи, что король обвиняет Рябого в исчезновении королевы Кетриккен и ее нерожденного ребенка. Некоторые говорят, что Рябой – всего лишь сумасшедший старик, который утверждает, что был советником Шрюда. Якобы он написал письма всем прибрежным герцогам и уверял их, что Верити еще вернется, а его ребенок унаследует трон Видящих. Но поговаривают также, что король Регал просто собирается повесить Рябого и так покончить со всеми несчастьями Шести Герцогств.

Он снова усмехнулся, а я приклеил на свое лицо жалкую усмешку и кивал как слабоумный. Чейд, думал я про себя. Каким-то образом Регал напал на след Чейда. Если он уже знает, что Чейд рябой, что ему еще может быть известно? Он, очевидно, связал его с фигурой леди Тайм. Я подумал, где же сейчас Чейд и все ли с ним в порядке. С внезапным отчаянием я захотел знать все о его планах и заговоре, из которого он меня исключил. Сердце мое внезапно упало, когда я посмотрел на свои собственные действия немного с другой стороны. Выгнал ли я Чейда, чтобы защитить его от своих планов, или покинул его как раз тогда, когда ему более всего был нужен помощник?

– Ты еще здесь, Коб? Я все еще вижу твою тень, но твое место за столом что-то притихло.

– О, я здесь, арфист Джош. – Я попытался говорить весело. – Просто размышляю о том, что ты сказал, вот и все.

– Думает, какого рябого старика он может продать королю Регалу, судя по выражению его лица, – едко вставила Хани.

Я внезапно понял, что ее непрерывные уколы – всего лишь разновидность заигрывания. Я быстро решил, что мне вполне достаточно разговоров и общества себе подобных на этот вечер. Я слишком долго не практиковался в общении с людьми. Теперь я уйду. Лучше пусть они считают меня странным и грубым, чем начнут любопытствовать.

– Что ж, благодарю вас за песни и за беседу, – сказал я как мог вежливо. Я вытащил медяк, чтобы оставить его для мальчика. – И лучше я вернусь на дорогу.

– Но уже совсем стемнело! – удивленно возразила Пайпер.

Она поставила свою кружку и посмотрела на Хани, которая выглядела потрясенной.

– К тому же еще и холодно, моя госпожа, – заметил я весело. – Я предпочитаю путешествовать по ночам. Сейчас почти полная луна, и на речной дороге света будет достаточно.

– Разве ты совсем не боишься «перекованных»? – спросил Джош.

Теперь был мой черед удивиться:

– Так далеко внутри страны?

– Ты действительно жил на дереве! – воскликнула Хани. – Все дороги кишат ими. Некоторые путники нанимают стражников, лучников. Другие, такие как мы, путешествуют группами и только днем.

– Разве патрули не могут, по крайней мере, не пускать их на дороги? – спросил я потрясенно.

– Патрули? – Хани презрительно фыркнула. – Большинство из нас уж лучше повстречаются с «перекованными», чем со стаей людей из Фарроу с пиками. «Перекованные» не беспокоят их, и поэтому они не беспокоят «перекованных».

– А тогда зачем же они патрулируют? – спросил я сердито.

– В основном они ловят контрабандистов. – Джош заговорил прежде, чем Хани успела раскрыть рот. – По крайней мере, им бы хотелось, чтобы люди думали именно так. Многих честных путников они останавливают, обшаривают их вещи и забирают все, что им нравится, заявляя, что это контрабанда или было украдено в ближайшем городе. Думаю, лорд Брайт плохо платит им, и они берут себе плату сами.

– А принц... король Регал... ничего не делает? – Этот титул и этот вопрос душили меня.

– Что ж, если ты собираешься дойти до самого Тредфорда, можешь пожаловаться ему сам, – едко сказала Хани. – И я уверена, что он выслушает тебя, так же как он «выслушал» дюжину посланцев, которые приходили раньше. – Она помолчала и казалась задумчивой. – Хотя я слышала, что если «перекованные» забираются достаточно далеко вглубь страны и становятся для него помехой, он находит способы разделаться с ними.

Я чувствовал себя больным и разбитым. Король Шрюд всегда гордился тем, что в Бакке можно почти не бояться разбойников, пока человек держится главных дорог. Услышать, что теперь те, кто должен сторожить королевские дороги, сами не многим лучше разбойников, было все равно что ощутить, как во мне проворачивается кинжал. Мало того что Регал захватил трон и бросил Олений замок. Он даже не притворяется, что правит разумно. В тупом оцепенении я подумал, не решил ли он наказать весь Бакк за отсутствие энтузиазма при восхождении на престол короля Регала? Глупый вопрос. Я знал, что он на это способен.

– Что ж. «Перекованные» или люди из Фарроу, но я все равно должен идти, – сказал я им, допил остатки эля и поставил кружку.

– Почему бы не подождать до утра, парень, и не пойти вместе с нами? – внезапно предложил Джош. – Сейчас днем не слишком жарко, потому что с реки всегда дует свежий ветер. А нынче вчетвером безопаснее, чем втроем.

– Я очень благодарен вам за это предложение... – начал я, но Джош прервал меня:

– Не благодари меня, потому что это было не предложение, а просьба. Я слеп, или почти слеп. Ты, конечно, это заметил. Кроме того, ты заметил, что со мной две милостивые женщины, хотя по тому, как Хани подкусывала тебя, я могу сказать, что ты больше улыбался Пайпер, чем ей.

– Папа! – с негодованием крикнула Хани, но Джош настойчиво продолжал:

– Я не предлагаю, а прошу тебя подставить нам плечо. Мы не богаты и не можем нанять охранников. Но теперь нам приходится путешествовать, бродят по дорогам «перекованные» или нет.

Потускневшие глаза Джоша безошибочно встретили мой взгляд. Хани смотрела в сторону, губы ее были крепко сжаты, а Пайпер откровенно наблюдала за мной. На лице ее была мольба. «Перекованные». Прижатый к земле. Кулаки.

– Я не очень-то хорош в драке, – сказал я бесцветным голосом.

– По крайней мере, ты увидишь, куда бить, – ответил арфист упрямо. – И конечно, раньше меня заметишь приближение недругов. Послушай, тебе ведь с нами по дороге. Неужели для тебя так трудно будет несколько дней идти днем, а не ночью?

– Отец, не проси его, – заговорила Хани.

– Лучше я попрошу его пойти с нами, чем буду упрашивать «перекованных» отпустить вас целыми и невредимыми! – сказал он хрипло, потом снова повернул лицо ко мне и добавил: – Мы встретили нескольких «перекованных» пару недель назад. У девушек хватило ума убежать, когда я перестал попевать за ними, но «перекованные» утащили всю нашу еду, изувечили мою арфу и...

– И побили отца, – тихо сказала Хани. – И тогда мы с Пайпер поклялись, что в следующий раз никуда не побежим, если для этого придется бросить папу. – Теперь в ее голосе не было ни игры, ни насмешки. Она знала, что говорит.

Я задержусь, вздохнул я, обращаясь к Ночному Волку. Жди меня, следи за мной, иди за мной невидимым.

– Я пойду с вами, – согласился я. Не могу сказать, что испытал при этом большое удовольствие. – Но я никудышный боец.

– Как будто мы сами не поняли этого по его лицу. – Хани обращалась к Пайпер. В ее голосе снова была издевка, но я сомневался, что она понимает, как сильно ранят меня ее слова.

– Я могу заплатить тебе только моей благодарностью, Коб. – Джош протянул мне руку через стол, и я пожал ее – древний знак, что сделка заключена. Внезапно он улыбнулся с явным облегчением. – Так что прими мою благодарность и долю всего того, что нам предложат как менестрелям. У нас нет денег, чтобы заплатить за комнату, но трактирщик предложил нам укрыться на ночь в его амбаре. Сейчас не то что раньше, когда менестрель получал комнату и ужин, стоило ему только попросить. Но, по крайней мере, у амбара есть дверь, которая будет стоять между нами и ночью. А у трактирщика доброе сердце. Он пустит и тебя в амбар, если я скажу, что ты согласился охранять нас.

– Это лучше всего, что у меня было в последнее время, – сказал я, пытаюсь быть вежливым.

Сердце мое упало.

Во что ты вляпался теперь? – поинтересовался Ночной Волк.

Если бы я мог знать.

Глава 5

Противостояния

Что такое Дар? Некоторые скажут, что это извращение, помутнение рассудка, когда человек узнает жизнь и языки животных, чтобы постепенно самому превратиться в животное. Но, изучая Дар и тех, кто им пользуется, я пришел к иному выводу. По-видимому, это взаимосвязь разумов, которая позволяет Одаренному видеть глазами животного, понимать его мысли и чувства. Обычно эта связь действует между человеком и каким-то определенным животным, избранным им. Вопреки расхожему заблуждению, знание языков птиц и зверей тут ни при чем. Дар позволяет чувствовать мысли и настроения любых живых существ, включая и людей, и даже некоторые деревья, самые древние и могучие. Однако Одаренный не может «поговорить» с первым встречным животным. Он ощущает близкое присутствие зверя и зачастую может сказать, устал ли он, собирается ли напасть, испытывает ли любопытство. Но это не дает власти «над лесными зверями и птицами небесными», как утверждают некоторые легенды. В действительности Дар позволяет человеку увидеть и принять зверя в своей душе и таким образом понять, что и животным не чужды некоторые человеческие черты. Преданность животного человеку, связанному с ним Даром, вошла в предания. Она не имеет ничего общего с обычной верностью хозяину. Скорее это отражение того, что испытывает сам Одаренный к своему спутнику. Верность в ответ на верность.

Спал я плохо, и дело было не только в том, что я уже отвык спать по ночам. Меня всерьез встревожили рассказы менестрелей о «перекованных». Арфист и его спутницы залезли на чердак и устроились там на сене, а я нашел себе угол, откуда была хорошо видна дверь, а при необходимости можно было прижаться спиной к стене. Ночевать в помещении было непривычно. Это был хороший крепкий амбар, построенный из речного камня, извести и балок. Трактирщик держал корову, несколько кур и лошадей – последних он сдавал внаем. Здесь же было несколько лошадей, принадлежавших постояльцам. Домашние звуки, запах сена и животных остро напомнили мне конюшни Баррича. Меня вдруг охватила безумная тоска – о своей собственной комнате в замке я никогда не тосковал так сильно. Я стал думать о том, что сейчас с Барричем и знает ли он о жертвах Пейшенс. Я подумал о любви, связывавшей их некогда и уничтоженной чувством долга Баррича. Пейшенс ушла, чтобы выйти замуж за моего отца, того самого человека, которому Баррич дал обет верности. Думал ли он когда-нибудь о том, чтобы попытаться вернуть ее? Нет. Я ни минуты не сомневался в этом. Дух Чивэла вечно стоял между ними. А теперь и мой тоже.

Потом я стал думать о Молли. Она поступила с нами так же, как Баррич с собой и Пейшенс. Она сказала, что моя преданность королю никогда не даст нам принадлежать только друг другу. Так что она нашла кого-то другого, кого сможет любить так же сильно, как я люблю Верити. Это решение разбило мне сердце, однако ей оно спасло жизнь. Она оставила меня. Ее не было в Оленьем замке, и она не смогла разделить мое падение и бесчестье. Я невольно потянулся к ней Силой, но тут же спохватился и упрекнул себя. Действительно ли я хочу ее видеть? Там сейчас ночь, и Молли наверняка в объятиях другого. От этой мысли у меня защемило сердце. У меня не было права подглядывать за тем крошечным счастьем, которое моя возлюбленная сумела найти для себя. Тем не менее, засыпая, я думал о ней и безнадежно стремился к тому, что было между нами.

Своенравная судьба принесла мне сон о Барриче, яркий сон, в котором не было смысла. Я сидел напротив него, а он устроился у огня и возился с кожей, как обычно по вечерам. Но в его кружке вместо бренди был горячий чай, и работал он над маленькой кожаной туфлей. Он про-

талкивал шило сквозь мягкую кожу и укололся. Он выругался при виде крови, а потом почему-то поднял глаза и попросил у меня прощения за то, что сквернословил в моем присутствии.

Я проснулся совершенно сбитым с толку. Когда я был маленьким, Баррич нередко шил для меня ботинки, но ни разу на моей памяти не извинился за ругань. Зато, если крепкие выражения позволял себе я, он мог и поколотить меня. Странно. Я постарался выбросить сновидение из головы, но понял, что все равно больше не смогу заснуть.

Когда я осторожно прошупал Даром амбар, то обнаружил только смутные сны животных. Все были спокойны, кроме меня. Ко мне пришли мысли о Чейде, тревожные, беспокойные. Чейд был стар духом и телом. Когда король Шрюд был жив, он снабжал Чейда всем необходимым, чтобы королевский убийца мог жить в безопасности. Чейд очень редко выходил из своей потайной комнаты – только для того, чтобы делать «тихую работу». Теперь он живет сам по себе и делает Эль знает что. И его преследуют солдаты Регала. Я с силой потер ноющие виски. Мое беспокойство было совершенно бессмысленным, но избавиться от него я не мог.

Я услышал легкие шаги, за которыми последовал удар, – кто-то спускался с чердака и пропустил последнюю ступеньку лестницы. Вероятно, одна из женщин пошла в туалет. Но мгновением позже я услышал шепот Хани:

– Коб!

– Что? – откликнулся я неохотно.

Она повернулась на голос, и я услышал, как она приближается. Время, проведенное с волком, обострило мои чувства. Лунный свет просачивался в плохо закрытое окно. Я ощущал ее в темноте.

– Я здесь, – сказал я, когда она остановилась, и Хани вздрогнула, обнаружив, что я так близко.

Она добралась до моего угла и опустилась на солому рядом со мной.

– Я боюсь засыпать, – объяснила она. – Кошмары.

– Я знаю, каково это, – удивился силе своего сочувствия я. – Стоит только закрыть глаза, как они набрасываются на тебя.

– Точно, – сказала она и замолчала в ожидании.

Мне нечего было добавить, поэтому я сидел в темноте и молчал.

– А какие у тебя кошмары? – тихо спросила она.

– Плохие, – сухо отозвался я.

У меня не было никакого желания воскрешать их глупыми разговорами.

Хани заговорила снова:

– Мне снится, что за мной гонятся «перекованные», но мои ноги оказываются по колено в воде, и я не могу бежать. И я топчусь на месте, а они все ближе и ближе... Так страшно...

– Угу, – согласился я.

Это было все же лучше, чем когда во сне тебя бьют, бьют и бьют... Я заставил себя перестать думать об этом.

– Когда просыпаешься ночью от страха, чувствуешь себя такой одинокой...

По-моему, она хочет случки. Они так легко примут тебя в свою стаю?

– Что? – спросил я ошеломленно, но ответила девушка, а не Ночной Волк.

– Я сказала, что очень одиноко проснуться ночью и дрожать от страха. Все время хочется найти способ почувствовать себя в безопасности, под защитой.

– Я не знаю ничего, что могло бы встать между человеком и снами, которые приходят к нему по ночам, – сказал я скованно.

Внезапно мне очень захотелось, чтобы она ушла.

– Иногда немного ласки может помочь... – тихо сказала Хани, потом протянула руку и погладила мою ладонь.

Сам того не желая, я отдернул руку.

– Ты стесняешься, помощник писца? – спросила она робко.

– Я потерял ту, которую любил, – сказал я без выражения. – Я не могу никого представить на ее месте.

– Понимаю. – Она поднялась и стряхнула солому со своей юбки. – Что ж, прости, что побеспокоила тебя. – Но в голосе ее звучало не извинение, а жгучая обида.

Хани повернулась и ощупью пошла к лестнице. Я знал, что причинил ей боль, но не чувствовал за собой вины. Девушка медленно поднималась по ступенькам, и я понимал, как она ждет, чтобы я окликнул ее. Но я этого не сделал. Я пожалел, что пришел в город.

Значит, нас по-прежнему двое. Рядом со всеми этими людьми нельзя даже поохотиться как следует. Ты еще надолго задержишься?

Боюсь, что мне придется странствовать с ними еще несколько дней. Хотя бы до следующего города.

Ты не хочешь случки с ней, она не стая. Зачем тебе все это?

Я не стал пытаться облечь это в слова. Все, что я мог передать Ночному Волку, – это чувство долга, а он не мог понять, почему моя верность Верити заставляет меня помогать этим путникам на дороге. Они подданные моего короля, а значит, я должен был их защищать. Даже мне самому казался несколько странным такой вывод, однако в его справедливости я не сомневался. Я должен был проследить, чтобы музыканты благополучно добрались до следующего города.

Мне удалось снова заснуть этой ночью, но спал я плохо. Как будто моя беседа с Хани открыла дверь кошмарам. Стоило мне погрузиться в сон, как я чувствовал, что за мной наблюдают. Я съеживаюсь на полу подземелья, молясь, чтобы меня не увидели, изо всех сил стараюсь не шевелиться. Мои глаза крепко зажмурены, как у ребенка, который верит, что, если сам не видит, не видно и его. Но я ощущаю взгляд, чувствую, что Уилл смотрит на меня, и прячусь под одеялом, но чьи-то руки вот-вот найдут меня и там. Уилл совсем близко. Страх душит меня. Я не могу дышать и боюсь шелохнуться. В панике я покидаю свое тело и проскальзываю в чей-то чужой страх, чужой кошмар.

Я сижу на корточках за бочкой с соленой рыбой в лавке старика Хука. Темноту снаружи разгоняли вздымающееся к небу пламя и вопли умирающих и тех, кого схватили в плен. Я знаю, что мне нужно как-то выбраться. Пираты красных кораблей обязательно придут грабить и поджигать магазин. Здесь не спрячешься. Но прятаться все равно негде, а мне только одиннадцать, и колени мои так дрожат, что я не могу стоять, не говоря уже о том, чтобы бежать. Хозяин Хук где-то на улице. Услышав первые крики, он схватил меч и бросился за дверь. «Присмотри за лавкой, Чад!» – крикнул он мне, как будто собирался просто постучаться к соседям и поболтать с пекарем. Сперва я с радостью подчинился этому приказу. Шум был еще далеко внизу, у берега, и лавка казалась надежным убежищем.

Но это было час назад. Сейчас ветер с залива принес запах дыма и яркий свет факелов. Свет и вопли приближаются. Хозяин Хук не вернулся.

Уходи, сказал я мальчику, в чьем теле прятался. Уходи, беги отсюда, беги так далеко, как сможешь, спасайся!

Он не слышал меня.

Я пополз к двери, которая оставалась распахнутой с тех пор, как ушел хозяин, и выглянул. Мимо меня по улице пробежал человек, и я снова спрятался. Но это, вероятно, был горожанин, а не пират, потому что он бежал не оглядываясь. С пересохшим ртом я заставил себя подняться на ноги, вцепившись в ручку двери. Я посмотрел вниз, на город и бухту. Половина домов была объята пламенем. Мягкая летняя ночь задышалась в дыму и пепле, которые носил горячий ветер. В заливе стояли корабли. В свете пламени я видел, как люди разбегаются от пиратов. Захватчики идут по городу, почти не встречая сопротивления. Кто-то приблизился к лавке горшечника в конце улицы. Он нес фонарь и шел так спокойно, что я ощутил внезап-

ный прилив облегчения. Если он может быть так спокоен, значит битва стихает. Я уже было выпрямился, но тут же съезжился снова: человек задорно размахнулся и бросил фонарь в стену лавки. Фонарь разбился, масло вспыхнуло, и огонь весело побежал по сухому дереву. Я отпрянул от света и танцующих языков пламени. С внезапной уверенностью я понял, что спрятаться нельзя, что моя единственная надежда – бегство и что я должен бежать, как только зазвенит гонг. Это придало мне мужества, я вскочил на ноги, пробежал мимо лавки и завернул за угол. На мгновение я почувствовал себя Фитцем. Не думаю, что мальчик ощущал мое присутствие. Его ничтожная Сила, ощупывая город, задела меня. Я совершенно не мог контролировать его тело, но был заперт в его переживаниях. Я был в этом мальчике, разделял его мысли и чувства, как когда-то это делал со мной Верити. Но у меня не было времени, чтобы размышлять, как это происходит или почему я так неожиданно вошел в сознание незнакомца, потому что, когда Чад ринулся в спасительную темноту, грубая рука внезапно схватила его за воротник. Объятый ужасом, он не мог пошевелить и пальцем. Мы посмотрели наверх, в бородатое ухмыляющееся лицо пирата, который схватил нас. Еще один пират появился у него за спиной, зловеще ухмыляясь. Я вместе с Чадом ослабел от ужаса, увидев блестящее острие приближающегося ножа. На мгновение я разделил с ним горячую и холодную боль от ножа на моем горле и мучительное понимание того, что уже слишком поздно, все кончено. Поток липкой теплой крови струился по моей груди. Я был уже мертв. Потом Чад обмяк в руках пиратов и упал. Тогда мой разум освободился от него. Я парил там и на несколько ужасных мгновений заглянул в мысли пирата. Его товарищ пнул мертвого мальчика ногой и хрипло упрекнул убийцу за то, что он напрасно уничтожил того, кого можно было «перековать». Убийца с отвращением фыркнул и ответил, что парень был слишком молод и недостаточно пожил, чтобы тратить на него время хозяина. Кроме того, на миг погрузившись в тошнотворный водоворот его страстей, я понял, что убийца жаждал двух вещей: быть милосердным к парнишке и насладиться, убив его своими руками.

Я заглянул в душу врага. И все равно не смог понять его.

Я плыл по улице вслед за ними, безмолвный и бестелесный. Я чувствовал, что мгновение назад произошло нечто важное, но не мог вспомнить, что это было. И потому я просто клубился, как туман, наблюдая за падением и разорением города Черные Топи в герцогстве Бернс. Время от времени меня притягивало то к одному, то к другому. Я становился свидетелем битв, смертей, крошечных побед и бегства. Даже сейчас, стоит мне закрыть глаза, я вижу эту ночь, и передо мной одно за другим проходит около десятка кошмарных мгновений из жизни разных людей, которыми мне довелось побывать тогда.

Наконец я пришел туда, где перед своим горящим домом стоял человек с огромным мечом в руке. Он сражался против трех пиратов, а за его спиной его жена и дочь силились поднять горящую балку и освободить попавшего в западню сына, чтобы бежать вместе. Ни один из них не бросил бы семью в беде, но я чувствовал, что мужчина ослабел от потери крови и устал, слишком устал даже для того, чтобы поднять свой меч, не говоря уж о том, чтобы сражаться. Я видел, что пираты играют с ним, чтобы довести его до изнеможения и «перековать» всю семью. Я чуял холод смерти, который подбирался к сердцу мужчины, пока наконец его голова не упала бессильно на грудь.

Но миг спустя мужчина вдруг вздернул подбородок. Странно знакомый свет появился в его глазах. Он сжал меч двумя руками и с ревом бросился на атакующих. Двое упали после первого же удара. Они так и умерли с непередаваемым изумлением на грубых лицах. Третий встретил его меч, но не смог противостоять натиску. Кровь стекала с локтя горожанина и покрывала грудь, но его меч звенел, как колокол, разбивая защиту пирата, а потом внезапно, легко, как перышко, провел красную линию по горлу противника.

Когда разбойник упал, мужчина повернулся и бросился к своей жене. Не боясь обжечься, он схватил горящую балку и поднял ее с тела сына. Последний раз его глаза встретились с глазами жены.

– Беги, – сказал он ей, – бери детей и беги.

И упал замертво.

Когда женщина с окаменевшим лицом схватила детей за руки и побежала, я почувствовал, как чей-то дух поднялся с тела умершего человека. «Мой», – подумал я, а потом понял, что это не так. Он ощутил мое присутствие и повернулся, его юное лицо было очень похоже на мое собственное. Я был потрясен, когда понял, что это Верити, – он до сих пор чувствует себя молодым.

Ты здесь? – Он с упреком покачал головой. *Это опасно, мальчик. Даже я напрасно позволил себе это. Но что мы еще можем сделать, когда они призывают нас?*

Он задумчиво смотрел, как я безмолвно стою перед ним.

Когда у тебя появилась способность так далеко дотягиваться Силой?

Я не отвечал. У меня не было ответов, не было собственных мыслей. Я чувствовал себя мокрой простыней, плещущейся на ночном ветру, не более вещественной, чем летящий лист.

Фити, это опасно для нас обоих. Возвращайся. Возвращайся немедленно.

Правда ли, что имя человека, произнесенное вслух, действует магически? Так много старых преданий настаивает на этом. Я внезапно вспомнил, кто я такой, и понял, что мне здесь не место. Но я не знал, как попал сюда, и не имел ни малейшего представления о том, как вернуться в собственное тело. Я беспомощно смотрел на Верити, не в силах даже попросить его помочь.

Он понял и протянул ко мне призрачную руку. Я ощутил это, как будто он положил ладонь мне на лоб и слегка толкнул.

Моя голова стукнулась о стену сарая, и я увидел, как во все стороны полетели искры от удара. Я снова был в амбаре рядом с трактиром «Весы». Вокруг царили тишина и покой, я лежал на колючей соломе, рядом спали животные. Я медленно повернулся на бок. Нахлынули слабость и тошнота – изнеможение, которое часто обрушивалось на меня после попыток работы Силой. Я открыл рот, чтобы позвать на помощь, но только бессловесное карканье сорвалось с моих губ. Я закрыл глаза и погрузился в забытие.

Проснувшись перед рассветом, я подполз к своей сумке, порылся в ней, потом умудрился доковылять до задней двери трактира, где буквально вымолил у поварихи кружку горячей воды. Она подозрительно уставилась на то, как я крошу в воду эльфийскую кору.

– Это не дело, ты сам должен знать, – предупредила она, а потом со страхом стала смотреть, как я пью обжигающий горький настой. – Они дают это рабам, вот что они делают в своем Удачном. Подмешивают в еду и питье, чтобы те держались на ногах. От этого рабы впадают в отчаяние, хоть сил у них прибавляется, вот что я слышала. Но от тоски они не могут даже дать сдачи.

Я едва слышал ее, ожидая, когда подействует кора. Я собрал ее с молодых деревьев и боялся, что ее целительные свойства невелики. Так оно и оказалось. Прошло некоторое время, прежде чем я почувствовал, как по телу разливается успокаивающее тепло, унимая дрожь в руках и прогоняя пелену перед глазами. Я встал со ступенек заднего крыльца, поблагодарил повариху и вернул ей кружку.

– Такой молодой, а уже обзавелся дурными привычками, – выбранила она меня и вернулась к своей стряпне.

Я пошел прочь от трактира и бродил по улицам, пока над холмами не поднялось солнце. Некоторое время я наполовину ждал, что увижу сожженные лавки, разграбленные дома и пустоглазых «перекованных» на улицах. Но кошмар Силы развеялся от дыхания летнего утра и свежего ветра с реки.

При свете дня грязь и беспорядок в городе стали еще заметнее. Мне показалось, что нищих здесь больше, чем в Баккипе, но я не знал, сколько их обычно бывает в речных городах. Некоторое время я пытался размышлять о том, что случилось со мной прошлой ночью; потом с

содроганием выбросил это из головы. Я не знал, как я это сделал. И не знал, произойдет ли это когда-нибудь еще раз. Меня обрадовала встреча с Верити, хотя и бросало в дрожь при мысли о том, как стремительно он растрчивает свою Силу. Я думал о том, где он был этим утром и не встретил ли он рассвет, как и я, горечью эльфийской коры. Если бы только я владел Силой, то мог бы знать точно... Это была печальная мысль.

Когда я вернулся в трактир, менестрели уже встали и ели кашу. Я присоединился к ним за столом, и Джош без всякого выражения сказал мне, что боялся моего ухода. Хани вообще не нашла для меня ни единого слова, зато я несколько раз ловил на себе оценивающие взгляды Пайпер.

Было все еще раннее утро, когда мы покинули трактир. Может быть, мы шли и медленнее, чем обычно ходят солдаты, но арфист Джош все равно задал нам хороший темп. Я думал, что его придется вести, но он сделал своим поводырем дорожный посох. Иногда старик действительно клал руку на плечо Пайпер или Хани, но это казалось скорее лаской, чем просьбой о помощи. Наше путешествие не было скучным, потому что по дороге Джош рассказывал Пайпер об истории этих мест и удивил меня глубиной своих познаний. Днем, когда солнце было еще высоко, мы сделали привал, и они разделили со мной простую еду, которая у них была. Я чувствовал себя неловко, принимая ее, но никак не мог сказать им, что лучше пойду поохотиться с волком. Когда город остался далеко позади, я ощутил присутствие Ночного Волка. Мне было приятно, что он поблизости, хотя еще лучше было бы путешествовать с ним вдвоем.

Несколько раз за этот день мы встречали других путников на лошадях или на мулах. Сквозь просветы в деревьях были видны лодки, поднимающиеся вверх по реке. В середине дня нас стали обгонять хорошо охраняемые повозки и фургоны. Каждый раз Джош окликал их, чтобы спросить, нельзя ли нам поехать с ними. Дважды нам вежливо отказали. Прочие вообще не сочли нужным ответить. Они двигались очень быстро. В одной группе было несколько угрюмых мужчин в грубых мундирах, и я предположил, что это наемные охранники.

Всю дорогу после полудня мы шли под пение «Жертвы Кроссфайер» – длинной баллады о сподвижниках королевы Вижен, о том, как они отдали свои жизни за то, чтобы королева могла выиграть решающую битву. Я слышал эту балладу несколько раз в Оленьем замке. Но к концу дня я выслушал ее два десятка раз, потому что Джош с безграничным терпением работал с Пайпер, стараясь добиться от нее совершенного исполнения. Я был только рад этой дорожной репетиции, потому что благодаря ей отпадала необходимость поддерживать разговор.

Но несмотря на наш быстрый шаг, наступивший вечер застал нас далеко от следующего речного города. Я видел, что менестрелям стало не по себе, когда начало смеркаться. Наконец я решил, что больше так продолжаться не может. Я сказал, что, когда доберемся до следующего ручья, мы сойдем с дороги и подыщем место для ночлега. Хани и Пайпер шли сзади, и я слышал, как они озабоченно шушукаются. Я не мог поделиться с ними уверенностью, которую дал мне Ночной Волк, сообщив, что поблизости нет и следов запаха других людей. На следующем перекрестке я повел музыкантов вверх по ручью и нашел убежище под могучим кедром, где мы могли расположиться на ночь.

Под предлогом того, что мне нужно отойти по нужде, я оставил своих подопечных – мне надо было встретиться с Ночным Волком и заверить его, что все в порядке. Он нашел место, где бурлящая вода ручья подмыла берег, и мы с толком провели время. Волк с интересом наблюдал, как я лег на живот и медленно опустил руки в воду. С первой попытки я поймал хорошую толстую рыбу. Через несколько минут попалась еще одна, поменьше. Когда стемнело, рыбалку пришлось прекратить, но у меня было три рыбины, которые я мог отнести назад в лагерь, и еще две для Ночного Волка.

Ловить рыбу и чесать за ухом. Для этого людям даны руки, сердечно сказал он мне, заканчивая со второй рыбиной.

Кроме того, он проглотил потроха от тех, что я приберег для своих спутников.

Осторожно с костями, предупредил я его.

Моя мать растила меня, когда шел лосось, заявил он. *Рыбы кости меня не пугают.*

Я оставил его разбираться с рыбой и вернулся в лагерь. Менестрели разожгли небольшой костер. При звуке моих шагов все трое вскочили на ноги и схватили свои дорожные посохи.

– Это я! – сказал я с запозданием.

– Хвала Эде, – вздохнул Джош, тяжело опускаясь на землю, но Хани только сверкнула на меня глазами.

– Тебя долго не было, – сказала Пайпер извиняющимся тоном.

Я поднял рыбу, нанизанную на ветку ивы.

– Я принес ужин, – сказал я и добавил для Джоша: – Рыбу.

– Звучит замечательно, – улыбнулся он.

Хани достала хлеб и маленький мешочек с солью, а я нашел большой плоский камень и бросил его в угли костра. Потом завернул рыбу в листья и выложил ее на камень. Запах запекавшейся рыбы дразнил меня, хотя я и боялся, что он привлечет к нашему костру «перекованных».

Я все еще на страже, напомнил мне Ночной Волк, и я поблагодарил его.

Пока я следил за рыбой, Пайпер рядом со мной бормотала себе под нос «Жертву Кроссфайер».

– Хист хромой и Клив слепой, – рассеянно поправил я ее, пытаясь перевернуть рыбу так, чтобы не разломить.

– Я спела правильно! – раздраженно возразила она мне.

– Боюсь, что нет, моя дорогая, Коб прав, – вмешался Джош. – У Хиста была искалечена нога, а Клив родился слепым. Можешь перечислить остальных пятерых, Коб? – Его голос звучал точь-в-точь как голос Федврена на уроке.

Я обжег палец и сунул его в рот, прежде чем отвечать.

– В ожогах вся Кроссфайер вела соратников своих. Ты разреши, любезный друг, мне перечислить их. Был Хист хромой, и Клив слепой, и Келвин полоумный. Был Кевин с заячьей губой, и Север был глухим. А Портер изувечен был...

– Ого! – воскликнул приятно удивленный Джош, а потом спросил: – Ты в детстве учился ремеслу менестреля, верно, Коб? Ты запомнил не только слова, но и стиль. Хотя делаешь слишком длинные паузы.

– Я? Нет, не учился. Но у меня всегда была хорошая память. – Было трудно не улыбнуться от этой похвалы, хотя Хани фыркнула и покачала головой, услышав слова отца.

– Как по-твоему, ты можешь повторить всю балладу? – с вызовом спросил Джош.

– Может быть, – рискнул я.

Я знал, что могу. Баррич и Чейд много тренировали мою память, а за сегодняшний день я услышал эту балладу столько раз, что не мог отделаться от нее.

– Тогда попробуй. Но только не проговаривай. Спой.

– У меня нет голоса.

– Если ты можешь разговаривать, значит можешь и петь. Попробуй. Сделай одолжение старику.

Может, я просто слишком привык подчиняться старикам, чтобы возражать. А может, дело было в лице Хани, на котором было ясно написано, как глубоко она сомневается в моих способностях.

Я прочистил горло и начал. Я пел тихо, пока Джош жестом не показал, чтобы я прибавил голосу. Он кивал, пока я пробивался сквозь длинный рассказ, и морщился, когда я перевирал мотив. Я уже дошел почти до середины, когда Хани сухо заметила:

– Рыба горит.

Я оборвал песню и бросился к огню, чтобы вытолкнуть из углей камень с рыбой. Хвосты подгорели, но остальное удалось спасти. Мы разделили рыбу. Я ел слишком быстро. Даже двойная порция не насытила бы меня, но приходилось довольствоваться тем, что есть. Дорожный хлеб оказался на удивление вкусным, а потом Пайпер заварила в котелке чай. Мы устроились на одеялах у огня.

– Коб, ты хорошо зарабатываешь письмом? – неожиданно спросил меня Джош.

Я хмыкнул:

– Не так хорошо, как хотелось бы. Но я обхожусь.

– Не так хорошо, как хотелось бы, – передразнила меня Хани, обращаясь к Пайпер.

Арфист Джош не обратил на нее внимания.

– Ты, конечно, слишком взрослый для этого, но тебя можно научить петь. У тебя не такой уж плохой голос. Ты поешь, как мальчик, еще не зная, что у твоего голоса появилась мужская глубина и теперь ты можешь овладеть им. У тебя прекрасная память. Ты играешь на каком-нибудь инструменте?

– На морской свирели. Но не очень хорошо.

– Я мог бы научить тебя делать это как следует. Если бы ты остался с нами...

– Отец! Мы его едва знаем! – хмыкнула Хани.

– Я мог бы сказать тебе то же самое, когда ты ходила к нему прошлой ночью, – кротко возразил он.

– Папа, мы только разговаривали. – Она метнула в меня яростный взгляд, как будто я предал ее.

Язык мой прилип к гортани.

– Я знаю, – кивнул Джош. – Слепота обострила мой слух. Но если ты рассудила, что можешь без опаски разговаривать с Кобом наедине ночью, то я рассудил, что мы можем без опаски предложить ему присоединиться к нам. Что скажешь, Коб?

Я медленно покачал головой:

– Нет. И тем не менее спасибо вам. Я ценю ваше предложение, тем более что мы почти не знакомы. Я пойду с вами до следующего города и пожелаю вам найти там других спутников, которые могли бы защитить вас. Но... На самом деле я не хочу...

– Ты потерял кого-то дорогого тебе. Это я понял. Но полное одиночество никому не идет на пользу, – тихо проговорил Джош.

– Кого ты потерял? – прямо спросила Пайпер.

Я постарался придумать ответ, который не вызвал бы новых вопросов.

– Моего деда, – произнес я наконец, – и жену. – Сказать это было все равно что разбедить старую рану.

– Что случилось? – спросила Пайпер.

– Дедушка умер. Жена ушла от меня. – Я говорил кратко, надеясь, что она оставит меня в покое.

– Старики в конце концов умирают, – мягко начал Джош, но Хани оборвала его:

– Что за любовь ты потерял? Что ты должен женщине, которая покинула тебя? Если только ты не дал ей повода уйти.

– Я не дал ей повода остаться, – против воли ответил я. – Пожалуйста, – добавил я тихо. – Я не хочу говорить об этом. Совсем. Я провожу вас до следующего города, а потом пойду своим путем.

– Что ж, это честно, – с сожалением проговорил Джош.

Что-то в его тоне заставило меня заподозрить, что я был груб, но я не мог вспомнить слов, о которых стоило пожалеть.

Больше в этот вечер мы почти не говорили, чему я был только рад. Пайпер вызвалась сторожить наш сон первой, а Хани после нее. Я не возражал, потому что знал, что нас будет

охранять Ночной Волк. Мало кто может пройти мимо него. На открытом воздухе мне спалось лучше, и я легко проснулся, когда Хани наклонилась и потрясла меня за плечо. Я сел, потянулся и кивнул ей, давая знать, что она может идти спать. Я встал, поворошил костер и сел около него. Хани подошла и устроилась рядом со мной.

– Я тебе не нравлюсь, верно? – спросила она.

Голос ее был мягким.

– Я не знаю тебя, – уклончиво сказал я, стараясь не показаться грубым.

– Угу. И не хочешь знать, – заключила она, окинув меня оценивающим взглядом. – Но мне хочется узнать тебя еще с тех пор, как я заметила, что ты покраснел в трактире. Ничто так не вызывает моего любопытства, как мужчина, который краснеет. Я знала очень мало мужчин, которые становились совершенно пунцовыми только потому, что женщина засекала, как они на нее смотрят. – Голос ее стал низким и грудным, и она доверительно наклонилась вперед. – Мне очень интересно, отчего это кровь так прихлынула к твоему лицу?

– Только оттого, что я был очень груб, так как смотрел слишком пристально, – ответил я ей честно.

Она улыбнулась:

– Это не то, что я думала, когда смотрела на тебя. – Она облизнула губы и придвинулась ближе.

Я внезапно ощутил такую пронзительную тоску по Молли, что мне стало больно.

– Мое сердце не подходит для этой игры, – сказал я прямо и встал. – Пойду-ка я наберу хворосту.

– Похоже, я знаю, почему твоя жена ушла от тебя, – ехидно сказала Хани. – Сердце, говоришь? Боюсь, твоя проблема малость пониже. – Она повернулась и ушла к своему одеялу.

Все, что я испытывал, – это облегчение от того, что она отвязалась от меня. И я пошел за хворостом, как и намеревался.

Наутро я спросил Джоша:

– Далеко ли до следующего города?

– Если мы будем идти так же быстро, как вчера, то будем там завтра к полудню.

В его голосе звучало разочарование, и я отвел глаза.

Мы вскинули за плечи сумки и тюки и двинулись дальше. В пути я с горечью размышлял о том, что бросил людей, которых знал и любил, а то, от чего я пытался таким образом сбежать, подстерегло меня в обществе малознакомых бродячих музыкантов. Да и возможно ли вообще жить среди людей и не быть связанным их ожиданиями и доверием?

День был теплым, но не слишком. Если бы я был один, мне было бы даже приятно шагать по дороге. По одну ее сторону в лесу перекликались птицы, по другую – сквозь редкие деревья виднелась река. Вниз по течению двигались баржи, вверх медленно поднимались весельные корабли. Мы разговаривали мало, и через некоторое время Джош и Пайпер начали повторять «Жертву Кроссфайер». Когда девушка запнулась на какой-то строчке, я не подсказал ей.

Мысли мои блуждали без руля и ветрил. Все было настолько легче, когда мне не приходилось беспокоиться о следующей трапезе и чистоте рубашки. Я считал, что ловко обращаюсь с людьми и искусен в своем ремесле. Но у меня был Чейд, с которым можно было строить планы, и было время подготовить то, что я скажу и сделаю. Я справлялся с делами не так хорошо, когда приходилось довольствоваться собственным умом и тем, что я мог нести на своей спине. Лишенный всего, на что я когда-то бездумно полагался, я начал сомневаться не только в своем мужестве. Теперь я спрашивал себя, на что я вообще гожусь. Убийца, человек короля, воин, мужчина... Я пытался вспомнить порывистого юнца, который работал веслом на «Руриске», военном корабле Верити, и не задумываясь бросался в битву, размахивая топором. Трудно поверить, что это был я.

В полдень Хани разделила остатки дорожного хлеба. Его было не много. Женщины шли впереди, тихо разговаривая друг с другом, жевали сухой хлеб и запивали его водой. Я рискнул предложить Джошу разбить лагерь пораньше, чтобы у меня было время поохотиться или поймать рыбу.

– Тогда мы не доберемся до следующего города к завтрашнему полудню.

– Если мы сделаем это к завтрашнему вечеру, от меня не убудет, – тихо заверил я его.

Старый арфист повернул голову – возможно, для того, чтобы лучше расслышать меня, но его затянутые пеленой глаза, казалось, смотрели прямо мне в душу. Было трудно вынести мольбу, которую я видел в них, но я не ответил на нее.

Когда день наконец начал клониться к вечеру, я стал искать подходящее для лагеря место. Ночной Волк шел впереди, и вдруг я ощутил, что шерсть у него на загривке поднялась дыбом.

Там люди. От них пахнет падалью и их собственными отбросами. Я чую их запах, я вижу их, но не чувствую по-другому.

Он всегда испытывал в присутствии «перекованных» беспокойство, и теперь оно передавалось мне. Я нервничал, зная, что они когда-то были людьми и в них была искра Дара, которая есть в каждом живом существе. Мне было очень странно видеть, как они двигаются и говорят, когда я не чувствую их живыми. Для Ночного Волка это было все равно как если бы камни разговаривали и ели.

Сколько? Старые или молодые?

Больше, чем нас, и больше, чем ты. Волчий взгляд на вещи. *Они охотятся за поворотом от вас.*

– Давайте остановимся здесь, – предложил я внезапно.

Слишком поздно. Они учуяли вас, они идут.

Нет времени убежать или придумать правдоподобную ложь.

– Впереди «перекованные». Больше чем двое. Они следили за дорогой и теперь идут к нам. Готовьтесь, – сказал я им.

– Откуда ты знаешь? – с вызовом спросила Хани.

– Бежим, – крикнула Пайпер.

Ей было все равно, откуда я узнал. Ее расширенные глаза сказали мне, как сильно она боялась.

– Нет. Они догонят нас, и мы уже устанем, когда это произойдет. И даже если мы убежим сейчас, нам все равно придется пройти мимо них завтра.

Я отбросил тук подальше. Ничего из того, что в нем было, не стоило моей жизни. Если мы победим, я смогу поднять его снова. Если нет, мне он уже не понадобится. Но Хани, Пайпер и Джош были музыкантами. Среди их поклажи были инструменты. Ни один из них не пошевелился, чтобы освободиться от своей ноши. Я не стал тратить силы на уговоры. Почти инстинктивно Пайпер и Хани встали за спиной старика, крепко сжимая дорожные посохи. Мой посох был у меня в руках, и я держал его наготове. На мгновение я почти перестал соображать. Мои руки, казалось, знали, что им делать.

– Коб, позаботься о Хани и Пайпер. Не беспокойся обо мне, береги их! – коротко бросил мне Джош.

Его слова дошли до меня, и внезапно меня наполнил ужас. Мои ноги словно налились свинцом, я не мог думать ни о чем, кроме того, какую боль принесет мне поражение. Меня затошнило, дрожь охватила меня. Больше всего на свете я хотел просто повернуться и бежать, не думая о менестрелях. «Подождите, подождите, – захотелось мне крикнуть. – Я не готов, я не знаю, буду я драться, побегу или просто потеряю сознание там, где стою». Но время не знает жалости.

Они идут через кустарник, сказал мне Ночной Волк. Двое идут быстро, один тащится сзади. Думаю, он достанется мне.

Будь осторожен, предупредил я его.

Я услышал, как «перекованные» пробираются через кустарник, и почувствовал запах немых тел. Мгновение спустя Пайпер закричала, увидев их, и тогда они выскочили на нас из-за деревьев. Если моей стратегией было остановиться и сражаться, то они просто бежали и атаквали. Они оба были больше меня и, по-видимому, не испытывали никаких сомнений. Их одежда была грязной, но по большей части целой. Не думаю, что они долго были «перекованными». У обоих были дубинки. У меня не осталось времени, чтобы заметить что-то еще.

«Перековка» не делает людей глупыми или медлительными. Чувства других для них больше не существуют, поэтому «перекованные» не представляют, на какие поступки эти чувства могут толкнуть их врагов. Из-за этого и нам их действия порой кажутся нелогичными. «Перекованные» не становятся менее сообразительными или менее искусными в обращении с оружием. Однако они стараются удовлетворить все свои желания немедленно, совершенно как звери. Лошадь, украденную сегодня, завтра они могут съесть, если голод окажется сильнее желания ехать верхом. Кроме того, они не поддерживают и не прикрывают друг друга во время боя. В группах «перекованных» нет никакого взаимодействия. Они могут обратиться друг против друга, поспорив из-за добычи. Они способны двигаться вместе и нападать вместе, но не более того. И в то же время они остаются по-звериному хитрыми и безжалостно ловкими, стремясь получить желаемое.

Я знал все это. Поэтому не был удивлен, когда оба «перекованных» пробежали мимо меня, чтобы сперва атаковать более слабых. Удивительнее всего было трусливое облегчение, которое испытал я при этом. Оно парализовало меня, как один из моих снов, и я позволил «перекованным» ринуться к девушкам. Хани и Пайпер дрались лишь как рассерженные и испуганные менестрели с палками. У них не было ни мастерства, ни сноровки, ни даже опыта сражения вместе – а значит, они все время случайно задевали друг друга и Джоша. Они были обучены музыке, а не искусству боя. Джош стоял в середине, вцепившись в свой посох. Он не мог драться, чтобы не попасть по Хани или Пайпер. Ярость исказила его лицо. Я мог бы убежать тогда, схватить свой узел и броситься вдоль по дороге, не оглядываясь. «Перекованные» не стали бы преследовать меня, удовольствовавшись более легкой добычей. Но я этого не сделал. Какие-то обрывки мужества и гордости все еще сохранялись во мне. Я вступил в бой с меньшим из нападавших, хотя он более искусно обращался со своей дубиной. Оставив Хани и Пайпер отбиваться от здоровяка, я вынудил второго биться со мной.

Мой первый удар попал «перекованному» по ногам. Я хотел искалечить его или хотя бы сбить с ног. Он взревел от боли, поворачиваясь ко мне, но не замедлил движения. Я давно подметил в «перекованных» еще одну особенность. Они, очевидно, не так остро ощущают боль. Когда меня избивали, я совершенно лишился мужества при мысли о том, как изувечат мое тело. Странно было обнаружить такую привязанность к собственной плоти. Я не просто хотел избежать физического страдания, тут было нечто большее. Регал знал это. Он знал, что каждый удар, нанесенный мне его стражниками, разжигает во мне страх. Этот страх сковывал меня не меньше, чем сами удары. «Перекованные», по-видимому, ничего подобного не чувствуют. Может быть, теряя способность к сопереживанию, они теряют и любовь к собственному телу.

Мой противник развернулся и нанес мне удар. Я содрогнулся, вцепившись в свой посох, но сумел отразить его. Мое тело застыло в ожидании большей боли. «Перекованный» ударил меня снова, и снова я отбил удар. Поскольку я уже вступил с ним в бой, у меня не было возможности повернуться и убежать. Этот человек умел обращаться с дубиной: вероятно, когда-то он был воином, обученным владению топором. Я узнал эти движения и удачно отбивался. Я боялся его слишком сильно, чтобы атаковать самому, боялся пропустить удар, если хоть на секунду перестану защищаться. Я отступал с такой готовностью, что он обернулся, возможно собираясь оставить меня и снова броситься к женщинам. Я нанес жалкий ответный удар. «Перекованный» едва вздрогнул и опять пустил в ход свою дубину, не давая мне воз-

возможности использовать преимущества моего более длинного посоха. В отличие от меня его не отвлекали крики защищающихся менестрелей. В зарослях я слышал приглушенные проклятия и слабое рычание. Ночной Волк подстерег третьего человека и бросился на него, пытаясь перегрызть ему сухожилия. Он потерпел неудачу, а теперь кружился вокруг «перекованного», стараясь держаться подальше от его меча.

Я не знаю, как мне пройти мимо его клинка, брат. Но думаю, что задержу его здесь. Он не посмеет повернуться ко мне спиной, чтобы напасть на тебя.

Будь осторожен!

У меня не было времени сказать ничего больше, потому что человек с дубинкой поглощал все мое внимание. Удары градом сыпались на меня, и я вскоре понял, что теперь мой противник вкладывает в них больше сил. Он уже не боялся, что ему придется защищаться самому. Он хотел только пробить мою защиту. Каждый удар, который мне удавалось отразить посохом, сильно встряхивал меня. Это будило старую боль, напоминая о давно заживших ранах. Моя выносливость в битве была не та, что раньше. Охота и ходьба не укрепляют тело и не наращивают мускулы, как это делает работа веслом. Поток сомнений подтачивал мою сосредоточенность. Я подозревал, что противник сильнее меня, и так боялся боли, которую он мог причинить мне, что не мог думать о том, как избежать ее. Желание остаться целым не то же самое, что желание победить. Я пытался увеличить расстояние между нами, чтобы использовать длину моего посоха, но он тоже следил за этим.

Я бросил взгляд на менестрелей. Джош твердо стоял на дороге с посохом наготове, но нападавшие оставили его. Хани, хромая, пятилась от преследователя. Она пыталась отбиться, в то время как Пайпер следовала за ними, безуспешно колотя тонким посохом по плечам «перекованного». Он только немного горбился и пытался добить раненую Хани. Это пробудило что-то во мне.

– Пайпер, бей его по ногам! – крикнул я ей и вернулся к своему противнику, дубинка которого опустилась на мое плечо.

Я нанес ему несколько быстрых ответных ударов, слишком слабых, чтобы остановить его, и отскочил назад.

Меч порезал мне плечо и скользнул по груди. Я вскрикнул от неожиданности и чуть не выронил посох, когда понял, что это не моя рана. Я почувствовал и услышал удивленный визг боли Ночного Волка. А потом удар сапога по голове.

Оглушен, загнан в угол. Помогите мне!

В памяти всплыли воспоминания, похороненные в дальних уголках сердца. За годы до избиения в темнице Регала я почувствовал удар ножа и удар сапогом. Но не по моему телу. Терьер, с которым я был связан, Кузнечик, сражался в темноте с тем, кто в мое отсутствие напал на Баррича. Сражался и умер от ран, прежде чем я сумел прийти к нему на помощь. Внезапно я обнаружил, что есть угрозы более страшные, чем моя собственная смерть.

Страх за себя распался перед ужасом потерять Ночного Волка. Я сделал то, что должен был сделать. Шагнув вперед, я принял удар по плечу, чтобы уменьшить дистанцию. На мгновение моя рука потеряла чувствительность. Перехватив посох, я резко выбросил его конец вверх, попав в челюсть нападавшего. Он не ожидал такой внезапной смены тактики. Его подбородок дернулся, обнажив горло, и я резко воткнул посох во впадину у основания шеи. Я почувствовал, как поддались мелкие кости. Он выдохнул фонтан крови, я отступил назад, поднял посох и ударил «перекованного» по черепу противоположным концом. Он упал, а я повернулся и побежал в лес.

Рычание и хрип привели меня к Ночному Волку. Он забился в заросли ежевики, его левая передняя лапа была прижата к груди. Кровь была на его левом плече и, как красные драгоценные камни, блестела по всему левому боку. Острые шипы, в которых он искал укрытия, теперь окружали его и не давали бежать. Он вжался в них как мог глубоко, чтобы избежать

удара меча, и я чувствовал множество мелких ран на его ногах. Шипы, вонзившиеся в Ночного Волка, держали на расстоянии нападавшего, и плети ежевики принимали на себя большую часть ударов меча, когда человек пытался пробиться сквозь них к волку.

При виде меня Ночной Волк собрал все свое мужество и внезапно развернулся, чтобы встретить «перекованного» свирепым взрывом ярости. Тот отвел назад меч для удара, который должен был сразить волка. На конце моего посоха не было острия, но я вонзил его в спину человека с такой силой, что палка вошла в легкие. Он взревел и попытался повернуться, но я продолжал держать посох. Я бросил на него весь свой вес, вынуждая «перекованного» отходить в гущу ежевики. Его вытянутые руки не нашли никакой опоры, кроме острых шипов. Я пришил его к растущим побегам ежевики, и Ночной Волк, приободрившись, прыгнул ему на спину. Челюсти волка сомкнулись сзади на толстой шее человека и рвали ее до тех пор, пока кровь не залила нас обоих. Придушенные крики «перекованного» постепенно стихали.

Я совершенно забыл о менестрелях. Громкий крик боли напомнил мне о них. Наклонившись, я схватил меч, который выронил «перекованный», и побежал назад к дороге, оставив Ночного Волка зализывать рану на плече. Когда я вылетел из леса, ужасное зрелище предстало моим глазам. «Перекованный» рвал одежду сопротивлявшейся Хани. Пайпер стояла на коленях в дорожной пыли, вцепившись в плечо, и кричала. Растрепанный и запыленный Джош поднимался на ноги и ощупью двигался на зов Пайпер. В одно мгновение я подскочил к ним. Я пнул ногой человека, чтобы заставить его отпустить Хани, а потом вонзил в него меч. Он бешено сопротивлялся, пытаясь дотянуться до меня, но я навалился на меч всем весом, вонзая его в грудь врага. Сопротивляясь, «перекованный» только расширял рану. Он проклинал меня бессловесными воплями, потом изо рта его потекла кровь. Он схватил меня за правую ногу, пытаясь бросить на землю. Я сильнее надавил на клинок. Мне хотелось вытащить меч и убить его быстро, но он был так силен, что я боялся отпустить его. В конце концов его прикончила Хани, воткнув конец своего посоха ему в лицо.

Я нашел в себе силы вытащить меч, прихрамывая отошел назад и сел на дорогу. В глазах у меня потемнело, прояснилось и снова потемнело. Крики Пайпер вполне могли быть отдаленными криками чаек. Внезапно всего оказалось слишком много, и я был повсюду. В лесу неподалеку я вылизывал свое плечо, обрабатывая языком отставшую шерсть и аккуратно ощупывая края раны, и я сидел на дороге, вдыхая запах пыли и крови. Я ощущал каждый удар, который получил и нанес, напряжение и дергающую боль от ударов дубинкой. Жестокий способ, которым я убивал, внезапно приобрел для меня другое значение. Я знал, каково пришлось «перекованным». Я знал, что они чувствовали, лежа на земле и сопротивляясь без всякой надежды, когда смерть была их единственным убежищем от усиливающейся боли. Мой разум мучительно колебался между крайностями убийцы и жертвы. Я был и тем и другим.

И я был одинок. Более одинок, чем когда-либо. Раньше в такие моменты у меня всегда кто-нибудь был. Товарищи по кораблю или Баррич, пришедший залатать меня и отвести домой, и дом, ждущий меня, и Пейшенс, которая будет суетиться вокруг, и Чейд с Верити, которые будут убеждать меня быть осторожнее. Молли, которая придет вместе с темнотой и тишиной, чтобы мягко прикоснуться ко мне... На этот раз битва была закончена и я остался жив, но никому, кроме волка, не было до этого дела. Я любил его, но внезапно понял, что мне необходимо и человеческое участие. Я не мог больше выносить отсутствие всех, кому я был дорог. Будь я и в самом деле волком, я бы поднял морду к небу и завыл. А так я потянулся вдаль – не могу описать, как я это сделал. Я использовал не Дар, не Силу, а какую-то смесь той и другой магии, ужасные поиски кого-нибудь, кому небезразлична моя жизнь.

Я почти почувствовал что-то. Может быть, Баррич поднял голову и оглядел поле, в котором он работал, может быть, на мгновение он ощутил запах крови и пыли? Или Молли распрямилась над стиркой и осмотрелась вокруг, прижав руки к заболевшей спине во внезапном приступе тоски? Или я разбередил усталую душу Верити? Отвлек на пару мгновений Пейшенс

от сортировки трав на подносах? Заставил Чейда нахмуриться и отложить в сторону свиток? Как мошка в окно, я бился об их разум. Я хотел почувствовать привязанность, которую считал привычной. Я почти дотянулся до них – и тут же в изнеможении вернулся в себя. Я сидел в дорожной пыли, смешанной с кровью троих «перекованных», убитых мной.

Она швырнула в меня грязью.

Я поднял глаза. Сперва Хани была темным силуэтом на фоне заходящего солнца. Потом я моргнул и увидел выражение презрения и ярости на ее лице. Одежда ее была разорвана, волосы растрепались.

– Ты сбежал, – выкрикнула она. Я чувствовал ее отвращение к моей трусости. – Ты сбежал и дал им сломать руку Пайпер, избить отца и попытаться изнасиловать меня. Что ты за мужчина? Какой мужчина может сделать такое?

У меня была тысяча ответов, но ни одного подходящего. Пустота внутри уверила меня в том, что я ни в чем не смогу убедить ее. Вместо этого я заставил себя встать на ноги. Хани смотрела мне вслед, когда я пошел к тому месту, где бросил свой тюк. Казалось, с тех пор, как я отшвырнул его, прошли часы. Я поднял тюк и направился к Джошу, который сидел в пыли рядом с Пайпер и пытался утешить ее. Прагматичная Хани уже проверяла их тюки. Арфа Джоша оказалась разбита. Пайпер ни на чем не сможет играть, пока не заживет ее рука. Так случилось, и после этого я сделал для них все, что мог.

А мог я очень немного. Я разжег огонь у дороги, принес с реки воды и поставил ее греться. Я разложил травы, которые успокоят Пайпер и смягчат боль в ее руке. Я нашел сухие прямые палочки и обстрогал их, чтобы сделать лубки. А что вверху, на склоне горы?

Мне больно, брат, но рана неглубокая. Правда, она открывается, если я пытаюсь ходить. И во мне полно колючек, как мух на падали.

Я сейчас приду и вытащу все до единой.

Нет. Я могу о себе позаботиться. Пригляди за остальными. Он помолчал. *Брат мой. Нам надо было убежать.*

Я знаю.

Почему так трудно было подойти к Хани и тихо спросить ее, нет ли у нее тряпки, чтобы сделать перевязку Пайпер? Она не соблаговолила ответить мне, но слепой Джош безмолвно протянул мне кусок мягкой ткани, в которую раньше заворачивал свою арфу. Хани презирала меня, Джош, видимо, лишился дара речи от потрясения, а Пайпер была так погружена в собственную боль, что едва замечала меня. Но каким-то образом я заставил их подойти к огню. Я отвел туда Пайпер, обняв ее одной рукой, а другой поддерживая ее раненую руку. Я усадил ее и напоил чаем. Я обращался скорее к арфисту Джошу, чем к ней, когда сказал:

– Я могу выправить кость и положить ее в лубки. Я часто делал это раньше после битвы. Но я не лекарь. Когда мы дойдем до следующего города, ее надо будет перебинтовать.

Он медленно кивнул. Мы оба знали, что ничего другого сделать нельзя. Так что он встал на колени подле Пайпер и взял ее за плечи, а Хани твердо схватила ее здоровую руку. Я сжал зубы от ее боли и твердо выпрямил сломанное предплечье. Девушка, конечно, закричала, потому что простой чай не может заглушить боль такого рода. Но она нашла в себе силы не сопротивляться. Слезы струились по ее щекам, дыхание стало прерывистым. Я положил лубки и забинтовал руку. Я показал Пайпер, как нести руку, чтобы повязка поддерживала ее вес и предохраняла от лишних движений. Потом я дал ей еще одну кружку чая и повернулся к Джошу.

Он получил удар по голове, и это на мгновение оглушило его, но сознания он не потерял. На месте удара образовалась опухоль, и арфист вздрогнул при моем прикосновении, но кожа не была рассечена. Я сделал ему холодную примочку и предложил чая. Он поблагодарил меня, и почему-то мне стало стыдно. Потом я взглянул туда, откуда кошачьими глазами за мной следила Хани.

– Ты ранена? – спросил я тихо.

– У меня на голени опухоль величиной со сливу, и он поцарапал мне шею и грудь. Но я сама могу о себе позаботиться. Тем не менее спасибо тебе... Коб. Хотя вряд ли стоит тебя благодарить за то, что я вообще осталась жива.

– Хани. – Джош говорил угрожающе тихим голосом.

В нем было столько же усталости, сколько ярости.

– Он убежал, отец. Он повалил одного «перекованного», а потом повернулся и убежал. Если бы он помог нам тогда, ничего бы вообще не случилось. Пайпер бы не сломали руку и не разбили бы твою арфу. Он убежал.

– Но он вернулся. Давай не думать о том, что случилось бы, если бы он не вернулся. Может быть, мы и ранены, но ты все равно должна быть ему благодарна за то, что осталась жива.

– Мне его благодарить не за что, – сказала она горько. – Немного храбрости, и он бы спас нас. А что нам делать теперь? Арфист без арфы и флейтистка, которая не может держать свой инструмент.

Я поднялся и пошел прочь от них. Я почувствовал себя слишком усталым, чтобы слушать ее, и слишком обессиленным, чтобы оправдываться. Я стащил с дороги тела и уложил их в траве у реки. В угасающем свете дня я снова вошел в лес и стал искать Ночного Волка. Он уже обработал свои раны лучше, чем это мог бы сделать я. Я прошелся по его шкуре, вытаскивая шипы и побеги ежевики. Потом немного посидел рядом с ним. Он лег, положил голову мне на колени, и я почесал его за ушами. Это было все общение, в котором мы нуждались. Потом я встал, нашел третье тело, схватил его за плечи и подтащил к реке, к остальным двум.

Без всяких угрызений совести я осмотрел их карманы и кошельки. У двоих я нашел только по горсти медной мелочи, но у того, у которого был меч, в кошельке лежали двенадцать серебряных монет. Я взял этот кошелек и добавил в него медяки. Кроме того, я забрал у «перекованного» порванный пояс и ножны и поднял с дороги меч. До самой темноты я собирал речные камни и заваливал ими тела. После этого я спустился к реке, вымыл руки и лицо, снял рубашку, смыл с нее кровь и снова надел ее, холодную и мокрую. На мгновение это облегчило боль от ушибов и ссадин, потом мышцы начали деревенеть от холода. Я вернулся к маленькому костру, который теперь освещал лица сидевших вокруг него людей. Подойдя, я протянул руку к Джошу и подал ему кошелек.

– Может быть, этого будет достаточно до тех пор, пока вы не почините арфу, – сказал я.

– Облегчаешь совесть деньгами мертвеца? – фыркнула Хани.

Ободранные концы моего терпения наконец разошлись.

– Представь, что они выжили. По закону Бакка им пришлось бы по меньшей мере возместить вам убытки. А если это тебе так не нравится, брось деньги в реку. Мне все равно.

Я в гораздо большей степени игнорировал ее, чем она меня. Превозмогая боль, я расстегнул пояс меча. Ночной Волк был прав: владелец меча был гораздо крупнее меня. Я положил пояс на кусок дерева и провертел новую дырку. Потом встал и застегнул его на себе. Было приятно снова почувствовать тяжесть меча на боку. Я вытащил клинок и стал рассматривать его при свете костра. В нем не было ничего особенного, но он был крепким и острым.

– Где ты взял это? – спросила Пайпер. Голос ее дрожал.

– Отобрал у третьего человека там, в лесу, – коротко ответил я, снимая меч.

– О чем речь? – спросил арфист Джош.

– Это меч, – сказала Пайпер.

Джош повернулся ко мне:

– Там в лесу был третий человек с мечом?

– Да.

– И ты отобрал у него меч и убил его?

– Да.

Он тихо фыркнул и покачал головой:

– Когда мы пожимали друг другу руки, я сразу понял, что это не рука писца. Перо не оставляет таких мозолей и мускулов. Видишь, Хани, он не убежал. Он просто пошел, чтобы...

– Если бы он убил человека, который напал на нас, это было бы умнее, – упрямо настаивала она.

Я развязал свой тюк, вытряхнул одеяло и лег. Я был голоден, но с этим ничего нельзя было поделать. Зато я мог бороться с усталостью.

– Ты собираешься спать? – спросила Пайпер.

Лицо ее было искажено тревогой.

– Да.

– А если придут еще «перекованные»?

– Тогда Хани может убить их в том порядке, который сочтет разумным, – кисло предложил я.

Я крutilся на одеяле до тех пор, пока мой меч не оказался у меня под рукой. Я слышал, как Хани медленно поднялась и начала раскладывать постель для остальных.

– Коб, – тихо сказал Джош. – Ты оставил себе денег?

– Не думаю, что они мне понадобятся, – ответил я так же тихо.

Я не стал объяснять, что не хочу больше иметь дело с людьми. Мне было совершенно все равно, поймут они меня или нет. Я закрыл глаза, чтобы быстро коснуться Ночного Волка. Как и я, он был голоден, но предпочел отдых.

Завтра к вечеру я снова смогу охотиться с тобой, обещал я ему.

Ночной Волк удовлетворенно вздохнул. Он был не так далеко. Мой огонь был всего лишь искрой среди деревьев. Он опустил морду на передние лапы, и я почувствовал, что устал больше, чем мне казалось. Мысли мои расплывались. Я отпустил все и поплыл от боли, терзавшей мое тело. «Молли, – подумал я тоскливо. – Молли». Но я не нашел ее. Где-то Баррич спал на разложенном перед очагом матрасе. Я видел его, и это чувствовалось, как будто я нашел его Силой, но мне не удалось удержать его образ. Свет огня плясал на его лице. Он похудел и обгорел дочерна, проводя много времени в поле. Я медленно отвернулся. Сила плескалась вокруг, но я не мог контролировать ее.

Когда мои сны коснулись Пейшенс, я был потрясен, обнаружив ее в отдельной комнате с лордом Брайтом. Он был похож на загнанное животное. Молодая женщина в прелестной ночной рубашке была, очевидно, не меньше его поражена вторжением Пейшенс. Пейшенс была вооружена картой и говорила, оттолкнув в сторону поднос с лакомствами и вином, чтобы вернуть ее на столе.

– Я считаю вас умным и смелым человеком, лорд Брайт, так что приходится сделать вывод, что вы невежественны. Я намереваюсь заняться вашим образованием. Как докажет вам карта покойного принца Верити, если вы вскоре не начнете действовать, все побережье Бакка будет брошено на милость красных кораблей. А у них нет милости. – Она подняла пронзительные газельи глаза и в упор посмотрела на него.

Она часто пронзала этим взглядом меня, когда требовала подчинения. Я почти пожалел Брайта. Потом я потерял этот образ, и меня, как несомый ветром лист, увлекло прочь.

Я не знаю, нырнул ли я глубже, знаю только, что все, что привязывало меня к моему телу, стало тоненькой нитью. Я повернулся и закрутился в течении, которое тащило меня, подбивая отпустить эту нить. Где-то тревожно заскулил волк. Призрачные пальцы тыкались в меня.

Фитц. Будь осторожен. Возвращайся.

Верити. Но его Сила казалась мне только дуновением ветра. Что-то было между нами. Холодный туман, поддающийся и упругий, запутывающий, как ежевика. Я забеспокоился,

пытаясь найти страх, который вернул бы меня в мое тело. Но я был заперт внутри сна и не мог проснуться. Не было пути назад. Не было сил пытаться.

Запах собачьей магии в воздухе, и только посмотрите, что я нашел! Уилл вонзил в меня когти, как кошка, притягивая к себе. *Привет, бастард.* Его глубокое удовлетворение снова разбудило мой страх. Я чувствовал его циничную улыбку. *Они оба живы – и бастард с его извращенной магией, и Верити-изменник. Регал будет огорчен, обнаружив, что не так преуспел, как ему казалось. Но сейчас я все исправлю. Моим собственным способом.*

Я почувствовал, как он ощупывает мою защиту, – нечто более интимное, чем поцелуй. Как будто он ощупывал тело шлюхи. Я болтался, как кролик, в его руках, ожидая только рывка, который прервет мою жизнь. Я чувствовал, что у него прибавилось силы и хитрости.

Верити, захныкал я, но мой король не слышал и не отвечал.

Уилл взвешивал мои возможности.

Какая польза для тебя в этой мощи, которой ты так и не научился владеть? Никакой. Но мне это даст крылья и когти. Ты сделаешь меня достаточно сильным, чтобы отыскать Верити, где бы он ни прятался.

Внезапно я стал терять энергию, как продырявленный мех с водой. Я не имел никакого представления, как Уилл пробил мою защиту, и не знал способа остановить его. Он жадно вцепился в мой разум и высасывал меня. Именно так Джастин и Сирен убили короля Шрюда. И старый король исчез быстро, как лопнувший мыльный пузырь. У меня не было ни воли, ни сил для сопротивления, когда Уилл ломал последние преграды между нами. Его чуждые мысли давили на мой разум, когда он выгребал все мои тайны, высасывая душу. Но внутри меня его ждал волк.

Брат! – зарычал Ночной Волк и бросился на Уилла, чтобы вонзить в него зубы и когти.

Где-то далеко Уилл завизжал от ужаса и боли. Как бы хорошо ни владел он Силой, он совершенно не знал Дара. Он был так же незащищен перед Ночным Волком, как я перед ним. Когда-то Джастин атаковал меня Силой и тоже напоролся на Ночного Волка. Я видел, как Джастин упал, как будто волк схватил его за горло. Он потерял всю концентрацию и контроль над Силой, и я смог освободиться от него. Я не мог видеть, что случилось с Уиллом, но чувствовал щелканье челюстей Ночного Волка.

Я был потрясен тем, какой невиданный ужас охватил Уилла. Он бежал, разорвав связь Силы между нами так внезапно, что я на мгновение усомнился в себе. Потом я вернулся в собственное тело полностью проснувшимся. Я сел, пот струился по моей спине, и я стал двигать все свои стены защиты.

– Коб! – в тревоге окликнул Джош, и я увидел, как он и Хани смотрят на меня.

Я успокоил сбивчивое, всхлипывающее дыхание.

– Кошмар, – едва выговорил я. – Просто кошмар.

Я с трудом поднялся на ноги, в ужасе от собственной слабости. Мир вокруг меня кружился. Я едва мог стоять. Страх понукал меня. Я подхватил свой маленький котелок и, как мог быстро, направился к реке за водой, надеясь, что чай из эльфийской коры даст мне достаточно сил.

Я обошел стороной груды камней, которыми завалил тела «перекованных». Прежде чем я достиг берега реки, Ночной Волк уже оказался рядом со мной. Я бросил котелок и опустился на колени рядом с ним. Я осторожно обнял его, помня о ране в плече, и зарылся лицом в его шерсть.

Мне было так страшно. Я чуть не умер...

Теперь я понимаю, почему мы должны убить их всех, сказал он спокойно. *Если мы этого не сделаем, они никогда не оставят нас в покое. Мы найдем их логово и убьем их всех.*

Это было единственное утешение, которое Ночной Волк мог предложить мне.

Глава 6

Дар и Сила

Менестрели и бродячие писцы занимают особое место в обществе Шести Герцогств. Они хранят знания не только о своих собственных ремеслах, но и о множестве других вещей. Менестрели помнят историю Шести Герцогств – не только основную историю формирования королевства, но и менее значительные предания о маленьких городах и даже семьях, построивших их. Хотя каждый менестрель мечтает стать единственным свидетелем какого-нибудь важного события и сам написать новую сагу, их истинная ценность состоит в постоянном наблюдении за мелочами, которые и составляют ткань жизни. Когда возникает спор о принадлежности собственности, происхождении семьи или даже давнем обещании, призывают менестрелей, чтобы восполнить детали, которые остальные могли забыть.

Менестрелей поддерживают, но не заменяют бродячие писцы. За определенную плату они предоставляют записи о свадьбах, рождении, смене собственника земли, о полученном наследстве или об обещанном приданом. Это касается не только имени или профессии, но и происхождения и места жительства. Иногда менестреля зовут, чтобы он выступил в качестве свидетеля и поставил свою подпись под тем, что зафиксировал писец. По этой причине они часто путешествуют вместе, или один человек совмещает обе профессии.

По старинному обычаю с менестрелями и писцами хорошо обращаются в благородных домах – там они находят приют на зиму и оседают к старости. Ни один лорд не захочет, чтобы менестрели и писцы плохо говорили о нем или не помнили его вообще. Щедрости к этим двум категориям людей учат, как простой вежливости. Если в замке за столом нет менестрелей, люди знают, что их хозяин скуп.

Я попрощался с музыкантами вечером у дверей трактира в маленьком захламленном городишке Воронье Горло. Вернее, я попрощался с Джошем. Хани ушла в трактир, даже не взглянув на меня. Взгляд Пайпер был таким озадаченным, что ничего не сказал мне. Потом она ушла вслед за Хани. Джош и я остались на улице. Мы шли вместе, и его рука все еще лежала на моем плече.

– Здесь ступенька у двери, – тихо предупредил я.

Старик кивнул в знак благодарности.

– Что ж. Горячая еда нам не помешает, – заметил он и кивком указал в сторону двери.

Я покачал головой, а потом сказал:

– Спасибо, но я не пойду с вами. Я ухожу.

– Прямо сейчас? Ну, Коб, хотя бы кружку пива и немного мяса... Я знаю, что Хани... иногда бывает невыносима, но ты же не думаешь, что она говорит за всех нас.

– Дело не в этом. Я просто должен кое-что сделать. Я это долго откладывал, слишком долго. А вчера понял, что, пока я этого не сделаю, мне не будет покоя.

Джош тяжело вздохнул:

– Ужасный день был вчера. Я не стал бы принимать важные решения после такого дня. – Он повернул голову и посмотрел на меня. – Что бы там ни было, Коб, я думаю, время это излечит. Оно лечит почти все, знаешь ли.

– Отнюдь не все, – с отвращением пробормотал я. – Есть дела, которые не становятся лучше, пока ты сам не исправишь их. Тем или другим способом.

– Что ж. – Он протянул мне руку, и я взял ее. – Тогда удачи тебе. По крайней мере, в этой руке воина теперь есть меч. Это не может быть дурным знаком.

– Вот дверь, – сказал я и открыл ее. – Удачи также и вам.

Когда я снова вышел на улицу, то почувствовал себя так, словно сбросил тяжелую ношу. Снова свободен. Я не скоро еще раз обременю себя чем-нибудь подобным.

Я иду, сказал я Ночному Волку. Вечером мы поохотимся.

Я буду присматривать за тобой.

Я вскинул узел на плечо, перехватил поудобнее посох и зашагал по улице. Я не мог придумать ничего, что могло бы понадобиться мне в Вороньем Горле. Тем не менее моя дорога шла напрямик через рыночную площадь, а укоренившиеся за целую жизнь привычки умирают с трудом. Я наострил уши, выслушивая ворчание и жалобы тех, кто пришел на площадь. Покупатели требовали объяснить, почему цены так высоки. Продавцы отвечали, что товары из низовьев реки приходят редко, а то, что приходит, стоит дорого. Вверх по реке все еще дороже, заверяли они. Кроме всех тех, кто жаловался на высокие цены, было множество людей, пришедших купить то, чего на рынке просто не было. И это были не только океанская рыба и плотная шерсть из Бакка, которые больше не доставлялись по реке. Все предсказания Чейда сбылись: не было шелков, бренди, украшений из Удачного – ничего из Прибрежных герцогств или из земель, лежавших дальше к югу. Попытка Регала перекрыть торговые пути Горного Королевства избавила Воронье Горло от янтаря, мехов и других товаров. Раньше это был торговый город. Теперь он задыхался от избытка собственных товаров и страдал от отсутствия того, на что их можно было обменять.

По крайней мере один человек знал, кого в этом винить. Это был пьяница, который косолапо брел по рынку, отскакивая от палаток и пробираясь мимо товаров, разложенных на коврах. Его спутанные темные волосы падали на плечи и смешивались с бородой. Он пел, вернее, кричал, потому что голос у него был скорее громкий, чем музыкальный. Мелодия была слишком приблизительной, чтобы мне удалось запомнить ее, и он перебрал все рифмы, которые когда-то были в этой песне, но смысл ее был ясен. Когда королем Шести Герцогств был Шрюд, по реке текло золото, но теперь, когда корону носит Регал, в берегах плещется только кровь. Еще был второй куплет, о том, что лучше платить налоги, чтобы сражаться с красными кораблями, чем отдавать кровные денежки королю, который трусливо прячется от них, – но тут пение прервали городские стражники. Их было двое, и я думал, что они остановят пьяницу и вытрясут из него все деньги, чтобы заплатить торговцам за ущерб. Тишина, наступившая на рынке при их появлении, должна была бы предупредить меня. Торговля прекратилась, люди быстро расходились или прижимались к прилавкам, чтобы дать им пройти. Все взгляды были направлены на стражников.

Они быстро подошли к пьяному, и я, как и все прочие, молча наблюдал, как они схватили его. Нарушитель спокойствия в страхе таращил на них глаза, и умоляющий взгляд, которым он обводил толпу, был ужасен в своей настойчивости. Потом один из стражников отвел назад руку в кожаной рукавице и ударил его в живот. Пьяница выглядел крепким человеком, растолстевшим, как это бывает с плотно скроенными людьми к старости. Другой на его месте потерял бы сознание от такого удара. Но он лишь скорчился, со свистом выдохнул, потом его вырвало. Стражники с отвращением отступили назад. Один из них так толкнул пьяного, что тот потерял равновесие. Он упал прямо на рыночный прилавок и рассыпал две корзины с яйцами. Торговец не сказал ничего, только отступил подальше, как будто боялся, что его заметят. Стражники снова подошли к несчастному. Первый схватил его за ворот рубашки и заставил встать на ноги. Потом он ударил его в лицо, и пьяный повалился на руки второму стражнику. Тот поймал его и держал, чтобы его товарищ мог снова ударить свою жертву в живот. На этот раз пьяный упал на колени, и стражник за его спиной повалил его на землю.

Я не понимал, что начал двигаться вперед, пока чья-то рука не схватила меня за плечо. Я оглянулся и увидел морщинистое лицо тощей старухи, остановившей меня.

– Не зли их, – шепнула она. – Если никто их не рассердит, они побьют его да и отпустят. А иначе могут и убить. Или еще хуже – заберут в Королевский Круг.

Я посмотрел ей прямо в глаза, и она потупилась, как бы стыдясь, но не убрала руку с моего плеча. Тогда, как и она, я перестал смотреть на стражников и попытался не слышать глухих ударов, хрипа и придушенных криков избиваемого человека.

День был жаркий, а на стражниках было больше кольчуги, чем я обычно видел на городской страже. Может быть, это спасло пьяному жизнь. Никто не любит долго потеть в доспехах. Оглянувшись, я успел увидеть, как один из них нагнулся, срезал у лежавшего человека кошелек, взвесил его на ладони и сунул себе в карман. Его товарищ оглядел толпу и провозгласил:

– Черный Рольф оштрафован и наказан за предательство. Он посмел непочтительно отозваться о короле. Пусть это послужит всем уроком.

Стражники оставили его лежать в грязи на рыночной площади и продолжили обход. Один из них смотрел через плечо, когда они уходили, но никто не шевельнулся, пока стражники не завернули за угол. Тогда рынок медленно вернулся к жизни. Старая женщина убрала руку с моего плеча и снова стала торговаться с продавцом турнепса. Торговец начал подбирать уцелевшие яйца и измазанные желтком корзинки. Никто не смотрел на упавшего человека.

Некоторое время я стоял неподвижно, ожидая, когда пройдет ледяной холод, сковавший меня. Я хотел узнать, какое дело городским стражникам до песни пьяного, но никто не откликнулся на мой вопросительный взгляд. Внезапно я почувствовал, что мне ничего не нужно в Вороньем Горле. Я поправил тюк на плече и зашагал в сторону городской окраины. Но когда я подошел к стонущему человеку, его боль ударила меня. Чем ближе я подходил, тем отчетливее она становилась, почти так же, как если бы я все глубже и глубже совал руку в огонь. Он приподнял голову, чтобы посмотреть на меня. На его лице грязь смешалась с кровью. Я пытался уйти.

Помоги ему. Так мой разум обратил в слова сильнейший порыв, охвативший меня.

Я остановился, чуть не покачнувшись, как будто меня ударили ножом. Эта просьба шла не от Ночного Волка. Пьяный уперся рукой в землю и приподнялся. Его глаза встретились с моими в немой мольбе и отчаянии. Я видел такие глаза раньше. Это были глаза охваченного болью животного.

Может быть, мы поможем ему? – неуверенно спросил Ночной Волк.

Тише, предупредил я его.

Пожалуйста, помоги ему. Мольба становилась все более требовательной и сильной. *Древняя Кровь просит Древнюю Кровь.*

Голос в моей голове звучал все яснее, хотя говоривший по большей части пользовался не словами, а образами. Дар помогал мне понять их значение. Это был призыв исполнить долг перед кланом.

Разве они из нашей стаи? – с интересом спросил Ночной Волк. Я знал, что он чувствует мое смущение, и не ответил.

Черный Рольф умудрился опереться на вторую руку. Он встал на одно колено, потом молча протянул мне ладонь. Я схватил ее и медленно поставил его на ноги. Он слегка качался. Я держал его и позволил ему обрести равновесие, оперевшись на меня. Так же безмолвно я предложил ему свой дорожный посох. Он взял его, но не отпустил мою руку. Мы медленно покинули рыночную площадь. Пьяный тяжело опирался на меня. Слишком много людей с любопытством смотрели нам вслед. Когда мы шли по улицам, прохожие бросали на нас косые взгляды и тут же отводили глаза. Рольф ничего мне не говорил. Я ждал, что он покажет мне какое-нибудь направление, какой-нибудь дом, который он объявит своим, но он молчал.

Когда мы дошли до окраин, дорога поползла вниз, к берегу реки. Солнце играло серебром на воде, пробиваясь сквозь просветы в кронах. Речная отмель поднималась к заросшему травой берегу. Несколько женщин с корзинами мокрого белья как раз уходили. Пьяный слегка потянул меня за руку, обозначив тем самым, что хочет подойти к реке. Оказавшись там, Черный Рольф опустился на колени, потом наклонился вперед, чтобы погрузить в воду не только

лицо, но и всю голову и шею. Он выпрямился, потер лицо руками и снова сунул голову в воду. В следующий раз, поднявшись, он отряхнулся, как это делает мокрая собака, рассыпав брызги во все стороны. Потом сел на корточки и посмотрел на меня затуманенным взглядом.

– Я слишком много выпил, когда пришел в город, – сказал он глухо.

Я кивнул:

– Теперь все будет в порядке?

Он кивнул в ответ. Я видел, как он ошупывает языком распухшие десны и осколки зубов. Воспоминание о старой боли беспокойно зашевелилось во мне. Мне захотелось уйти от этого.

– Тогда удачи вам, – сказал я.

Я нагнулся, поднял свой сверток и пошел было прочь, однако укол Дара заставил меня быстро повернуть голову к лесу. Пень пошевелился, потом внезапно двинулся, оказавшись бурой медведицей. Она принюхалась, встала на все четыре лапы и медленно пошла к нам.

– Рольф, – сказал я тихо, начиная пятиться. – Рольф, здесь медведь.

– Она моя, – сказал он так же тихо, – не бойся.

Я стоял неподвижно, когда медведица, шаркая, вышла из леса и спустилась к реке. Подойдя к Рольфу, она издала низкий звук, странно похожий на мычание коровы, зовущей своего теленка. Потом потерлась о человека огромной головой. Он встал, опершись о ее плечи. Я чувствовал, как они общаются друг с другом, но не понимал их. Потом медведица подняла голову и посмотрела прямо на меня.

Древняя Кровь, узнала она.

У нее были маленькие, глубоко посаженные глаза. Когда она шла, солнечный свет серебрил ее блестящую шкуру. Они оба шли ко мне. Я не шевелился.

Когда они подошли совсем близко, она вздернула нос, плотно прижала ко мне морду и начала сильно втягивать воздух.

Брат мой? – окликнул меня Ночной Волк в некоторой тревоге.

Думаю, все в порядке.

Я едва смел дышать. Я никогда не стоял так близко к живому медведю. Ее голова была размером с бушельную корзину. Ее горячее дыхание у моей груди пахло речной рыбой. Через мгновение она отошла, пыхтя: ух, ух, ух – как бы обдумывая то, что вынюхала во мне. Она снова встала на задние лапы и набрала ртом воздуха, словно пытаясь распробовать мой запах. Медленно мотала головой из стороны в сторону, потом, по-видимому, приняла решение, снова опустилась на четыре лапы и отошла прочь.

– Пойдем, – отрывисто сказал Рольф, поманив меня за собой.

Они быстро пошли к лесу. Оглянувшись, он добавил:

– У нас есть еда, которой мы можем поделиться. Волку тоже будем рады.

Я последовал за ними.

Это разумно?

Я чувствовал, что Ночной Волк близко и что он, как может быстро, движется в мою сторону, скользя между деревьями вниз по холму.

Я хочу понять, кто они такие. Они такие же, как мы? Я никогда не разговаривал ни с кем подобным.

Насмешливое фырканье.

Тебя вырастил Сердце Стаи. Он больше похож на нас, чем эти. Я не уверен, что хотел бы подходить близко к медведю или к человеку, который разделяет разум с медведем.

Я хочу знать больше, настаивал я. Как она чувствует меня? Как она передает мне свои мысли?

Несмотря на любопытство, я держался достаточно далеко от этой странной пары. Человек и медведица косолапили впереди. Они пробирались сквозь ивовый лес вдоль реки, избегая дороги. В месте, где лес был особенно густым, они быстро пересекли дорогу. Я пошел за ними.

В более глубокой тени крупных деревьев мы вскоре нашли звериную тропу, идущую вдоль холма. Я ощутил Ночного Волка прежде, чем он возник рядом со мной. Он тяжело дышал. Мое сердце упало, когда я увидел, что он все еще ковыляет на трех лапах. Слишком часто ему приходилось терпеть боль из-за меня. Какое я имел право требовать этого от него?

Да все не так страшно.

Ему не нравилось идти вслед за мной, но тропа была слишком узкой для двоих. Я свернул с тропы и пошел вдоль нее, обходя стволы и ветки и пристально следя за нашими провожатыми. Ни один из нас не чувствовал себя свободно в присутствии медведицы. Один удар любой из ее лап мог искалечить или убить, а мой небольшой опыт общения с медведями отнюдь не говорил, что у них добрый нрав. Путешествие в потоке ее запаха заставило встать дыбом шерсть на загривке Ночного Волка, а мою кожу покрыться мурашками.

Наконец мы подошли к маленькой хижине, уютно приткнувшейся к склону холма. Она была сделана из стволов и камней и проконопачена землей и мхом. Крыша была засыпана торфом, на ней росла трава и даже небольшие кусты. Необычно широкая дверь была распахнута. Человек и медведица вошли. Поколебавшись немного, я осмелился заглянуть внутрь. Ночной Волк оставался сзади, шерсть у него на загривке все еще стояла дыбом.

Черный Рольф подошел к двери и посмотрел на нас.

– Входите и будьте как дома, – предложил он нам. Увидев, что я медлю, он добавил: – Древняя Кровь не обратится против Древней Крови.

Я медленно вошел. В центре комнаты стоял низкий дощатый стол и две скамейки. У очага из речного камня были два больших удобных кресла. Еще одна дверь вела в спальню. В хижине ощущался резкий земляной запах, как в медвежьей берлоге. В одном углу были разбросаны кости, на стенах виднелись следы когтей.

Женщина только что отложила метлу, которой подметала земляной пол. Она была в коричневом платье, и ее волосы прилегали к голове, как шляпка желудя. Она быстро повернулась ко мне и направила на меня немигающий взгляд карих глаз. Рольф сделал жест в мою сторону.

– Вот гости, о которых я тебе говорил, Холли, – заявил он.

– Благодарю вас за гостеприимство, – сказал я ей.

Хозяйка, казалось, обомлела от таких церемоний.

– Древняя Кровь всегда приветствует Древнюю Кровь, – проговорила она.

Я отвел глаза, чтобы встретить сверкающий черный взгляд Рольфа.

– Я никогда не слышал об этой Древней Крови раньше, – рискнул сказать я.

– Но ты знаешь, что это такое. – Он улыбнулся мне, и эта улыбка показалась мне медвежьей.

У него были медвежьи повадки: медленная походка, привычка покачивать головой из стороны в сторону и манера нагибать голову, чтобы рассмотреть что-то. Женщина за его спиной медленно кивала. Она подняла глаза и обменялась с кем-то взглядами. Я увидел маленького ястреба на поперечной балке. Его глаза впились в меня. Стропила были испачканы белыми следами его помета.

– Вы имеете в виду Дар?

– Нет. Так это называют те, кто ничего об этом не знает. Это имя заслужило презрение. Люди Древней Крови никогда не используют его.

Он повернулся к буфету, стоящему у стены, и начал доставать оттуда еду. Длинные толстые ломти копченого лосося; буханка хлеба, тяжелого от запеченных в него фруктов и орехов. Медведица поднялась на задние лапы, потом снова опустилась на все четыре, оценивающе пригнувшись. Она наклонила голову, взяла со стола рыбий бок, который в ее челюстях казался слишком маленьким, потопала в свой угол, повернулась к нам спиной и принялась за еду. Женщина молча села в кресло, откуда она могла наблюдать за всей комнатой. Когда я

посмотрел на нее, она улыбнулась и жестом пригласила меня к столу. Потом снова замерла, наблюдая за мной.

Рот мой наполнился слюной при виде еды. Прошло много дней с тех пор, как я ел досыта, а последние два дня вообще пришлось жить впроголодь. Тихий скулеж у дверей напомнил мне, что Ночному Волку ничуть не легче.

– Ни сыра, ни масла, – торжественно предупредил меня Черный Рольф. – Стражник забрал все деньги, которые я заработал, и я не успел ничего купить. Но у нас много рыбы, хлеба и меда. Бери все, что хочешь.

Почти непроизвольно я посмотрел на дверь.

– Вы оба, – пояснил он. – По законам Древней Крови с двумя обращаются как с одним. Всегда.

– Мы с Градом тоже приветствуем вас, – тихо добавила женщина. – Я Холли.

Я благодарно кивнул ей и потянулся к своему волку.

Ночной Волк? Ты войдешь?

Я подойду к двери.

Через мгновение серая тень скользнула к дверному проему. Я чувствовал, как он бродит снаружи, внюхиваясь в запахи этого места и снова и снова обнаруживая следы медведя. Он еще раз прошел к двери, быстро заглянул внутрь, потом сделал еще один обход хижины. Он нашел засыпанный листьями и землей скелет оленя. Это был типичный медвежий тайник, и мне не надо было предупреждать Ночного Волка, чтобы он не трогал кости. Наконец он вернулся и устроился перед дверью, наострив уши.

– Отнеси ему еду, если он не хочет входить внутрь, – сказал Рольф. – Никто из нас не считает, что наши товарищи должны преодолевать свои естественные инстинкты.

– Спасибо, – сказал я несколько скованно, потому что не понимал, как тут следует себя вести.

Я взял со стола ломоть лососины и бросил Ночному Волку, который ловко поймал рыбу. Мгновение он сидел и держал ее в зубах. Он не мог есть, оставаясь настороже, хотя длинные нити слюны свисали из его пасти.

Ешь, убеждал я его. Не думаю, что они хотят причинить нам какое-нибудь зло.

Долго упрашивать его не пришлось. Волк выпустил рыбу, прижал ее к земле передней лапой и оторвал большой кусок, который проглотил, почти не жуя. Его манера есть пробудила мой голод. Я отвел взгляд и обнаружил, что Черный Рольф отрезал мне толстый ломоть хлеба и намазал его медом. Потом он налил себе большую кружку медовухи. Моя уже стояла рядом с тарелкой.

– Ешь, не жди меня, – предложил он, и когда я посмотрел на женщину, она улыбнулась.

– Приятного аппетита, – сказала она тихо, подошла к столу, взяла для себя тарелку, но положила на нее только маленький кусочек рыбы и немного хлеба. Я чувствовал, что она делает это не для того, чтобы утолить собственный голод, а для того, чтобы не смущать меня. – На здоровье, – сказала она и добавила: – Мы ведь чувствуем ваш голод.

Она не присоединилась к нам за столом, а отнесла еду к креслу у очага. Я был слишком рад выполнить ее просьбу и ел немногим более пристойно, чем Ночной Волк. Он уже принялся за третий ломоть лососины, а я съел столько же кусков хлеба и взялся за рыбу, когда вспомнил о нашем хозяине. Рольф снова наполнил мою кружку медом и заметил:

– Как-то я попробовал завести козу. Для молока, сыра и всякого такого. Но она так и не смогла привыкнуть к Хильде. Бедолага так боялась, что у нее и молока-то не было. Поэтому мы пьем медовуху. С Хильдиным чутьем на мед, уж им-то мы можем себя обеспечить.

– Это замечательно, – проговорил я.

Я поставил уже наполовину осушенную кружку и вздохнул. Я еще не насытился, но самый острый голод уже прошел. Черный Рольф взял со стола еще один ломоть рыбы и небрежно

бросил его Хильде. Она поймала его лапами и челюстями, а потом отвернулась, чтобы продолжить трапезу. Другой кусок Рольф бросил Ночному Волку, потерявшему всю свою настороженность, – тот в прыжке поймал угощение, потом лег, зажав лососину передними лапами, и повернул голову, чтобы отгрызть плавники и проглотить их. Холли клевала свою еду, отрывая маленькие кусочки вяленой рыбы и аккуратно поднося их ко рту. Каждый раз, когда я смотрел в ее сторону, я видел, что ее острые карие глаза устремлены на меня. Покосившись на Хильду, я спросил Рольфа:

– Как это случилось, что вы связались с медведицей? – и добавил: – Если только спрашивать об этом не противоречит приличиям. Я никогда не разговаривал ни с кем, кто был бы связан с животным, по крайней мере ни с кем, кто открыто бы это признавал.

Он откинулся в кресле и сложил руки на животе.

– Я не признаю это открыто. Я думал, что ты, как Хильда и я, всегда чувствуешь человека Древней Крови. А что касается твоего вопроса... Моя мать была Древней Крови, и двое из ее детей наследовали это. Она, конечно, знала об этом и растила нас в соответствии с обычаями. Когда я достиг нужного возраста и стал мужчиной, я отправился в путешествие.

Я смотрел на него, не понимая. Он покачал головой и жалостливо улыбнулся:

– Я в одиночку отправился в мир, на поиски моего зверя. Некоторые ищут в городах, некоторые в лесах, кое-кто даже, как я слышал, отправляется в море. Но меня тянуло в лес. Так что я пошел туда, один, насторожив все свои чувства. Я постился, только пил холодную воду и жевал травы, которые помогают проявиться Древней Крови. И вот я нашел место, сел между корнями старого дерева и стал ждать. И в конце концов Хильда нашла меня. Мы испытали друг друга, нашли доверие, и что ж... вот мы здесь, а прошло уже семь лет. – Он посмотрел на Хильду с такой любовью, как будто говорил о жене или ребенке.

– Обдуманый поиск товарища по связи, – задумчиво проговорил я.

Думаю, что ты искал меня в тот день. И что я позвал тебя. Хотя в то время ни один из нас не знал, чего мы ищем, сказал Ночной Волк, взглянув по-новому на то, как я спас его от торговца животными.

Я так не думаю, с сожалением сказал я ему. *До этого я дважды был связан с собаками и слишком хорошо знал боль от потери такого товарища. Я не собирался больше связываться ни с кем.*

Рольф смотрел на меня с недоверием, почти с ужасом.

– Ты дважды был связан до волка? И потерял обоих товарищей? – Он покачал головой. – Ты слишком молод даже для одной связи.

Я пожал плечами:

– Я был ребенком, когда встретил Востроноса. Его отняли у меня – человек, который знал кое-что о Древней Крови, и не думал, что это полезно нам обоим. Позже я встретил Востроноса снова, но это было в конце его жизни. Другой щенок, с которым я был связан...

Рольф смотрел на меня с таким же отвращением, с каким Баррич смотрел, когда узнал, что я занимаюсь Даром. Холли молча покачала головой.

– Ты был связан, будучи ребенком? Прости меня, но это извращение. Это все равно что позволить маленькой девочке выйти замуж за взрослого мужчину. Ребенок не готов разделить жизнь взрослого животного. Все родители Древней Крови, которых я знаю, тщательнейшим образом защищают своих детей от таких контактов. – В его лице появилась жалость. – Представляю себе, как мучился связанный с тобой друг, когда его отняли у тебя. И все же тот, кто это сделал, поступил правильно, каковы бы ни были причины. – Он посмотрел на меня более пристально. – Я не понимаю, как ты выжил, ничего не зная об обычаях Древней Крови.

– Там, откуда я пришел, редко говорят об этом. Это называют Даром и считают постыдным.

– Даже твои родители так тебе говорили? Я прекрасно знаю, как люди относятся к Древней Крови и сколько лжи о ней рассказывают, но все-таки от собственных родителей такое редко можно услышать. Наши родители лелеют линии нашей крови и помогают нам находить супругов, когда приходит время, чтобы кровь не истощалась.

Я перевел глаза навстречу открытому взгляду Холли.

– Я не знал моих родителей. – Даже теперь эти слова нелегко дались мне. – Мать отдала меня в семью моего отца, когда мне было шесть лет. А отец решил не... Его не было рядом со мной. Тем не менее я подозреваю, что Древняя Кровь передалась мне от матери. Я ничего не помню о ней и о ее семье.

– С шести лет? И ты ничего не помнишь? Она, конечно, учила тебя чему-то, прежде чем дать тебе уйти. Она должна была дать тебе определенные знания, чтобы защитить тебя.

Я вздохнул:

– Я ничего о ней не помню. – Я давно уже устал от того, что все требуют от меня каких-то воспоминаний. Мне надоело слышать, что большинство людей помнят себя с гораздо более младшего возраста.

Черный Рольф издал низкий горловой звук, нечто среднее между рычанием и вздохом.

– Ну что ж, кто-то тебя учил.

– Нет. – Я сказал это без выражения, устав от спора. Я хотел закончить его и вернулся к прежней тактике, которую применял, когда хотел, чтобы люди перестали задавать вопросы. – Расскажи мне о себе, – попросил я его. – Чему твоя мать учила тебя и как.

Он улыбнулся, вокруг его черных глаз появились веселые морщинки, от которых глаза стали меньше.

– Ей потребовалось двадцать лет, чтобы научить меня. У тебя хватит времени, чтобы все это выслушать? – Встретив мой взгляд, он добавил: – Нет, я знаю, что ты спросил, просто чтобы сменить тему. Я могу предложить то, что, как я вижу, тебе нужно. Остайся ненадолго с нами. Мы научим вас тому, что вам обоим нужно знать. Вы не узнаете этого за час или за день. На это потребуются месяцы, возможно – годы.

Внезапно из своего угла тихим голосом заговорила Холли:

– Мы можем найти им пару. Может быть, он подойдет девочке Олли. Она немного старше, но она может поставить вас на ноги.

Рольф широко улыбнулся:

– Вот они, женщины. Знает тебя пять минут, а уже сватает.

Теперь Холли обращалась прямо ко мне. Ее улыбка была неширокой, но теплой.

– Вита связана с вороной. Вы будете отлично охотиться вместе. Оставайтесь с нами. Ты познакомишься с ней, и она тебе понравится. Древняя Кровь должна соединиться с Древней Кровью.

Вежливо откажись, немедленно потребовал Ночной Волк. Нет ничего хорошего в том, чтобы жить в логове среди людей. А если ты начнешь спать около медведей, от тебя будет вонять так, что мы никогда больше не сможем как следует охотиться. Кроме того, я не хочу делить нашу добычу с надоедливой вороной. Он помолчал. *А может, они знают самку, которая связана с волчицей?*

Черный Рольф улыбнулся. Я подозревал, что он лучше понимает, о чем мы говорим, чем хочет это показать, и сказал о своих подозрениях Ночному Волку.

– Это одна из тех вещей, которым я мог бы научить вас, если бы вы захотели остаться, – сказал Рольф. – Когда вы оба разговариваете друг с другом в присутствии кого-то Древней Крови, вы как будто стараетесь перекричать грохот телеги лудильщика. Нет никакой необходимости быть такими... широко открытыми. Ты же обращаешься только к одному волку, а не ко всему волчьему роду. Нет, даже еще хуже. Я сомневаюсь, что хоть одно существо, которое ест мясо, не знает о вас двоих. Скажи мне, когда последний раз ты встречал плотоядное животное?

Собаки гнались за мной несколько ночей назад, сказал Ночной Волк.

– Собаки всегда лают на своей территории, – заметил Черный Рольф. – Я имел в виду хищников.

– Не думаю, что видел их с тех пор, как мы связались, – неохотно признал я.

– Они будут избегать вас с тем же упорством, с каким «перекованные» преследуют вас, – спокойно сказал Черный Рольф.

Холод сковал меня.

– «Перекованные»? Но ведь у них, по-моему, вообще нет Дара. Я не чувствую их совсем, только вижу или чувую...

– Для чувств Древней Крови родственное тепло испускают все существа, кроме «перекованных», верно?

Я кивнул.

– Они потеряли его. Я не знаю, каким образом это произошло, но таково действие «перековки». И оно оставляет в них пустоту. Это хорошо известно Древней Крови, и мы знаем также, что с большей вероятностью они будут атаковать нас. Особенно если мы небрежно используем наши таланты. Почему это так – никто не знает. Может быть, только «перекованные», если они действительно «знают» хоть что-нибудь. Но это дает нам лишний повод быть осторожными в общении друг с другом.

– Вы предлагаете нам с Ночным Волком воздерживаться от использования Дара?

– Я предлагаю вам остаться здесь на некоторое время и научиться использовать способности Древней Крови. Иначе тебя будут подстерегать бои куда более серьезные, чем тот, который ты вел вчера.

Рольф позволил себе легкую улыбку.

– Я ничего не говорил вам об этом нападении, – сказал я тихо.

– А тебе и не надо было ничего говорить, – ответил он. – Я уверен, что вся Древняя Кровь на много лиг вокруг слышала тебя, когда ты сражался с ними. Пока вы оба не научитесь контролировать ваши разговоры, ничто из того, что происходит между вами, не будет настоящим личным. – Он помолчал, потом добавил: – Неужели тебе не казалось странным, что «перекованные» тратят время на волка, хотя они ничего не могут приобрести от такой атаки? Они нападают на него только потому, что он связан с тобой.

Я бросил на Ночного Волка быстрый извиняющийся взгляд.

– Благодарю вас за ваше предложение. Но мы должны кое-что сделать, и это не может ждать. Я думаю, что «перекованных» станет меньше, когда мы пойдем вглубь страны. Все будет хорошо.

– Это возможно. Тех, которые заходят так далеко внутрь страны, собирает король. Однако любой оставшийся потянется к тебе. Но даже если ты не встретишь больше «перекованных», то можешь встретить стражников короля. Они нынче интересуются Одаренными. В последнее время многих людей Древней Крови продали королю соседи или даже собственные семьи. Золото у него хорошее, и он не требует доказательств того, что люди действительно принадлежат Древней Крови. Уже много лет мы не подвергались столь сильным гонениям.

Я неловко отвел глаза, прекрасно зная, почему Регал так ненавидит владеющих Даром. Его круг Силы поддерживает его в этой ненависти. Мне стало плохо, когда я подумал о невинных людях, проданных Регалу, которым он мстит вместо меня. Я попытался скрыть свою ярость.

Хильда вернулась к столу, задумчиво оглядела его, потом схватила двумя лапами горшок с остатками меда, отошла в угол и стала тщательно вылизывать посудину. Холли продолжала наблюдать за мной. Я ничего не мог прочитать в ее глазах.

Черный Рольф почесал бороду и вздрогнул, нащупав пальцами болезненное место. На его лице появилось подобие грубоватой улыбки.

– Я понимаю твое желание убить короля Регала и ничего не имею против. Но, боюсь, это совсем не так легко, как ты воображаешь.

Я только посмотрел на него, но Ночной Волк тихо зарычал. Хильда подняла голову и рухнула на все четыре лапы. Горшок откатился в сторону. Черный Рольф посмотрел на нее, и она снова села, но уже не спускала с нас взгляда. Мало что в мире может сравниться с сердитым взглядом бурого медведя. Я замер. Холли выпрямилась в своем кресле, но оставалась спокойной. Над нами на стропилах Град хлопал крыльями.

– Если вы выкрикиваете все ваши планы и горести ночной луне, нечего удивляться тому, что их знает кто-то кроме вас, – усмехнулся Рольф. – Не думаю, что вы найдете многих людей Древней Крови, кто любит короля Регала. Вряд ли вы вообще таких встретите. На самом деле многие помогли бы тебе, если бы ты попросил их. И тем не менее такой план разумнее держать в секрете.

– Судя по песне, которую вы пели в городе, я бы заподозрил, что вы разделяете мои чувства, – сказал я тихо. – И благодарю вас за предупреждение. Но нам с Ночным Волком и раньше приходилось быть осмотрительными в наших разговорах. Теперь, когда мы знаем, что есть опасность быть подслушанными, полагаю, мы сможем этого избежать. Я задам вам один вопрос. Какое дело стражникам Вороньего Горла до того, что человек выпил и поет насмешливую песню о... короле? – Мне пришлось сделать усилие, чтобы произнести это слово.

– Никакого, если они живут в Вороньем Горле. Но теперь это не так, равно как и в других городах вдоль речной дороги. Это люди короля в форме городской стражи, хотя им платят из городской казны. Регал не пробыл королем и двух месяцев, когда издал указ об этом нововведении. Он утверждает, что законы будут лучше выполняться, если городские стражники будут приносить присягу королю. Что ж... Ты видишь, какие законы они выполняют. В основном отбирают все, что могут, у каждого бедного пьяницы, который наступит королю на мозоль. Тем не менее эти двое в Вороньем Горле не так плохи, как многие из тех, о ком я слышал. Говорят, что внизу, в Песчаной Излучине, карманники и воры прекрасно живут, если стража получает от них долю. А городские власти не могут уволить назначенных королем стражников. Кроме того, им не разрешается ставить в дозоры собственных людей.

Все это было слишком похоже на Регала. Я думал: каким одержимым он станет, достигнув полной власти? Приставит шпионов к шпионам? Или он уже это сделал? Это не обещало ничего хорошего Шести Герцогствам как единому королевству.

Черный Рольф прервал мои размышления:

– Теперь у меня есть вопрос, который я хочу задать тебе.

– Задавай, – сказал я, но не стал заранее решать, насколько прямо я на него отвечу.

– Прошлой ночью... после того как ты покончил с «перекованными», кто-то другой напал на тебя. Я не мог понять кто – только то, что твой волк защитил тебя и ты каким-то образом ушел... куда-то. Ты бросил силу волка в канал, которого я не понял и куда не мог последовать за вами. Я знаю только, что вы победили. Что это было за существо?

– Прислужник короля, – рискнул я.

Мне не хотелось отказывать ему в ответе, а такое объяснение казалось вполне безвредным.

– Ты сражался тем, что они называют Силой, верно? – Его глаза впились в мои. Я не ответил, но он продолжал: – Многие из нас хотели бы знать, как это было сделано. Издавна наделенные Силой преследовали нас как заразу. Никто из Древней Крови не может сказать, что его семья не пострадала от их рук. Теперь это началось снова. Если есть какая-то возможность использовать таланты Древней Крови против тех, кто владеет Силой Видящих, это знание будет многого стоить для нас.

Холли вышла из своего угла, встала за спинку кресла Рольфа и посмотрела на меня. Я чувствовал, как важен для них мой ответ.

– Я не могу научить вас этому, – сказал я честно.

Он не отпуская моего взгляда, его недоверие было очевидно.

– За сегодняшний день я дважды предлагал научить тебя тому, что я знаю о Древней Крови, чтобы открыть для тебя все двери, которые закрыты из-за твоего невежества. Ты отказался, но, видит Эда, я предлагал, и по доброй воле. И ты говоришь, что не можешь научить меня тому единственному, о чем я просил и что может спасти жизни многих людей?

Я перевел взгляд на Хильду. Ее глаза снова стали блестящими и ясными. Черный Рольф, вероятно, не знал, насколько его поза повторяет позу его медведицы. Они оба оценивали расстояние до двери, а Ночной Волк уже встал на ноги и готов был бежать. Холли за спиной Рольфа склонила голову и посмотрела на меня. Ястреб под потолком следил за нами острыми желтыми глазами. Я вынудил себя расслабиться, чтобы казаться спокойнее, чем на самом деле себя чувствовал. Этому я научился у Баррича – он всегда вел себя так в обществе встревоженных животных.

– Я говорю вам правду, – сказал я осторожно. – Я не могу научить вас тому, чего сам как следует не понимаю.

Я удержался и не сказал им, что во мне самом тоже течет презренная кровь Видящих. Теперь я был уверен в том, о чем раньше только подозревал. Дар может быть использован, чтобы атаковать владеющего Силой, только если между ними открыт канал Силы. Даже если бы я мог описать то, что делали мы с Ночным Волком, никто другой не смог бы скопировать это. Чтобы сражаться с Силой при помощи Дара, человек должен обладать и той и другой магией. Я спокойно встретил взгляд Черного Рольфа, зная, что сказал ему правду.

Он медленно расслабил напряженные плечи, Хильда опустила на четыре лапы и пошла вынюхивать остатки меда.

– Может быть, – упрямо сказал он, – может быть, если бы ты остался с нами и научился всему, что я могу дать тебе, ты бы начал понимать, что ты делаешь. И тогда ты смог бы научить этому меня. Как ты думаешь?

Я старался, чтобы мой голос звучал спокойно и ровно.

– Ты видел, как один из прислужников короля атаковал меня прошлой ночью. Неужели ты думаешь, они позволят мне остаться здесь и научиться тому, что я могу использовать против них? Нет. Мой единственный шанс – это захватить их в их собственном логове до того, как они придут искать меня. – Я помедлил, потом сказал: – Я не могу научить тебя тому, что я делаю, но можешь быть уверен, мое умение послужит против врагов Древней Крови.

Этот довод он наконец смог принять. Несколько раз он задумчиво шмыгнул носом, и я с неловкостью подумал, столько ли у меня волчьих повадок, сколько у Рольфа медвежьих, а у Холли ястребиных.

– Но хоть на ночь ты у нас останешься? – спросил он внезапно.

– Нам лучше путешествовать по ночам, – сказал я с сожалением. – Так удобнее нам обоим.

Он рассудительно кивнул:

– Хорошо. Желаю тебе счастливого пути и всяческой удачи. Если хочешь, можешь отдохнуть здесь в безопасности, пока не взойдет луна.

Я посоветовался с Ночным Волком, и мы с благодарностью приняли это предложение. Я осмотрел рану на плече Ночного Волка и смазал ее мазью Баррича, после чего мы растянулись в тени снаружи и отдохнули. Нам обоим было полезно полностью расслабиться, зная, что нас хорошо охраняют. Так безмятежно мы не спали с тех пор, как отправились в наше путешествие.

Когда мы проснулись, я обнаружил, что Черный Рольф уложил рыбу, мед и хлеб, чтобы мы могли взять все это с собой. Ястреба не было ни видно ни слышно. Я подумал, что он улетел, чтобы устроиться где-нибудь на ночь. Холли стояла в тени дома, сонно глядя на нас.

– Идите осторожно, идите медленно, – посоветовал Рольф после того, как мы сложили его подарки. – Идите путями, которые Эда откроет для вас.

Он помолчал, как бы ожидая ответа. Я почувствовал, что тут какой-то обычай, с которым я не знаком. Я просто сказал:

– Счастливо оставаться.

Он кивнул в ответ и медленно произнес:

– Знаешь, а ты ведь вернешься.

Я покачал головой:

– Я в этом сомневаюсь. Но мы благодарны тебе за все, что ты дал нам.

– Нет. Я знаю, что ты вернешься. И дело не в том, хочется тебе этого или нет. Ты обнаружишь, что тебе нужны наши знания. Ты не такой, как обычные люди. Они думают, что имеют право на всех живых тварей – охотиться на них, есть их мясо, подчинять их себе или управлять их жизнями. Ты знаешь, что у тебя нет такого права. Лошадь, которая везет тебя, будет делать это потому, что она так хочет, так же как волк, который охотится с тобой. У тебя более глубокое ощущение себя в мире. Ты веришь, что должен не править им, но быть его частью. Хищник или добыча – никакого позора в том, чтобы быть тем или другим. Когда пройдет время, ты обнаружишь, что у тебя есть очень важные вопросы. Что ты должен сделать, если твой друг захочет убежать со стаей настоящих волков? Уверяю тебя, что это случится. Что ему делать, если ты женишься и у тебя будет ребенок? Когда одному из вас придет время умереть, а таков путь всех нас, как оставшемуся справиться с болью и начать жить одному? В свое время ты ощутишь тоску по существам своего рода. Ты захочешь знать, как чувствовать их и как искать их. На все эти вопросы есть ответы – ответы Древней Крови, которые я не смогу дать тебе за один день и которые ты не сможешь понять за неделю. Тебе нужны эти ответы. И ты вернешься за ними.

Я смотрел вниз, на затоптанную землю лесной тропы. Я потерял всю уверенность в том, что не вернусь к Рольфу.

Холли заговорила из темноты тихо, но отчетливо:

– Я верю в то, что ты собираешься сделать. Я желаю тебе удачи и помогу, если сумею. – Она посмотрела на Рольфа, как будто это был вопрос, который они обсуждали, но не смогли прийти к соглашению. – Если будет нужда, позови, как ты зовешь Ночного Волка. Попроси, чтобы все из Древней Крови, кто услышит тебя, дали бы знать Холли и Граду из Вороньего Горла. Кто-то может помочь тебе. Даже если они этого не сделают, то передадут весть мне, а я приду к тебе на помощь.

Рольф внезапно шумно выдохнул.

– Мы сделаем что сможем, – поправил он ее, – однако с твоей стороны было бы разумнее остаться здесь и узнать, как лучше защитить себя.

Я кивнул в ответ на его слова, но про себя решил, что не буду втягивать никого из них в мою месть Регалу. Когда я бросил взгляд на Рольфа, он кисло улыбнулся мне и пожал плечами:

– Тогда будьте осторожны, вы оба. Раньше, чем взойдет луна, вы оставите Бакк позади и будете в Фарроу. Если ты считаешь, что король Регал слишком прижал нас здесь, подожди, пока доберешься туда, где люди считают, что он имеет на это право.

Я мрачно кивнул, и мы с Ночным Волком снова пустились в путь.

Глава 7 Фарроу

Леди Пейшенс, Госпожа Оленьего замка, как ее стали называть, пришла к власти совершенно уникальным путем. Она родилась в знатной семье и была леди по рождению. Благодаря своему стремительному браку с будущим королем Чивэлом она поднялась до высочайшего положения будущей королевы, но никогда никоим образом не отстаивала права на власть, которые дали ей происхождение и брак. Только оставшись в одиночестве, всеми покинутая, эксцентричная леди Пейшенс из Оленьего замка взяла бразды правления в свои руки. Она сделала это, как делала все в своей жизни, – совершенно необычным способом, воспользоваться которым не смогла бы никакая другая женщина.

Она не опиралась на связи со знатными семействами и не использовала статус своего умершего мужа. Вместо этого она начала с самого нижнего яруса власти, замковой стражи, в которой состояли в основном женщины. Эти крайне немногочисленные остатки гвардии короля Шрюда и королевы Кетриккен оказались в странном положении стражников, которым нечего охранять. Гвардейцы Оленьего замка были оттеснены от исполнения своих обязанностей личными войсками лорда Брайта из Фарроу и приставлены к менее важным занятиям, в которые входили уборка и обслуживание замка. Бывшим королевским солдатам часто задерживали жалование, они потеряли уважение к самим себе и слишком часто бездельничали или были заняты черной работой. И леди Пейшенс, по-видимому, просто для того, чтобы их чем-то занять, стала требовать услуг стражников. Она снова стала выезжать на своей старой кобыле Шелковинке и просила стражников сопровождать ее. Послеобеденные прогулки постепенно удлинялись и превратились в ежедневные посещения поселков и городов, которые уже подверглись набегам либо только опасались их. Со временем эти посещения стали затягиваться на целые сутки. В ограбленных поселках леди Пейшенс и ее служанка Лейси делали все возможное для раненых, вели списки убитых или «перекованных» и предоставляли сильные спины стражников, чтобы расчищать завалы на улицах и возводить временные убежища для людей, оставшихся без крова. Хотя в обязанности стражников Оленьего замка это и не входило, но стараниями леди Пейшенс они вспомнили, за что их учили сражаться и что происходит, когда у народа нет настоящих защитников. Благодарность людей, которым они помогли, заставила гвардейцев вновь ощутить себя достойными людьми и сплотила их. В тех поселениях, на которые еще не напали пираты, появление отряда было маленькой демонстрацией того, что Олений замок и гордость Видящих все еще существуют. В таких городках и поселках возводились самодельные укрепления, куда люди могли отступить во время набега, чтобы получить хотя бы маленький шанс защититься себя.

Нет никаких свидетельств того, что думал лорд Брайт относительно деятельности леди Пейшенс, которая никогда не обращалась к нему за официальным разрешением на эти экспедиции. Она ездила для собственного удовольствия, стражники сопровождали ее добровольно и добровольно же делали все, о чем она просила их в поселках. По мере того как доверие между леди Пейшенс и стражниками крепло, некоторые стали исполнять для нее «поручения». Такое поручение могло состоять в доставке посланий в замки Риппона, Бернса и даже Шокса или в сборе новостей о том, как снабжаются прибрежные города и что происходит в Бакке. Ее гонцы пробирались через оккупированные территории, подвергаясь серьезной опасности. Часто им надлежало вручить адресатам личный знак леди Пейшенс – ветку плюща, который она весь год выращивала в своих комнатах. О так называемых «гонцах плюща» сложено несколько баллад, рассказывающих об их храбрости и находчивости и напоминающих о том, что даже самые высокие и крепкие стены в конце концов сдаются всепобеждающему

плющу. Может быть, самым известным стал подвиг Пенси, самой юной посланницы Пейшенс. В возрасте одиннадцати лет она прошла весь путь до ледяных пещер, в которых скрывалась герцогиня Бернса, чтобы принести ей сообщение о том, где и когда причалят корабли с припасами. Часть этого пути Пенси проехала в пиратском фургоне, груженном мешками с зерном. Она бежала из самого сердца лагеря пиратов, а перед этим подожгла палатку их вождя, чтобы отомстить за своих «перекованных» родителей. Пенси не дождала до тринадцати лет, но подвиги ее будут помнить долго.

Другие гвардейцы помогли Пейшенс продавать ее драгоценности и родовые земли. Полученные деньги она потом использовала «как ей вздумается, потому что это ее право» – так она однажды сказала лорду Брайту. Она покупала зерно и овец во внутренних землях, и ее добровольцы следили за погрузкой и распределением этих запасов. Корабли с провиантом давали надежду защитникам прибрежных городов. Пейшенс расплачивалась подарками с каменщиками и плотниками, которые помогали восстанавливать разрушенные поселки. И она платила – немного, но с искренней благодарностью – тем стражникам, которые вызывались помочь ей.

К этому времени знак плюща вошел в обиход стражи Оленьего замка, и таким образом то, что уже являлось неоспоримым фактом, стало общеизвестным. Эти мужчины и женщины были гвардией леди Пейшенс, которая платила им, если у нее находились деньги, и которая, что было гораздо важнее для них, ценила их, опиралась на них, лечила, если они бывали ранены, и защищала своим острым языком от всякого, кто отзывался о них неуважительно. Такова была основа ее влияния и силы, которую она в результате обрела. «Башни редко крошатся снизу вверх», – часто говорила она, уверяя, что это изречение принадлежит принцу Чивэлу.

Мы хорошо выпались, и желудки наши были полны. У нас не было необходимости охотиться, и мы шли всю ночь, держась в стороне от дороги, и были гораздо более осторожны, чем прежде, так что не встретили никаких «перекованных». Огромная белая луна освещала наш путь. Мы двигались как единое существо, вбирая в себя все запахи и звуки. Ледяная решимость, охватившая меня, передалась и Ночному Волку. Я перестал беспечно трубить ему о своих намерениях, но мы могли думать о них как бы между прочим. Это был совсем другой охотничий азарт, вызванный совсем другим голодом. В ту ночь мы прошли мили под пристальным взглядом луны.

В этом была солдатская логика, стратегия, которую одобрил бы Верити. Уилл знал, что я жив. Но сообщит ли он об этом остальным членам круга и даже Регалу? Я подозревал, что он жаждет высосать мою Силу, как Джастин и Сирен высосали Силу короля Шрюда. Мне казалось, что в этом они находят какое-то извращенное удовольствие и Уилл хочет смаковать его в одиночку. Я был почти уверен, что он будет искать меня и найдет, где бы я ни прятался. Он знал также, что я боюсь его, однако, скорее всего, не ждал, что я выйду прямо на него с целью убить не только его самого и весь круг Силы, но и Регала. Мой быстрый проход к Тредфорду, вероятно, был лучшей стратегией.

О Фарроу говорят, что земля этого герцогства настолько же гостеприимна, насколько скалисты и лесисты берега Бакка. Рассвет застал нас в лесу незнакомого нам типа, более светлом и разнообразном, чем те, к которым мы привыкли. Мы легли отдохнуть в березовой роще на небольшом холме, выходящем на открытое пастбище. В первый раз со времени битвы с «перекованными» я снял рубашку и осмотрел плечо, по которому пришелся удар дубиной. Оно было черно-синего цвета и болело, если я слишком высоко поднимал руку, но и только. Ерунда. Три года назад я считал бы это серьезным ранением. Я обмыл бы место ушиба холодной водой и наложил повязку с травяной мазью, чтобы ускорить выздоровление. Теперь, хотя все

мое плечо было лиловым и я чувствовал боль, когда шевелился, это был всего лишь синяк. Он заживет и так. Я кисло улыбнулся сам себе, натягивая рубашку.

Ночной Волк был не так спокоен, когда я осматривал рану на его плече. Она начинала закрываться. Когда я убрал шерсть с краев раны, он внезапно повернулся и схватил зубами мое запястье. Не грубо, но твердо.

Оставь в покое. Оно заживет само.

Там грязь.

Он понюхал и задумчиво лизнул.

Не так уж много.

Дай мне осмотреть ее.

Ты не умеешь просто смотреть. Ты тычешь.

Тогда сиди смирно и дай мне потыкать.

Он согласился, но неохотно. К ране присохли кусочки травы, и их надо было вытащить. Несколько раз Ночной Волк хватал меня за пальцы. Наконец он зарычал на меня, давая мне знать, что с него хватит. Я не был удовлетворен. Он едва вытерпел, когда я положил на рану немного мази Баррича.

Ты слишком беспокоишься о таких вещах, сообщил он мне раздраженно.

Я ненавижу, когда ты бываешь ранен из-за меня. Это неправильно. Это не та жизнь, которую должен вести волк. Ты не должен быть один и бродить с места на место. Ты должен быть со стаей, охотиться на своей территории, когда-нибудь найти самку.

Когда-нибудь – это только когда-нибудь, и оно либо будет, либо нет. Это дело человека – беспокоиться о вещах, которые могут еще не случиться. Нельзя съесть мясо, пока не убьешь добычу. Кроме того, я не один. Мы вместе.

Это верно. Мы вместе.

Я лег рядом с Ночным Волком.

Мне сразу вспомнилась Молли, но я решительно выкинул мысли о ней из головы и попытался заснуть. Бесполезно. Я беспокойно метался до тех пор, пока Ночной Волк не зарычал. Он встал, отошел от меня и снова лег. Я посидел некоторое время, глядя вниз, на заросшую лесом долину. Я знал, что близок к глупому решению. Оно было бессмысленным и опрометчивым, но я упорно отказывался думать об этом. Я набрал в грудь воздуха, закрыл глаза и стал искать Молли.

Я боялся, что найду ее в объятиях другого. Боялся, что услышу, как она говорит обо мне с презрением. Но я не смог найти ее вообще. Снова и снова я концентрировался, собирал всю свою энергию и тянулся к ней. Наконец я был вознагражден появлением образа Баррича, который чинил крышу дома. Он был без рубашки, и солнце обожгло его до цвета полированного красного дерева. Его лицо блестело от пота. Он посмотрел на кого-то внизу и раздраженно нахмурился.

– Я знаю, моя леди. Ты можешь сделать это сама, спасибо тебе большое. У меня хватит забот без того, чтобы выхаживать вас обоих, после того как вы свалитесь отсюда.

В какой-то момент я начал задыхаться и снова чувствовать собственное тело. Я оттолкнулся от него и снова потянулся к Барричу. По крайней мере, я дам ему знать, что еще жив. Мне удалось найти его, но туман застилал мне глаза. Баррич, позвал я его. Баррич, это Фитц! Но его сознание было закрыто и заперто от меня. Я не мог поймать даже проблеска его мыслей. Я проклинал свою неуверенную Силу и снова попытался пробиться сквозь бурлящие облака.

Передо мной стоял Верити. Руки его были скрещены на груди, он качал головой. Голос его был не громче шепота ветра, и он стоял так неподвижно, что я едва мог разглядеть его. Тем не менее я чувствовал, что он выложился до предела, чтобы достичь меня.

Не делай этого, мальчик, сказал он тихо. *Это только причинит тебе боль.*

Я внезапно оказался в другом месте. Верити прислонялся спиной к глыбе черного камня, лицо его было в морщинах от усталости. Он тер виски, как будто у него болела голова.

Мне тоже не стоило этого делать. Но иногда так нужно... Не обращай внимания. Во всяком случае, запомни. О некоторых вещах лучше не знать, а риск при работе Силой сейчас слишком велик. Если я могу чувствовать и находить тебя, это может и другой. Он нападет на тебя всеми возможными способами. Не привлекай его внимание к своим замыслам. Он не задумываясь использует их против тебя. Откажись от них, чтобы защитить их. Он внезапно перестал казаться таким уж обессиленным и горько улыбнулся. Я знаю, каково это – поступить так. Отказаться от них для их же безопасности. Так сделал твой отец. У тебя хватит духу на это. Откажись от них, мальчик. Просто приходи ко мне. Если ты еще не передумал. Приходи, и я покажу тебе, что можно сделать.

Я проснулся в полдень. От яркого солнца, падавшего мне на лицо, у меня разболелась голова и появилась легкая дрожь. Я разжег костер, намереваясь заварить немного чая из эльфийской коры, чтобы успокоиться, и использовал только маленький кусочек коры и немного крапивы. Собираясь в путь, я не думал, что кора будет нужна мне так часто, и ее приходилось экономить. Она понадобится мне после того, как я встречу с кругом Регала. Последняя мысль обнадеживала.

Ночной Волк открыл глаза, посмотрел на меня, потом снова задремал. Я сидел, потягивая горький чай, и осматривался. Этот странный сон вызвал во мне тоску по тому времени, когда я был кому-то нужен. Все это я оставил позади. Но не совсем. Я сел рядом с Ночным Волком и положил руку на его спину. Он дернулся от прикосновения и проворчал:

Иди спать.

Ты все, что у меня есть, поведал я, полный тоски и сожалений.

Он лениво зевнул.

И все, что тебе нужно. А теперь иди спать. Сон – это серьезно, сообщил он мрачно.

Я улыбнулся и снова растянулся рядом со своим волком, положив одну руку ему на бок. Он излучал простое удовлетворение от полного желудка и долгого сна на теплом солнце. И был прав. К таким вещам следует относиться серьезно. Я закрыл глаза и остаток дня проспал без сновидений.

В дни и ночи, которые последовали за этим, мы шли по редким лесам, перемежавшимся широкими лугами. Вокруг городов простирались фруктовые сады и засаженные поля. Когда-то, очень давно, я проезжал через Фарроу. Тогда я был с караваном и мы пересекали страну, а не следовали течению реки. Я был молодым профессиональным убийцей, и впереди меня ждало выполнение важного поручения. То путешествие закончилось первым предательством Регала и моим первым испытанием. Я едва выжил. Теперь я снова шел через Фарроу, и в конце путешествия меня снова ожидало убийство. Но на этот раз я ехал один вверх по реке; человек, которого я собирался убить, был моим дядей, и убить я его решил по собственному желанию. Я находил в этом глубокое удовлетворение. В другое время это бы меня испугало.

Я сдержал обещание, данное самому себе, и усердно избегал человеческого общества. Мы тенью скользили по дороге и вдоль реки, но когда на нашем пути попадались города, мы обходили их стороной. Это было труднее, чем можно было бы вообразить в такой равнинной стране. Одно дело обогнуть поселок в Бакке, где все дома теснятся в излучине реки и окружены глухим лесом. Другое – пересекать засеянные поля и фруктовые сады, не привлекая внимания собак. Их я до некоторой степени мог успокоить, сообщив, что мы никому не хотим зла, – если эти собаки были доверчивы. Но большинство фермерских псов настолько не выносят волков, что их не могут успокоить никакие уговоры. Более взрослые собаки склонны с подозрением относиться к любому человеку, странствующему в компании с волком. Нам не раз приходилось спасаться бегством. Благодаря Дару я мог говорить с животными, но это еще не означало, что меня будут слушать и мне поверят. Собаки не глупы.

Охотиться на здешних открытых пространствах тоже стало труднее. Мелкое зверье пряталось в норах, а более крупное просто убегало от нас. Охота отнимала много времени, задерживая наше продвижение вперед, к цели. Иногда я находил неохраняемые курятники и тихо проскальзывал в них, чтобы вытащить из-под спящих птиц яйца. Я также не стеснялся таскать из садов, мимо которых мы проходили, сливы и вишни. Самой удачной нашей добычей был глупый молодой харагар, представитель породы диких свиней, которых некоторые кочевые племена разводят как мясной скот. Откуда забрел этот экземпляр – мы не спрашивали. Мы просто прикончили его клыками и мечом. В эту ночь я позволил Ночному Волку наесться до отвала, а потом вызвал его раздражение, срезав остатки мяса и закоптив их над огнем. Потребовалась большая часть дня, чтобы жирное мясо как следует высохло, но благодаря ему в последующие дни мы путешествовали гораздо быстрее. Когда дичь появлялась, мы охотились и убивали, но если ее не было, обходились копченой кабаниной.

Таким образом мы шли вдоль Оленьей реки на северо-запад. Когда мы приблизились к Турлейку, крупному торговому городу у озера Тур, мы далеко обошли его и некоторое время ориентировались только по звездам. Это гораздо больше нравилось Ночному Волку, поскольку мы шли через пространство, в это время года покрытое густыми высокими травами. Часто мы видели вдали стада крупного скота, овец или коз, реже – харагаров. Мои контакты с кочевыми племенами, которые следовали за этими стадами, сводились к наблюдению за тем, как они скачут на лошадях или разводят небольшие костры.

В эти ночи долгих переходов мы снова были волками. Я успокаивал себя тем, что, пока я помню об этом, такой образ жизни не приносит мне особого вреда. На самом деле, возможно, это было даже к лучшему. Путешествовать в компании человека было бы гораздо сложнее. Мы бы обсуждали дорогу, запасы и тактику, которую нам надо будет избрать, когда мы придем в Тредфорд... Но с волком мы просто трусили вперед ночь за ночью, и наше существование было таким простым, какой только может быть жизнь. Товарищество наше все крепло.

Слова Черного Рольфа запали мне в душу и давали много пищи для размышлений. В некотором роде я принимал Ночного Волка и связь между нами как нечто само собой разумеющееся. Когда-то он был щенком, а теперь стал мне ровней. И другом. Некоторые говорят «собака» или «лошадь», как будто все они похожи друг на друга. Я слышал, как человек называл кобылу, которая прожила у него семь лет, «оно», словно говорил о кресле. Я никогда этого не понимал. Не надо обладать Даром, чтобы чувствовать, что дружба с животным может быть совершенно такой же полной и крепкой, как дружба между мужчиной и женщиной. Востронос был веселым, дружелюбным и любопытным щенком, когда был со мной. Кузнечик рос ершистым драчуном, склонным задирать всякого, кто готов был ему уступить, и у него было грубоватое чувство юмора. Ночной Волк не был похож на них, так же как он не был похож на Баррича или Чейда. Я не проявлю неуважения ни к одному из них, если скажу, что волк был мне ближе.

Он не умел считать. Зато я не мог прочесть в воздухе след оленя и сказать, самец это или самка. Он не мог планировать вперед дальше чем до послезавтра, а я не был способен к его свирепой концентрации во время выслеживания добычи. Мы были разные, но никто из нас не искал превосходства. Никто не пытался командовать другим и не ожидал безоговорочного подчинения. Мои руки очень подходили для того, чтобы вытаскивать из волчьей шкуры клещей и иглы дикобраза, а также чтобы чесать зудящие, но недостижимые места на спине. Мой рост давал мне некоторое преимущество при осмотре местности. Так что даже когда Ночной Волк жалел меня за «коровьи зубы», плохое зрение по ночам и нос, который он называл бесполезным бугром между глазами, он все равно не смотрел на меня сверху вниз. Мы оба знали, что пропитанием мы по большей части обязаны его охотничьим подвигам. Тем не менее он всегда оставлял мне такую же долю, какую съедал сам.

Найдите-ка нечто подобное в каком-нибудь человеке, если сможете.

– Сидеть, пес, – шутливо сказал я ему однажды.

Я снимал шкуру с дикобраза, которого убил дубинкой, после того как Ночной Волк настоял на том, что его необходимо поймать. В своем нетерпении добраться до мяса он был готов утыкать нас обоих иглами. Он уселся снова, его ляжки нетерпеливо дрожали.

Почему люди так говорят? – спросил он меня, когда я осторожно потянул за край колючей шкуры.

– Как?

Приказывают. Что дает человеку право приказывать собаке, если они не стая?

– Некоторые стая или почти стая, – задумчиво сказал я вслух.

Я натянул шкуру, держа ее за лоскут шерсти с живота, в котором не было иголок, и разрезал. Кожа затрещала, отделяясь от жирного мяса.

– Некоторые люди думают, что у них есть на это право, – продолжил я через мгновение.

Почему? – настаивал Ночной Волк.

Меня удивило, что я никогда не задумывался над этим раньше.

– Некоторые люди думают, что они лучше, чем животные, – медленно проговорил я. – Думают, что обладают правами использовать их и командовать ими, как только они пожелают.

Ты думаешь так же?

Я ответил не сразу, ведя клинок вдоль линии между кожей и жиром и постоянно натягивая шкуру. Я ведь ездил верхом, когда у меня была лошадь, верно? Потому ли, что я считал себя лучше лошади, которую подчинял своей воле? Я использовал собак, чтобы они охотились для меня, и при случае ястребов. Какое я имел право приказывать им? И вот я сижу здесь и сдираю с дикобраза шкуру, чтобы съесть его. Я медленно заговорил:

– Разве мы лучше этого дикобраза? Или дело только в том, что сегодня мы одолели его?

Ночной Волк склонил голову набок, следя, как мой нож и руки очищают для него мясо.

Я думаю, что я всегда умнее дикобраза. Но не лучше. Может быть, мы убиваем его и едим, потому что мы можем. И тут он томно вытянул перед собой передние лапы. *Точно так же, как хорошо обученный человек очищает для меня одну из этих колючих тварей, чтобы я сполна насладился едой.*

Он свесил на сторону язык, глядя на меня, и мы оба знали, что это всего лишь часть ответа на вопрос. Я провел ножом вдоль хребтины зверька, и кожа наконец была снята.

– Я должен развести огонь и приготовить часть этого жира, прежде чем есть его, – сказал я задумчиво. – Иначе я заболею.

Только отдай мне мою долю и делай что хочешь со своей, великодушно разрешил мне Ночной Волк.

Я отрезал задние ноги – для меня этого было более чем достаточно. Я положил их на изнанку шкуры, а Ночной Волк уже утащил свою долю и приступил к трапезе. Пока он хрумкал костями, я развел небольшой костер и стал жарить ноги.

– Не думаю, что я лучше, чем ты, – сказал я тихо. – На самом деле я вообще не думаю, что лучше какого-нибудь животного. Хотя, как ты сказал, я умнее некоторых из них.

Может быть, дикобраза, заметил он милостиво. *Но волка? Думаю, нет.*

Мы научились понимать все нюансы поведения друг друга. Иногда мы были свирепы ловки во время охоты, находя тончайшее удовольствие в выслеживании и убийстве, напряженно и угрожающе двигаясь сквозь мир. В другое время мы возились, как щенки, сталкивая друг друга с проторенной дороги через кусты и распугивая добычу, даже не успев увидеть ее. Иногда мы лежали, подремывая, прежде чем подняться, чтобы поохотиться, а после пуститься в путь. Солнце грело наши животы или спины, сонно жужжали насекомые. Потом огромный волк мог перекатиться на спину, как щенок, умоляя меня почесать ему живот, проверить уши на предмет блох или клещей или просто почесать горло и шею. Холодными туманными утрами мы сворачивались в клубки, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться перед тем, как уснуть. Иногда меня будил грубый толчок холодного носа, а когда я пытался сесть,

то обнаруживал, что он нарочно встал на мои волосы, пришпилив голову к земле. В другой раз я мог проснуться в одиночестве и увидеть, что Ночной Волк сидит на некотором расстоянии и обозревает окрестности. Я вспоминаю, как он сидел так и его силуэт вырисовывался на фоне заката. Легкий вечерний ветер трепал его шерсть, уши были направлены вперед, взгляд устремлен вдаль. Я ощущал в нем одиночество, которого не мог излечить. Это обижало меня, и я предпочитал не затрагивать эту тему. В некотором роде для него я был не лучше волка.

После того как мы обошли озеро Тур и города на его берегах, мы снова повернули на север и вышли к Винной реке. Она отличалась от Оленьей реки, как корова от жеребца. Серая и спокойная, она скользила через плоские поля, медленно двигаясь по своему широкому, выстланному галькой руслу. На нашей стороне реки была дорога, которая шла более или менее параллельно реке. По ней двигались по большей части стада коз и овец. Мы всегда слышали, что подходит пастух или стадо, и легко избегали их. Винная река была не такой судоходной, как Оленья, потому что была мельче, а по краям встречались песчаные отмели, но лодки по ней плавали. Вдоль Винной реки тянулась широкая дорога и часто встречались поселки или даже города. Мы видели, как мулы тянут вверх по реке баржи; я решил, что таким способом суда приходится переводить через мели. Селения на нашей стороне реки, по-видимому, ограничивались деревушками у переправ и редкими торговыми местами кочевых пастухов. Там можно было найти трактир, горстку магазинов и пару домов, цепляющихся за опушку леса. Мы с Ночным Волком избегали их. Те немногие селения, которые мы встречали на нашем берегу, в это время года пустовали.

Кочевые пастухи, в более теплые месяцы обитающие в разномастных шатрах и палатках, пасли свои стада на центральных равнинах, степенно двигаясь от колодца к колодцу через богатые пастбища. Улицы деревень и стены сложенных из дерна домов поросли травой. В этих заброшенных селениях был мир и покой, и все-таки эта пустота напоминала мне о поселках, разграбленных пиратами. Мы никогда не подходили к ним близко.

Мы оба похудели и стали сильнее. Я сносил свои сапоги и вынужден был залатать их невыделанной шкурой, мои штаны протерлись, я обрезал их до икр. Я устал постоянно стирать свою рубашку; кровь «перекованных» и нашей добычи оставалась на груди и манжетах. Рубашка была залатана и оборвана, как у нищего, и неровный цвет делал ее еще более жалкой. В один прекрасный день я уложил ее в свой тюк и пошел дальше без рубашки. Дни были достаточно теплыми, так что я не мерз, а более холодными ночами мы обычно быстро двигались, так что я грелся теплом собственного тела. Я загорел и стал почти таким же темным, как мой волк. Мое тело было в отличной форме. Я не был так силен и мускулист, как в то время, когда работал веслом и сражался, но я чувствовал себя здоровым, ловким и поджарым и мог без усталости трусить рядом с волком всю ночь. Я был быстрым и бесшумным зверем и снова и снова доказывал себе свою способность выживать. Я восстановил большую часть веры в себя, которую уничтожил Регал. Не то чтобы мое тело простило и забыло все то, что сделал с ним Регал, но я притерпелся к шрамам и приступам боли. Я почти перестал вспоминать о подземелье и не позволял моей темной цели замутить эти золотые дни. Ночной Волк и я шли, охотились, спали и снова шли. Это было так хорошо, что я перестал ценить каждое мгновение. И все это было потеряно в одночасье.

Когда стемнело, мы спустились к реке, собираясь как следует напиться, перед тем как пуститься в путь. Но когда мы подошли к воде, Ночной Волк внезапно застыл и прижался брюхом к земле. Я последовал его примеру, и мое неразвитое обоняние уловило незнакомый запах.

Что и где? – спросил я его.

Я увидел их, прежде чем он успел ответить. Крошечные олени, изящно движущиеся к воде. Они были не намного больше Ночного Волка. У них были спиральные рога, немного

похожие на козы и отливавшие черным блеском при свете полной луны. Я знал об этих созданиях только из старой книги Чейда и не мог вспомнить, как они называются.

Еда? – коротко предположил Ночной Волк, и я немедленно согласился.

Их путь пролегал мимо нас, так что мы могли бы достать их одним прыжком. Мы с Ночным Волком замерли, выжидая. Олени подошли ближе. Учув прохладную воду, они спешили и вели себя беспечно. Мы пропустили мимо нас первого, чтобы напасть на ту часть стада, где олени сбиты плотнее всего. Как только Ночной Волк, дрожа, собрался для прыжка, в ночи пронесся долгий дрожащий вой.

Ночной Волк сел и возбужденно заскулил. Олени исчезли, взметнув вихрь копыт и рогов, но мы оба были слишком потрясены, чтобы преследовать их. Наш ужин внезапно превратился в удаляющийся стук копыт. Я недовольно смотрел вслед ускользнувшей добыче, но Ночной Волк, по-видимому, даже не заметил бегства оленей. Раскрыв пасть, он издавал звук, средний между воем и плачем; его челюсти дрожали и шевелились, как будто он пытался вспомнить, как говорить. Дрожь, которую я почувствовал в нем, когда где-то далеко завыл волк, заставила мое сердце сжаться. Если бы моя мать внезапно позвала меня, шок не мог бы быть больше. Ответный вой и взлаивание раздались с небольшого холма к северу от нас. Первый волк присоединился к ним. Ночной Волк крутился на месте, тихо поскуливая. Внезапно он откинул голову и сам прерывисто завыл. За его воем последовала тишина, потом стая на холме снова подала голос – не охотничий клич, а просто заявление о своем присутствии.

Ночной Волк бросил на меня быстрый виноватый взгляд. Не веря, я смотрел, как он бежит к вершине. После мгновения замешательства я вскочил на ноги и последовал за ним. Он уже был довольно далеко, но, почувствовав меня, замедлил шаг и обернулся.

Я должен идти один, сказал он мне честно. *Жди меня здесь.* Он снова собирался продолжить свой путь.

Меня охватила паника.

Подожди! Ты не можешь идти один. Они не стая. Мы чужаки, и они нападут на нас. Лучшие всего вообще не ходить.

Я должен, повторил он.

Нечего было надеяться, что он переменит решение. Он рысью пустился прочь. Я побежал за ним.

Ночной Волк, пожалуйста! Внезапно я ужаснулся тому, что так настоятельно призывало его.

Он остановился и посмотрел на меня. Глаза его встретились с моими, и это был очень долгий взгляд для волка.

Ты понимаешь. Ты знаешь, что понимаешь. Теперь пришло время тебе доверять так, как доверял я. Я должен это сделать. И должен сделать это один.

А если ты не вернешься? – спросил я во внезапном отчаянии.

Ты вернулся, когда ходил в город. И я вернусь к тебе. Иди вдоль реки. Я найду тебя. А теперь иди. Возвращайся.

Я остановился. Он уходил.

Будь осторожен! – бросил я ему вслед мой собственный вой в ночи.

А потом я стоял и смотрел, как Ночной Волк уходит от меня, могучие мышцы двигались под густой шерстью, он решительно и прямо держал хвост. Мне потребовалась вся до капли сила, чтобы не умолять его вернуться и не оставлять меня одного. Я стоял, дыша тяжело, как после бега, и смотрел, как он исчезает в темноте. Он был так целеустремлен, что я чувствовал себя отброшенным в сторону за ненадобностью. Я испытал приступ ревности, которую он чувствовал, когда я работал с Верити или был с Молли и приказывал ему не входить в мои мысли.

Это был его первый взрослый контакт с соплеменниками. Я понимал, как ему нужно найти их и узнать, что они такое, даже если они атакуют его и прогонят. Это было правильно.

Однако все мои страхи скулили, умоляя, чтобы я побежал следом за ним, был рядом в случае драки и легко мог прийти на помощь, если понадобится.

Но Ночной Волк просил меня не делать этого. Нет, не так. Он велел мне, чтобы я не делал этого. Велел, воспользовавшись тем же самым правом на личную жизнь, которым пользовался я в общении с ним. Я почувствовал, как сердце перевернулось у меня в груди, когда я направился обратно к реке. Внезапно я ощутил себя полуслепым. Он не бежал рядом со мной, дополняя то, что могут сообщить мне мои менее острые чувства. Но я мог ощущать его на расстоянии. Я чувствовал возбуждение от предвкушения, страх и любопытство, которые дрожали в нем. В эту минуту он был слишком сосредоточен на собственной жизни, чтобы делиться со мной.

Внезапно я подумал, не то же ли испытывал Верити, когда я сражался на «Руриске» с пиратами, а он сидел в своей башне и вынужден был довольствоваться тем, что сообщал ему я. Я докладывал гораздо полнее, чем это было необходимо, честно стараясь рассказать ему все. Тем не менее он должен был ощущать себя в чем-то отверженным, как это было со мной теперь.

Я достиг берега реки. Там я остановился, сел и стал ждать Ночного Волка. Он сказал, что вернется. Я смотрел на темную текучую воду. Моя жизнь казалась очень маленькой. Я медленно повернулся и посмотрел вверх по реке. Желание охотиться бежало вместе с Ночным Волком.

Я сидел и ждал довольно долго. Наконец я встал и пошел сквозь ночь, обращая мало внимания на себя и все, что меня окружало. Я бесшумно шел по песчаному берегу реки под тихий плеск волн.

Где-то далеко Ночной Волк учуял других волков, учуял их ясно и сильно, достаточно хорошо, чтобы узнать, сколько их и какого они пола. Где-то далеко он вышел им навстречу, не угрожая и не вторгаясь в их компанию, но просто заявляя о своем присутствии. Некоторое время они наблюдали за ним. Вожак стаи вышел вперед и помочился на травяной куст. Потом он прорыл глубокие борозды когтями задних лап, отбрасывая назад землю. Его самка стояла, потягивалась и зевала, а потом села, глядя на Ночного Волка зелеными глазами. Два полувзрослых щенка перестали тужить друг друга и стали разглядывать его. Один двинулся к чужаку, но низкое рычание матери заставило его поспешно вернуться. Он снова стал жевать ухо своего брата. А Ночной Волк сел, чтобы показать, что не желает никому зла, и позволил им разглядеть себя. Худая молодая самочка тихонько заскулила и чихнула.

Через некоторое время волки встали и двинулись вперед. Охотиться. Тощая самка осталась следить за щенками, когда другие ушли. Ночной Волк немного подождал, потом на благодарном расстоянии последовал за стаей. Время от времени кто-нибудь из волков оглядывался на него. Самец-вожак часто останавливался, чтобы помочиться, а потом отбрасывал землю задними лапами.

А я тем временем шел вдоль реки, наблюдая, как сгущается ночь. Луна медленно катилась по ночному небу. Я достал из своего свертка копченое мясо и жевал его на ходу, остановившись один раз, чтобы попить отдающей мелом воды. Речка плескалась в своем песчаном ложе. Пришлось отойти от берега и идти по заросшей травой тропке вдоль него. Когда занялся рассвет, я стал искать место для сна. Я направился к высокой части насыпи и свернулся клубком в жесткой траве. Меня заметят, только если наступят прямо на меня. Это место было таким же безопасным, как любое другое.

Я чувствовал себя очень одиноким.

Спал я плохо. Часть моего сознания с некоторого расстояния наблюдала за другими волками. Они знали обо мне, так же как я о них. Они не принимали меня, но и не прогоняли. Я не подходил достаточно близко, чтобы вынудить их принять какое-нибудь решение, но видел, как они убили оленя неизвестной мне породы. Этого, по-видимому, было мало для того, чтобы

накормить их всех. Я был голоден, но не настолько, чтобы отправиться на охоту. Мое любопытство было более настойчивым, чем голод. Я сидел и смотрел, как они спят.

Потом мои сны оставили Ночного Волка. Я снова смутно знал, что сплю, но был бессилён проснуться. Что-то звало меня и тянуло с ужасной настойчивостью. Я отвечал на этот призыв неохотно, но не мог отказаться. Я нашел где-то другой день и до боли знакомые дым и крики, несущиеся к синему небу у океана. Еще один город в Бернсе сражался и отступал под натиском пиратов. Я снова был призван в свидетели. С этого дня война с красными кораблями опять навалилась на меня.

Эта битва и десятки других, которые последовали за ней, выгравированы в моем сердце во всех безжалостных подробностях. Запахи, звуки и прикосновения преследовали меня. Что-то во мне было готово слушать, и каждый раз, когда я засыпал, это безжалостно тащило меня туда, где люди Шести Герцогств сражались и умирали за свои дома. Мне пришлось пережить больше битв Бернса, чем кому-либо из тех, кто на самом деле жил в этом герцогстве, потому что изо дня в день, когда бы я ни пытался заснуть, я обнаруживал себя безмолвным свидетелем. Я не видел в этом никакой логики. Может быть, склонность к Силе спит во многих людях Шести Герцогств и, встретившись со смертью и болью, они начинают кричать мне и Верити голосами, о которых сами ничего не знают. Не единожды я чувствовал, что мой король тоже бродит по разоренным городам, хотя уже никогда не видел его так ясно, как в тот первый раз. Позже я вспомнил, что как-то видел сон, который я делил с королем Шрюдом, когда он был призван свидетельствовать падение Илистой Бухты. Теперь я иногда гадаю – как часто он мучился, наблюдая за набегами на города, которые бессилён был защитить.

Какая-то часть меня знала, что я сплю на берегу Винной реки, далеко от этой яростной битвы, окруженный высокой речной травой и овеваемый чистым ветром. Это не казалось важным. Имела значение только реальность жестоких боев, которые Шесть Герцогств вели против пиратов. Безымянный маленький поселок в Бернсе, вероятно, не имел большого стратегического значения, но он был покорен на моих глазах – еще один кирпич, вывалившийся из стены. Как только пираты завладеют берегом Бернса, Шесть Герцогств навсегда потеряют надежду освободиться от них. А они захватывали побережье, город за городом, поселок за поселком, в то время как законный король прятался в Тредфорде. Реальность нашей битвы с красными кораблями была близкой и давящей, когда я тянул весло на «Руриске». За прошедшие несколько месяцев, одинокий и изолированный от внешнего мира, я позволил себе забыть о людях, которые живут в этом сражении каждый день. Я был таким же бесчувственным, как Регал.

Наконец я проснулся, когда цвета реки и равнины стали блекнуть в сумерках. Я не чувствовал себя отдохнувшим и тем не менее обрадовался пробуждению. Я сел и огляделся. Мой волк не вернулся ко мне. Я быстро поискал его.

Брат мой, узнал он меня, но я чувствовал, что он недоволен моим вторжением.

Он смотрел, как возятся два щенка. Я уныло разорвал контакт. Контраст между нашими жизнями внезапно стал слишком велик, даже чтобы задумываться о нем. Пираты красных кораблей, «перекованные» и предательство Регала, даже мой план убить его внезапно оказались омерзительно человеческими делами, которые я пытался навязать волку. Какое право я имел втягивать его в это безобразие? Он был там, где ему полагалось быть.

Как бы мне это ни нравилось, задачу, которую я поставил перед собой, предстояло решать мне одному. Я попытался оставить Ночного Волка. Тем не менее упрямая искра надежды не потухла. Он сказал, что вернется ко мне. Я решил, что, если он это сделает, это должно быть его собственным решением. Я не стану звать его.

Я поднялся и поспешил дальше, убеждая себя, что если Ночной Волк решит присоединиться ко мне, то легко меня догонит, – нет ничего лучше волчьей рыси для того, чтобы пожирать мили. Я шел не слишком быстро. Очень скоро мне стало не хватать ночного зрения волка.

Я дошел до места, где речной берег обрывался, превращаясь почти в болото. Сперва я не мог решить, продолжать мне идти прямо или обойти его. Я знал, что это может растянуться на мили. В конце концов я решил держаться по возможности ближе к реке. Я провел ужасную ночь, пробираясь через камыши и рогоз, спотыкаясь об их перепутанные корни, ноги мои совершенно промокли, а болотная мошкара жадно набросилась на человеческую кровь.

Какой слабоумный, спросил я себя, попытается в темноте одолеть незнакомое болото? Поделом мне будет, если я попаду в трясины и утону. Надо мной были только звезды, вокруг однообразная стена рогоза. Справа блестела широкая черная река. Я продолжал двигаться вверх по течению. Рассвет застал меня все еще пробирающимся вперед. Крошечные растения с висячими корнями налипли на мои гамаш и туфли, грудь моя была вся искутана мошкарой. На ходу я жевал сушеное мясо. Тут не было места, чтобы отдохнуть, так что я шел дальше. Решив получить от этого места хоть что-то хорошее, я собрал по пути немного корневищ рогоза. Было уже далеко за полдень, когда у реки появился настоящий берег, и еще час после этого я уходил от мошек и москитов. Потом я смыл с гамаш, ботинок и кожи зеленоватую болотную грязь, рухнул и заснул.

Где-то далеко Ночной Волк стоял неподвижно, в то время как тощая самка медленно приближалась к нему. Когда она подошла ближе, он упал на брюхо, лег на бок, потом, извиваясь, перевернулся на спину и открыл свое горло. Она подходила ближе, шаг за шагом. Потом внезапно остановилась, села и стала разглядывать его. Он тихонько заскулил. Она прижала уши, оскалилась, резко повернулась и убежала. Через некоторое время Ночной Волк встал и пошел охотиться на полевых мышей. Он казался довольным.

И снова, когда его присутствие ускользнуло от меня, я был призван назад, в Бернс. Еще один город был охвачен пламенем.

Я проснулся совершенно обескураженный. Вместо того чтобы идти дальше, я развел небольшой костер из плавника, вскипятил воды, чтобы приготовить корневища, и нарезал на куски сушеное мясо. Я поставил тушиться мясо с крахмалистыми корневищами, взял щепотку из моего драгоценного запаса соли и добавил немного дикой зелени. К несчастью, вода сильно отдавала мелом. Наполнив желудок, я вытряс зимний плащ, завернулся в него для защиты от ночных насекомых и снова задремал.

Ночной Волк и вожак стояли и смотрели друг на друга. Расстояние между ними было достаточно большим, так что в их положении не было вызова, но Ночной Волк держал хвост опущенным. Вожак был более мускулистым, чем Ночной Волк, шкура его была черной. Не такой упитанный, он тем не менее носил на себе знаки сражений и охот. Он вел себя сдержанно и уверенно. Ночной Волк не шевелился. Через некоторое время вожак прошел несколько шагов и задрал лапу на травяную кочку. Он поскреб по траве передними лапами и отошел не оглядываясь. Ночной Волк сел и долго сидел неподвижно, раздумывая.

На следующее утро я встал и продолжил свой путь. Ночной Волк покинул меня два дня назад. Всего два дня. Однако мне казалось, что я бреду в одиночестве уже целую вечность. И как, думал я, Ночной Волк измеряет нашу разлуку? Не днями и ночами. Он ушел, чтобы что-то выяснить, и когда он сделает это, время быть в разлуке со мной закончится и он вернется. Что на самом деле он собирался выяснить? Что означает быть волком среди волков, членом стаи? Что, если они примут его? Будет он бегать с ними? Дни, недели, годы? Сколько времени потребуется, чтобы я стерся из его памяти, превратившись в часть бесконечного вчера?

И почему он должен захотеть вернуться ко мне, если эта стая примет его?

Через некоторое время я понял, что сердце мое ноет так, как если бы друг-человек пре-небрег мною ради общества других людей. Мне хотелось завывать, дотянуться до Ночного Волка моей тоской. Усилием воли я заставил себя не делать этого. Он не ручная собака, чтобы можно было свистом позвать его к ноге. Он друг, и некоторое время мы путешествовали вместе. Какое

право я имею просить его упустить шанс найти пару и собственную настоящую стаю только из-за того, чтобы все время быть рядом со мной? «Никакого, – сказал я себе. – Никакого».

В полдень я выбрался на дорогу, которая шла вдоль берега, и к вечеру миновал несколько небольших ферм. На полях преобладали арбузы и злаки. Сеть каналов несла речную воду внутрь герцогства к хлебным полям. Земляные дома стояли довольно далеко от берега реки, вероятно, чтобы их не затопило при половодье. Меня облаивали собаки, и стада белых гусей сердито гоготали на меня, но я не подходил близко к людям, чтобы не привлекать внимания. Тропа превратилась в дорогу со следами телег.

Солнце светило мне в спину и голову с ясного голубого неба. Высоко над собой я услышал пронзительный крик ястреба. Я посмотрел вверх, крылья птицы были раскрыты и неподвижны. Он снова закричал, сложил крылья и ринулся на меня. Без сомнения, он заметил какого-то маленького грызуна в поле. Я спокойно смотрел на него и только в последний момент понял, что я – его истинная цель. Я поднял руку, чтобы защитить лицо, когда он раскрыл крылья. Меня обдало ветром. Для птицы его размера он очень легко опустился на мою поднятую руку. Его когти вонзились в меня.

Моей первой мыслью было, что это обученная птица, которая одичала, увидела меня и почему-то решила вернуться к человеку. Полоска кожи, привязанная к одной из его ног, могла быть остатком пут. Он сидел на моей руке, моргая. Во всех отношениях великолепная птица. Я отодвинул его подальше, чтобы как следует разглядеть. К его ноге был привязан крошечный свиток пергамента.

– Можно мне посмотреть на это? – спросил я его.

Он повернул голову и уставился на меня сияющими глазами. Это был Град.

Древняя Кровь.

Ничего больше из его мыслей я не смог разобрать, но этого было достаточно.

Я никогда не мог найти общего языка с ловчими птицами Оленьего замка. Баррич в конце концов приказал мне оставить их в покое, потому что мое присутствие всегда тревожило их. Тем не менее я осторожно попытался прощупать яркое, как пламя, сознание Града. Он сидел тихо. Мне удалось отвязать крошечный свиток. Ястреб пошевелился на моей руке, ранив ее когтями, потом без предупреждения раскинул крылья и взмыл в воздух. Он спиралью поднялся вверх, тяжело махая крыльями, чтобы набрать высоту, закричал «ки, ки!» и заскользил прочь по небу. Я остался стоять. Кровь текла по моей руке, которую он поранил когтями, в одном ухе звенело от громкого хлопанья его крыльев. Я посмотрел на свою руку. Потом любопытство заставило меня вернуться к крошечному свитку. Обычно послания носят голуби, а не ястребы.

Почерк был в старом стиле, мелкий, тонкий, похожий на паутину. Яркий солнечный свет только мешал разбирать изящную вязь. Я сел на краю дороги и прикрыл листок рукой, чтобы изучить его. Первые же слова чуть не остановили мое сердце. Древняя Кровь приветствует Древнюю Кровь.

Остальное было понять труднее. Свиток был оборван, написан в очень необычной манере. Слов очень мало. Предупреждение было от Холли, хотя я подозревал, что писал его Рольф. Король Регал активно выслеживает людей Древней Крови. Тем, кого ему удастся поймать, он предлагает деньги, в случае если они помогут ему найти человека, связанного с волком. Рольф и Холли подозревают, что он ищет нас. Регал угрожает смертью тем, кто откажется помогать ему. Еще в письме было что-то насчет того, что мой запах передадут другим людям Древней Крови и будут просить их по возможности помогать мне. Остальная часть свитка была оторвана.

Я запихнул пергамент за пояс. Ясный день, казалось, потускнел. Итак, Уилл сказал Регалу, что я еще жив. Регал перепугался до смерти и поднял на ноги всех, кого мог. Может быть, к лучшему, что мы с Ночным Волком на некоторое время расстались.

Когда сгустились сумерки, я нашел небольшой холм на берегу. Впереди в изгибе реки горели огни. Вероятно, еще одно торговое место или переправа для фермеров и пастухов. Я следил за огнями, медленно приближаясь к ним. Там была горячая еда, люди и укрытие на ночь. Если бы я захотел, то мог бы зайти туда и поговорить с кем-нибудь. У меня все еще оставалось несколько монет. И не было волка у моих ног, который мог бы вызвать вопросы, не было Ночного Волка, крадущегося неподалеку в надежде, что собаки не возьмут его след. Что ж... Может быть, так я и сделаю, остановлюсь, выпью кружечку и немного поболтаю. Возможно, я узнаю, далеко ли до Тредфорда, и услышу какие-нибудь сплетни о том, что там происходит. Уже пора составить настоящий план убийства Регала.

Отныне мне надо полагаться только на самого себя.

Глава 8 Тредфорд

Наступила осень. Пираты прилагали все усилия, чтобы завоевать как можно больше городов и поселков на побережье герцогства Бернс до прихода зимних штормов. Морские разбойники знали, что, как только будут захвачены основные порты Бернса, они смогут с легкостью атаковать всю береговую линию Шести Герцогств. Так что хотя в это лето их корабли доходили до самого герцогства Шокс, когда подошла пора зимних штормов, они сосредоточили силы на том, чтобы полностью покорить побережье Бернса.

Их тактика была необычна. Они не просто захватывали города или покоряли людей, а были нацелены исключительно на уничтожение. Захваченные города они сжигали, людей, которые не успевали убежать, убивали или «перековывали». Очень немногих оставляли в живых для забавы или в качестве рабочих. С пленниками обращались хуже, чем с животными, и «перековывали», как только они становились бесполезны. Пираты ставили собственные грубые укрепления, пренебрегая возможностью использовать уже готовые здания. Они не строили постоянных лагерей, а просто оставляли гарнизоны в лучших портах, чтобы быть уверенными, что их не отобьют защитники побережья.

Хотя Шокс и Риппон по возможности помогали Бернсу, у них были собственные берега, которые нужно было защищать, и почти не было свободных ресурсов. Герцогство Бакк барахталось как могло. Лорд Брайт запоздало понял, как Бакк полагался на свои истощающиеся ресурсы, но счел, что уже слишком поздно что-то менять. Он бросил людей и деньги на укрепление Оленьего замка. Так что Бакк остался под защитой своих жителей и нерегулярных войск, преданных леди Пейшенс. Бернс не ожидал от этих формирований никакой помощи, но благодарно принимал все, что приходило под знаком плюща.

Герцог Браунди из Бернса, уже почти старик, встретил вызов пиратов сталью, такой же холодно-серой, как его седина. Его решимость не знала границ. Он не боялся лишиться всего состояния и рисковал жизнью собственных родных в отчаянных попытках оградить свое герцогство от посягательств пиратов. Он погиб в бою, сражаясь за родной Замок-на-Песке. Но ни его смерть, ни падение замка не заставили его дочерей отказаться от сопротивления.

Моя рубашка, пролежав столько времени свернутой в тюке, приобрела совершенно непривлекательный вид. Я все равно натянул ее, поморщившись от запаха плесени. Она немного пахла дымом, но плесенью гораздо сильнее. Я убедил себя, что этот запах быстро выветрится на открытом воздухе. Я сделал все, что мог, с прической и бородой – то есть завязал волосы в хвост и как следует расчесал бороду пальцами. Борода меня раздражала, но еще больше мне не нравилось бриться каждый день. Я быстро вымылся и оставил берег реки, направившись к городским огням. На этот раз я решил подготовиться получше. Меня зовут Джори, решил я. Я солдат и умею обращаться с лошадьми и пером. Пираты сожгли мой дом. Сейчас я направляюсь в Тредфорд, чтобы начать там новую жизнь. Эту роль я сыграю вполне убедительно.

Когда совсем стемнело, в городе у реки стали зажигаться новые огни, и я понял, насколько сильно ошибался относительно его размеров. Город был довольно велик. Я почувствовал некоторую тревогу, но убедил себя, что гораздо быстрее будет пройти через город, чем обходить его. В отсутствие Ночного Волка у меня не было никакой причины добавлять лишние мили к моему пути. Я поднял голову и ровным шагом пошел к огням.

Город оказался гораздо более оживленным, чем большинство мест, в которых я побывал, становились после наступления темноты. На улицах витал дух праздника. Множество людей направлялось к центру города, и, подойдя ближе, я увидел факелы, толпу в ярких одеждах и

музыкантов. Двери трактиров были украшены цветами. Я подошел к ярко освещенной рыночной площади. Играла музыка, многие танцевали. В стороне стояли бочки вина и столы с наваленными на них хлебом и фруктами. При виде еды у меня потекли слюнки. Аромат хлеба был невероятно аппетитным, особенно для человека, который долгое время обходился без печева.

Я держался с краю, прислушиваясь к разговорам. Вскоре я понял, что городской голова играет сегодня свадьбу и по этому поводу устраивает пиршество и танцы. Я решил, что городской голова – это какой-то титул, принятый в Фарроу, и что конкретно этого голову народ очень уважает за редкостную щедрость. Пожилая женщина, заметив меня, подошла и сунула мне в руку три медяка.

– Иди к столам и поешь, молодой человек, – сказала она мне. – Голова Логис хочет, чтобы в ночь его свадьбы все праздновали вместе с ним. Еда бесплатная. Иди, не стесняйся. – Она ободряюще хлопала меня по плечу, для чего ей пришлось встать на цыпочки.

Я вспыхнул, устыдившись того, что меня приняли за нищего, но подумал, что лучше не разубеждать ее. Если эта женщина так обо мне подумала, значит я выгляжу как нищий и надо вести себя соответственно. Тем не менее, опустив три медяка в свой кошелек, я почувствовал себя виноватым, как будто выманил их обманом. Я сделал так, как сказала мне старуха: пошел к столам, чтобы присоединиться к тем, кто закусывал хлебом, фруктами и мясом.

Несколько молодых женщин обслуживали столы, и одна из них наполнила для меня поднос, поспешно передав его через стол, как будто не желая иметь со мной никакого дела. Я поблагодарил девушку, вызвав сдавленное хихиканье среди ее друзей. Она выглядела такой обиженной, как будто я назвал ее шлюхой, и я быстро ретировался. Я нашел место у стола, где можно было сесть, и заметил, что никто не садится рядом со мной. Мальчик, расставлявший кружки и наполнявший их элем, дал мне одну и оказался достаточно любопытным, чтобы поинтересоваться, откуда я взялся. Я сказал ему только, что иду вверх по реке в поисках работы, и спросил, не слышал ли он о каком-нибудь месте для меня.

– О, тебе нужна ярмарка наемных рабочих в Тредфорде, вверх по реке, – по-свойски сказал он мне. – Это меньше дня ходьбы. Можешь найти работу по уборке урожая в это время года. Ну а если нет, всегда остается стройка Королевского Круга. Они наймут кого угодно, лишь бы человек мог поднять камень и работать лопатой.

– Большой Королевский Круг? – переспросил я.

Мальчик, склонив голову, посмотрел на меня:

– Чтобы все были свидетелями исполнения королевского правосудия.

Потом его кто-то позвал, и я остался один, есть и думать.

«Они наймут кого угодно». Итак, я выгляжу совершенно сбившимся с пути и очень странным. Что ж, тут уж ничего не поделаешь. Еда была невероятно вкусная. Я почти забыл аромат хорошего пшеничного хлеба. То, как он смешивался с запахом мясной подливы, внезапно напомнило мне щедрую кухню поварихи Сары. Где-то вверх по реке, в Тредфорде, она, наверное, замешивает сейчас тесто для пирожных или пробует жареное мясо, прежде чем положить его в один из своих огромных черных котлов, закрыть тяжелой крышкой и оставить на всю ночь медленно тушиться на углях. А в конюшнях Регала Хендс совершает последний ночной обход, как это делал в Оленьем замке Баррич, проверяя, у каждого ли животного есть чистая свежая вода и надежно ли заперты стойла. Дюжина других конюшних из Оленьего замка тоже наверняка будут там. Лица и сердца их прекрасно известны мне по годам, проведенным под началом Баррича в его конюшнях. И домашние слуги тоже. Регал забрал их с собой из Бакка. Мастерца Хести, вероятно, здесь, и Брант, и Ловден...

Волна одиночества внезапно захлестнула меня. Было бы так хорошо оказаться рядом с ними, облокотиться на стол и послушать бесконечные сплетни поварихи Сары или полежать на сеновале с Хендсом, делая вид, что веришь его рассказам о том, скольких женщин он затащил к себе в постель с тех пор, как мы разговаривали в последний раз. Я попытался вооб-

разить реакцию мастерицы Хести на мой нынешний костюм и обнаружил, что улыбаюсь ее возмущению.

Мои мечты были прерваны человеком, выкрикивающим отвратительные непристойности. Ни один самый пьяный матрос, которого я знал, не оскорбил бы так свадебную трапезу. Но только я повернул голову на звук, и все разговоры вокруг резко смолкли. Я смотрел на то, чего не заметил раньше.

На другой стороне площади стояла упряжка лошадей и телега. На ней была зарешеченная клетка, а в клетке трое «перекованных». Я не мог разглядеть почти ничего, кроме того, что их было трое. Мой Дар совершенно не чувствовал их. Женщина, управлявшая лошадьми, шла к клетке с дубиной в руках. Она громко постучала по решетке, приказывая пленникам заткнуться, а потом резко повернулась к двум молодым людям, отиравшимся у телеги.

– А вы оставьте их в покое, деревенщина, – бранилась она. – Они для Королевского Круга и для правосудия и милостей, которые найдут там. Но до того дня не трожьте их, понятно вам? Лили! Лили! Принеси сюда кости от жаркого и дай этим тварям. А вы держитесь от них подальше, я вам говорю! Не дразните их!

Молодые люди, смеясь, подняли руки и отступили от ее угрожающей дубинки.

– Не вижу, почему бы нам сперва не повеселиться с ними, – возразил тот, что повыше. – Я слышал, что вниз по течению, в Рансфорде, строят собственный круг правосудия.

Второй парень устроил целое представление, перекатывая мышцы на плечах.

– Да я сам гожусь для Королевского Круга!

– Как чемпион или как пленник? – крикнул кто-то насмешливо, и оба молодых человека засмеялись, а высокий грубовато подтолкнул своего товарища.

Я оставался на месте. Отвратительное подозрение поднималось во мне. Королевский Круг. «Перекованные» и чемпионы. Я вспомнил, как жадно Регал наблюдал за моим избиением, когда меня окружали его люди. Я онемел, когда женщина по имени Лили подошла к телеге и швырнула полную тарелку мясных костей сидевшим в клетке пленникам. Они жадно набросились на еду, огрызаясь друг на друга, и каждый пытался захватить побольше лакомства. Довольно много народа толпилось вокруг телеги, тыкая в «перекованных» пальцами и смеясь. Я стоял и молчал. Мне было физически плохо от горя и гнева. Неужели они не понимают, что это «перекованные»? Они не преступники. Это мужья и сыновья, рыбаки и фермеры Шести Герцогств, чья единственная вина в том, что их захватили пираты красных кораблей.

Я не считал, сколько «перекованных» убил. Они были отвратительны, это правда, но такое же отвращение я испытывал, когда видел сгнившую от гангрены ногу или собаку, настолько замученную чесоткой, что ее уже нельзя спасти. Убийство «перекованных» не имело ничего общего с ненавистью, наказанием или правосудием. Одна только смерть могла помочь им, и их следовало убить как можно быстрее, из милосердия к семьям, которые любили их. Эти же молодые люди говорили так, как будто из убийства собираются сделать что-то вроде спорта. Я уставился на клетку, меня тошнило.

Я снова медленно сел. На моем подносе еще оставалась еда, но аппетит пропал. Здравый смысл говорил мне, что следует хорошенько поесть, раз уж мне подвернулся такой случай. Мгновение я только смотрел на еду. Потом заставил себя взять новый кусок.

Когда я поднял глаза, то обнаружил, что те двое молодых людей уставились на меня. На мгновение я встретил их взгляды, потом вспомнил, кем должен быть, и быстро опустил глаза. По-видимому, моя внешность их очень позабавила, потому что они подошли, покачиваясь, и сели, один напротив меня, другой совсем рядом со мной. Он всю веселился, сморщив нос и прикрыв рот, к восторгу своего товарища. Я пожелал им обоим доброго вечера.

– Ну что ж, может, и тебе доброго вечера. Долгонько у тебя не было такой еды, а, нищий? – спросил тот, кто сидел напротив меня, здоровенный парень с льяными волосами и массой веснушек на лице.

– Это верно, и спасибо городскому голове за его щедрость, – сказал я кротко. Мне хотелось побыстрее выпутаться из этой истории.

– Так. И что же привело тебя в Пом? – поинтересовался второй. Он был выше, чем его ленивый приятель, и более мускулист.

– Ищу работу. – Я посмотрел прямо ему в глаза. – Мне говорили, что в Тредфорде есть ярмарка наемных рабочих.

– А для какой работы ты годишься, нищий? Огородным пугалом? А может быть, ты выгоняешь крыс из жилья своим запахом? – Он поставил локоть на стол, слишком близко ко мне, а потом оперся на него, как бы желая показать мне узлы мышц на своей руке.

Я глубоко вздохнул, потом еще раз. Меня охватили ощущения, которых я давно не испытывал. Это была невидимая дрожь страха, и еще чувство, которое всегда приходило, когда мне бросали вызов. Я знал также, что время от времени эта дрожь предшествует припадку. Но кое-что поднималось во мне, давнее, почти забытое. Злоба. Нет, ярость. Бессмысленная жестокая ярость, которая давала мне силу отрубить топором руку человека или броситься на него и выдавливать из него жизнь, невзирая на бешеное сопротивление.

Я приветствовал ее появление почти что с трепетом. Что же вызвало эту ярость? Воспоминания о друзьях, которые потеряны навсегда? Сцены битвы, которые так часто являлись мне в снах Силы в последнее время? Это не имело значения. Я чувствовал тяжесть меча у бедра, сомневался, что эти болваны знают о нем или догадываются, как хорошо я умею с ним обращаться. Они, скорее всего, никогда не держали в руках никакого клинка, кроме косы, и не видели никакой крови, кроме крови зарезанного цыпленка или коровы. Они никогда не просыпались ночью от собачьего лая, в страхе, что это пришли пираты, никогда не возвращались домой с рыбного промысла, молясь, чтобы город стоял на месте невредимым, когда они обогнут мыс. Счастливые невежественные фермеры, сыто живущие в приветливом речном краю далеко от охваченного войной побережья и не имеющие никакого способа проявить себя, кроме как задирать чужеземца или насмехаться над посаженными в клетку узниками.

Если бы все парни Шести Герцогств были такими невежественными!

Я замер, как будто Верити положил руку мне на плечо. Я хотел обернуться, но заставил себя сидеть спокойно, пытаюсь нащупать его в своем сознании, но не нашел ничего. Ничего.

Я не мог утверждать, что эта мысль пришла от него. Может быть, это было мое собственное желание? И тем не менее моя ярость исчезла так же внезапно, как появилась, и я посмотрел на них несколько удивленно, обнаружив, что они все еще здесь. Мальчишки, да, но довольно большие мальчишки, стремящиеся проявить себя. Невежественные и бездумные, как это часто бывает с молодыми людьми. Что ж, я не дам им повода для самоутверждения, но и не буду проливать их кровь в день свадьбы городского головы.

– Боюсь, что малость засиделся, – мрачно сказал я, вставая.

Я съел достаточно и знал, что мне не нужны полкружки эля, стоявшего подле меня. Я посмотрел, как они смирили меня взглядами, когда я встал, и увидел, что один из парней был явно потрясен, заметив мой меч. Второй поднялся, как бы собираясь помешать мне уйти, но его приятель еле заметно покачал головой. После этого загорелый фермерский сынок с ухмылкой отошел от меня, отпрянув, как будто боялся, что я испачкаю его. Было странно так легко пренебречь этим оскорблением. Я не попятился, но просто повернулся и пошел в темноту, удаляясь от веселья, танцев и музыки. Никто не последовал за мной.

Я искал воду. Решительность нарастала во мне. Итак, я недалеко от Тредфорда, недалеко от Регала. Я ощутил внезапное желание подготовиться к встрече с ним. Сегодня я найду комнату в трактире, в котором есть баня, вымоюсь и побреюсь. Пусть он посмотрит на меня, на мои шрамы и пусть знает, кто убил его. А потом? Если я доживу до какого-нибудь «потом» и если кто-нибудь узнает меня в лицо – что ж, так тому и быть. Пусть по всем герцогствам

разнесется весть, что Фитц восстал из могилы, чтобы стать орудием истинного королевского правосудия для мнимого короля.

Укрепившись в этом решении, я прошел мимо первых двух трактиров, которые мне попались. Из одного доносились крики, свидетельствующие либо о драке, либо о бурном взрыве дружеских чувств; в любом случае вряд ли я там выплусь. У второго было покосившееся крыльцо, а дверь криво висела на петлях. Я решил, что постели здесь не лучше. И выбрал тот, на котором была вывеска с изображением котла и горел ночной факел, указывавший путникам дорогу в темноте.

Как и большинство самых крупных строений в Поме, трактир был сложен из речного камня и известняка. В конце комнаты находился большой очаг, где на медленном огне аппетитно булькал котел с рагу. Несмотря на недавний ужин, его запах показался мне очень соблазнительным. В большой комнате было тихо, основную часть провизии отправили на свадебный пир. Трактирщик казался обыкновенным дружелюбным человеком, но нахмурился при виде меня. Чтобы успокоить его, я сразу положил на стол перед ним серебряную монету.

– Мне бы хотелось остановиться здесь на ночь, – сказал я трактирщику.

Он с сомнением оглядел меня.

– Только если ты сперва вымоешься, – твердо ответил он.

Я улыбнулся ему:

– С этим никаких проблем, добрый господин. А еще я выстираю свою одежду. Не бойся, что я принесу в постель блох.

Он неохотно кивнул и послал парнишку в кухню за горячей водой.

– Ты, значит, проделал долгий путь? – спросил он, чтобы завязать разговор, показывая мне дорогу в баню.

– Долгий путь, и уйма неприятностей. Но меня ждет работа в Тредфорде, и мне хотелось бы выглядеть получше, когда я приду туда. – При последних словах я улыбнулся, радуясь тому, что сказал чистую правду.

– О, работа ждет? Тогда понятно, понятно... Лучше быть чистым и отдохнувшим. Вот в углу горшок с мылом, и не стесняйся – бери, сколько нужно.

Прежде чем он ушел, я попросил разрешения воспользоваться бритвой, потому что гордостью этой бани было зеркало. Хозяин был рад выполнить мою просьбу. Мальчик принес мне бритву и первое ведро горячей воды. К тому времени, когда он закончил наполнять ванну, я уже срезал большую часть своей бороды и ее можно было брить. Мальчик предложил за медяк выстирать мою одежду, и я очень обрадовался этому предложению. Он взял ее, сморщившись, и я понял, что от меня пахло гораздо хуже, чем я подозревал. По-видимому, сказался переход через болото.

Я долго отмокал в горячей ванне, куда налил жидкого мыла из горшка, и энергично тер себя мочалкой, прежде чем ополоснуться свежей водой. Пришлось дважды вымыть голову, чтобы пена стала белой, а не серой. Вода, оставшаяся в ванне, выглядела хуже, чем мутная речная. Я старался бриться медленно и порезался только дважды. Пригладив волосы и завязав их в хвост воина, я снова посмотрел в зеркало и обнаружил в нем лицо, которое едва узнал. Прошло много месяцев с тех пор, как я в последний раз видел себя в маленьком зеркальце Баррича. Лицо, которое смотрело на меня сейчас, было более худым, чем я ожидал, и выдающиеся скулы напоминали скулы Чивэла на портрете в Большом зале. Белая прядь волос надо лбом старила меня и напоминала о схватке с росомхой. Мой лоб и скулы потемнели от солнца, но там, где росла борода, лицо осталось бледным, так что нижняя часть шрама на щеке выглядела гораздо хуже верхней. На той части груди, которую я видел, сильнее, чем раньше, выдавались ребра. Мышцы тоже были, но жира не хватило бы даже на то, чтобы смазать сковородку, как сказала бы повариха Сара. Непрерывные путешествия и почти чисто мясная диета оставили свои следы.

С невеселой улыбкой я отвернулся от зеркала. Боязнь быть узнанным внезапно улетучилась. Я сам едва узнал себя.

Я переоделся в зимнюю одежду, чтобы подняться наверх, в свою комнату. Мальчик заверил меня, что он повесит мокрую рубашку и штаны у очага и утром вернет их сухими. Он проводил меня в мою комнату, пожелал спокойной ночи и оставил свечу.

В комнате почти не было мебели, но она выглядела достаточно чистой. В ней стояли четыре кровати, однако в эту ночь я был единственным постояльцем, за что был очень благодарен судьбе. Одно окно было открыто настежь, ни ставен, ни занавесок. Холодный ночной ветер с реки задувал в комнату. Я постоял некоторое время, глядя в темноту. Выше по реке горели огни Тредфорда. Это был большой город. Огни отмечали даже дорогу между Помом и Тредфордом. Очевидно, я находился в обжитых местах.

Это к лучшему, что я путешествую один, сказал я себе твердо и оттолкнул боль потери, которая теперь приходила при мысли о Ночном Волке. Свой узел с пожитками я запихнул под кровать. Одеяла на кровати были грубыми, но пахли свежестью, так же как и набитый соломой матрас. После нескольких месяцев сна на земле постель показалась мне почти такой же мягкой, как перина в Оленьем замке. Я задул свечу и лег, ожидая, что немедленно засну.

Но вскоре обнаружил, что лежу, глядя в темный потолок. Где-то далеко раздавались приглушенные расстоянием звуки праздника. Ближе слышались незнакомые теперь шорохи и трески здания и шаги в других комнатах трактира. Эти звуки настораживали меня сильнее, чем шум ветра, реки и деревьев, возле которых я спал раньше. Я боялся собственного племени больше, чем всех опасностей дикого мира.

Я подумал о Ночном Волке и о том, что же он делает этим вечером. Я попытался дотянуться до него, потом остановил себя. Завтра я пойду в Тредфорд, чтобы сделать то, в чем он мне не может помочь. Более того, теперь я нахожусь в таком месте, куда он все равно не может добраться. Если завтра все кончится хорошо, я отправлюсь в горы искать Верити. Тогда можно будет надеяться на то, что Ночной Волк вспомнит обо мне и придет. Но если я умру, лучше ему остаться там, где он есть, чтобы присоединиться к сородичам и жить собственной жизнью.

Прийти к такому заключению и убедиться в его правильности было нетрудно. Значительно труднее оказалось заставить себя следовать принятому решению. Зря я потратился на эту комнату. Если бы я провел ночь в пути, то отдохнул бы лучше. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким одиноким. Даже в подземелье Регала, перед лицом близкой смерти, я мог поговорить со своим волком. Но этой ночью я был один, замыслил убийство, которое даже не мог спланировать, и боялся, что Регала будет защищать круг Силы. Я не имел ни малейшего представления, насколько возросло мастерство учеников Галена за прошедшее время. Последняя мысль вызывала у меня озноб и дурноту, несмотря на то что стояла теплая летняя ночь. Я был твердо уверен в решении убить Регала, однако порой сомневался, что мое покушение увенчается успехом. С тех пор как я остался один, я вел себя не слишком умно. Ничего, завтра я все сделаю так, что Чейд сможет мною гордиться.

Стоило мне задуматься о круге Силы, я чувствовал тошнотворную уверенность в том, что выдал им свои планы. Пришел я сюда по собственной воле или это Уилл исподволь убедил меня, что мне следует броситься прямо в его объятия? Уилл прекрасно владеет Силой. Его прикосновения так коварны и вкрадчивы, что заметить их очень трудно. Внезапно мне захотелось потянуться Силой наружу, чтобы засечь его наблюдение. Потом я вдруг совершенно отчетливо понял, что это желание внушено мне Уиллом, вынуждавшим меня открыть ему свое сознание. Мои мысли носились по этому замкнутому кругу, и в конце концов я почти убедил себя, будто чувствую удовлетворение, с которым Уилл наблюдает за моими метаниями.

После полуночи я неожиданно заснул. Выбросив из головы все терзания, я ринулся в сон, как ныряльщик, вознамерившийся измерить самые темные глубины. Слишком поздно я понял, к чему это ведет. Я бы сопротивлялся, если бы мог вспомнить как. Но теперь вокруг меня

появились гобелены и трофеи, украшавшие Большой зал Замка-на-Песке, родовой крепости герцогов Бернса.

Огромные деревянные двери, распахнутые настежь, были пробиты тараном, который, выполнив свою ужасную работу, теперь валялся на пороге. Дым вился над знаменами и вымпелами прошлых побед. Повсюду лежали тела – бойцы Бернса пытались удержать поток пиратов, хлынувший в распахнутые дубовые створки дверей. В нескольких шагах от груды трупов все еще держался маленький, постоянно редеющий отряд защитников. В гуще битвы, рядом с младшими дочерьми, Целерити и Фейт, сражался герцог Браунди. У девушек были мечи, и они тщетно пытались защитить отца от натиска врагов. Обе сражались с мастерством и яростью, которых я не мог бы в них предположить. Они казались парой ястребов. Их лица были обрамлены короткими гладкими темными волосами, синие глаза прищурены в гримасе отвращения и ненависти. Браунди отказывался отступить под свирепым напором пиратов. Залитый чужой кровью, он стоял, широко расставив ноги, и размахивал боевым топором. На полу перед ним лежало тело его старшей дочери и наследницы. Меч прошел между ее плечом и шеей, разрубив ключицу и пронзив грудь. Она была мертва, но Браунди не отступал от ее тела. Слезы смешивались с кровью на его щеках. Грудь герцога вздымалась, как мехи, под распоротой рубахой. Он отбивался от двух пиратов, вооруженных мечами. Один из них был молодой человек, который не думал ни о чем, кроме как нанести Браунди смертельный удар. Второй, напротив, был хитер. Он выжидал, почти не вмешиваясь в схватку. Его длинный меч готов был ударить, как только натиск его товарища заставит герцога открыться.

Я понял все это за долю секунды, как понял и то, что Браунди долго не продержится. Он уже был не так ловок, и сжимавшие топор руки слабели с каждой секундой. Каждый вдох был пыткой для его пересохшего горла. Он был старым человеком и знал, что, даже если ему и дочерям удастся уцелеть в этой битве, Бернс все равно будет захвачен пиратами. Сердце мое разрывалось при виде его отчаяния, но он все-таки сделал один невозможный шаг вперед и опустил свой топор, покончив с молодым человеком. В то мгновение, когда его топор погрузился в грудь врага, второй пират шагнул вперед, воспользовавшись секундной заминкой, и вонзил меч в грудь Браунди. Вслед за умирающим врагом старик упал на пол, на окровавленные ступени своего замка.

Целерити, занятая собственным противником, резко повернулась, услышав крик отчаяния сестры. Пират, с которым она сражалась, воспользовался представившейся возможностью. Его тяжелый меч ударил по ее легкому клинку и выбил оружие из рук девушки. Она попятилась от свирепо-восторженной улыбки пирата, отвернулась от собственной смерти – и как раз успела увидеть, как убийца ее отца схватил Браунди за волосы, собираясь отрезать его голову в качестве трофея.

Я не мог этого вынести.

Я протянул руку за выпавшим у Браунди топором и схватил его скользкую от крови рукоять, как будто это была рука старого друга. Топор казался странно тяжелым, но я взмахнул им и отбил удар пирата с такой силой, что собственный меч ударил его в лицо. Баррич мог бы гордиться мной. Я слегка содрогнулся, услышав, как затрещали кости лица моего врага. Но времени на раздумья не было. Я прыгнул вперед и отсек руку человеку, собиравшемуся отрубить голову моего отца. Топор зазвенел о каменные плиты пола, и я вздрогнул от отдачи. Кровь брызнула на меня, когда меч Фейт ударил по руке ее противника ниже локтя. Пират возвышался надо мной, так что я перекувырнулся через голову и, вскочив на ноги, вспорол ему живот топором. Островитянин уронил оружие и повалился на пол, скорчившись и пытаясь рукой удержать свои внутренности.

На миг битва приостановилась вокруг нас, все замерли. Фейт смотрела на меня с удивлением, которое быстро сменилось триумфом и невыносимой болью.

– Мы не можем позволить им забрать тела, – заявила она внезапно и вскинула голову. Ее короткие волосы разлетелись, как грива боевого жеребца. – Солдаты Бернса, ко мне! – воскликнула она, и нельзя было не подчиниться ее приказу.

Я взглянул на Фейт, но перед глазами у меня все плыло и двоилось. Я смутно слышал, как Целерити говорит старшей сестре:

– Многие лета герцогине Бернса!

Я заметил, какими взглядами они при этом обменялись. Ни одна из дочерей герцога не надеялась пережить этот день. Потом кучка воинов Бернса вырвалась из битвы, чтобы присоединиться к ним.

– Мой отец и моя сестра. Унесите их тела! – приказала Фейт двоим из них. – Остальные ко мне.

Целерити с удивлением посмотрела на тяжелый топор в своих руках и нагнулась, чтобы поднять привычный легкий клинок.

– Туда, мы нужны там! – крикнула Фейт, и Целерити побежала вслед за ней, чтобы прикрыть отступление.

Я смотрел, как уходит Целерити, женщина, которую я не любил, но которую всегда буду уважать. Всем сердцем я хотел отправиться вслед за ней, но не мог удержать перед глазами эту сцену. Все стало темным и смутным. Кто-то схватил меня.

Это было глупо.

В голосе, который раздался в моем сознании, звучало удовлетворение. Уилл, в отчаянии подумал я, и сердце мое упало.

Нет. Но вполне мог бы быть и он. Ты становишься беспечным и забываешь о защите, Фитц. Этого ты себе позволить не можешь. Как бы они нас ни звали, ты обязан соблюдать осторожность. Верити толкнул меня, и я снова ощутил собственную плоть.

– Но вы же это делаете, – возразил я и услышал только слабый звук собственного голоса.

Я открыл глаза. За единственным окном было темно. Может быть, прошли мгновения, может быть – часы, я не знал, но был безмерно благодарен судьбе за то, что у меня еще есть время для сна, потому что от усталости не мог пошевелить и пальцем.

Проснувшись следующим утром, я не сразу понял, где нахожусь. Я очень давно не просыпался в постели, и даже запах собственного чистого тела показался мне незнакомым. Я заставил себя сфокусировать взгляд на сучках в потолочной балке. Через некоторое время все встало на свои места: я в трактире, недалеко от Тредфорда – и Регала. Почти в ту же секунду я вспомнил о гибели герцога Браунди, и сердце бешено заколотилось в груди. Я зажмурился, защищаясь от воспоминания об этой битве, и голова у меня тут же запульсировала от боли. На мгновение меня охватила злость на Регала: это он был во всем виноват, это он был причиной трагедии, разбившей мое сердце и оставившей меня дрожащим и ослабевшим. Я надеялся этим утром проснуться сильным, отдохнувшим и готовым убивать, а проснулся настолько разбитым, что едва мог повернуться на другой бок.

Через некоторое время появился мальчик трактирщика с моей одеждой. Я дал ему еще два медяка, и вскоре он принес мне поднос. Вид и запах миски с кашей вызвали во мне отвращение. Теперь я понял, на что всегда жаловался Верити в летнее время, когда он при помощи Силы не подпускал пиратов к нашим берегам. Единственное, что заинтересовало меня на подносе, – это кружка и котелок с горячей водой. Я выбрался из постели, сел на корточки и вытащил из-под кровати мой сверток. Перед глазами у меня мельтешили цветные пятна. К тому времени, когда я раскрыл сверток и нашел эльфийскую кору, я дышал тяжело, как после долгого бега. Мне понадобились все мои силы, чтобы, невзирая на разбитость, собраться с мыслями. Подгоняемый пульсирующей головной болью, я накрошил в кружку побольше коры – почти столько же, сколько Чейд давал Верити. Все время с тех пор, как волк оставил меня, я

страдал от снов Силы. Как бы я ни укреплял свои стены, это не помогало. Но сон прошлой ночи был самым страшным за долгое время. Должно быть, дело было в том, что я делал руками Целерити. Эти сны страшно истощали меня физически и душевно, и запасы эльфийской коры катастрофически уменьшались. Я нетерпеливо смотрел, как кора окрашивает кипящую воду. Как только я перестал видеть дно кружки, я поднял ее и выпил. Горечь почти лишила меня дара речи, но я снова залил лежащую на дне кружки кору водой.

Эту вторую, менее крепкую порцию я выпил медленнее, сидя на краю кровати и глядя в окно. За окном простиралась плоская речная равнина. Я видел зеленые поля и стада молочных коров на огражденных пастбищах вокруг Пома, а еще дальше я заметил дымки, поднимающиеся от маленьких ферм, расположенных вдоль дороги. Никаких болот, никаких диких открытых пространств между мной и Регалом. Теперь я буду путешествовать как человек.

Головная боль стала утихать. Я заставил себя съесть остывшую кашу, не обращая внимания на отчаянные возражения моего желудка. За еду уплачено, и мне необходимо восстановить силы. Я переоделся в чистую одежду, которую вернул мне мальчик. Она действительно была выстирана на совесть, но больше ничего хорошего о ней нельзя было сказать. Обтрепанная рубашка сильно выгорела на солнце, гамаша протерлась на коленях и стали мне малы. Засунув ноги в самодельные сапоги, я вдруг понял, какими жалкими они были. Я так давно не задумывался о том, как выгляжу в глазах других, что теперь испытал потрясение, обнаружив себя одетым беднее любого баккипского нищего. Неудивительно, что минувшим вечером люди смотрели на меня с жалостью и отвращением. На их месте я чувствовал бы то же самое по отношению к такому оборванцу.

Мысль о том, чтобы спуститься вниз в столь жалком виде, заставила меня поежиться. Я мог бы переодеться в теплые вещи, которые взял с собой в дорогу, но тогда придется потеть весь день. Здравый смысл требовал ничего не менять, хоть я и чувствовал себя настоящим посмешищем. Торопливо перепаковывая свои пожитки, я встревожился, обнаружив, сколько эльфийской коры использовал на одну порцию. Я чувствовал себя бодрым, не более того. Год назад такое количество коры заставило бы меня бегать по стенам. Я твердо сказал себе, что, как и с драной одеждой, у меня нет никакого выбора. Сны Силы не оставят меня в покое, и у меня нет времени отлеживаться, не говоря уж о том, что у меня нет денег, чтобы платить за комнату в трактире и еду. Тем не менее, когда я закинул на плечо сверток и стал спускаться по лестнице, я решил, что день начинается плохо. Смерть Браунди, битва с пиратами, наряд огородного пугала и костыль эльфийской коры – все это повергло меня в глубочайшую тоску и совершенно лишило присутствия духа.

Какие у меня шансы пройти мимо стражников Регала и покончить с ним?

Хандра, как сказал мне однажды Баррич, это одно из последствий приема эльфийской коры. Она-то и дожимала меня. Вот и все.

Я попрощался с трактирщиком, и он пожелал мне удачи. Солнце уже поднялось высоко и обещало еще один хороший день. Я двинулся к Тредфорду ровным походным шагом.

Подойдя к пригородам, я увидел нечто крайне неприятное. Там стояли две виселицы, и на каждой из них болталось тело. Это само по себе было достаточно гнусно, но, кроме виселиц, я увидел и другие постройки. Позорный столб и пара колодок. Дерево еще не выгорело на солнце, значит он был сооружен совсем недавно, но, судя по его виду, им часто пользовались. Я быстро прошел мимо столба, но не мог не вспомнить, как близко я был к тому, чтобы заслужить одно из этих наказаний. Меня спасли только королевская кровь и древний закон, согласно которому человек с такой кровью в жилах не может быть повешен. Я вспомнил также, с каким удовольствием Регал наблюдал за моим избиением.

Я снова с дрожью подумал о Чейде. Я не сомневался в том, что, если солдатам удастся поймать его, Регал быстро покончит с ним. Против моей воли воображение нарисовало страш-

ную картину: как он будет стоять на эшафоте под яркими лучами солнца – высокий, тощий и седой.

Или его смерть будет быстрой?

Я тряхнул головой, отбрасывая эти мысли, и прошел мимо тел, болтавшихся на веревках, как забытое на солнце белье. Какая-то часть меня мрачно заметила, что даже эти несчастные одеты лучше меня.

Мне часто приходилось сходить на обочину, чтобы дать дорогу стадам и повозкам. Между этими двумя городами процветала торговля. Я оставил Пом позади и некоторое время шел мимо ухоженных фермерских домов, окруженных садами и полями. Немного дальше уже появились загородные дома: удобные каменные строения с цветниками и тенистыми деревьями вокруг крепких амбаров. На пастбищах возле них паслись породистые охотничьи лошади. Несколько раз я узнавал коней из Оленьего замка. Потом потянулись огромные поля, засеянные льном или коноплей. Наконец я увидел более скромные здания городских окраин.

Вечер застал меня в центре города. Улицы были вымощены булыжником, по ним все время сновали люди. Я удивленно таращился по сторонам. Мне никогда не доводилось видеть таких городов, как Тредфорд. Тут было множество лавок, таверн, трактиров и конюшен для кошельков любой тяжести, и все это раскинулось на равнине – ничего подобного нельзя было увидеть ни в одном городе Бакка. Я забрел в какой-то район города, где были сады, фонтаны, храмы, театры и школы. Дорожки в садах были посыпаны галькой и вились между растениями, статуями и деревьями. Люди, гулявшие по дорожкам или ехавшие в каретах и верхом, носили столь роскошные наряды, что вполне могли бы принять участие в любом из официальных приемов в Оленьем замке. Некоторые были одеты в коричневые с золотом цвета Фарроу – я понял, что это слуги. Но даже их костюмы были добротнее и богаче чем все, что мне когда-либо приходилось носить.

В детстве Регал постоянно отправлялся на отдых сюда, в Тредфорд. Он всегда презирал Баккип и говорил, что этот город ничем не лучше грязной деревушки. Я пытался вообразить мальчика, покидавшего все это осенью, чтобы вернуться в продуваемый сквозняками замок на залитой дождем скале над неряшливым портовым городком. Ничего удивительного, что он при первой же возможности переехал сюда и перевез свой двор. Я вдруг обнаружил, что начинаю понимать Регала. Это меня рассердило. Хорошо знать человека, которого собираешься убить, – необходимо. Но понимать его ни к чему. Я напомнил себе, что он убил собственного отца, моего короля, и это придало мне решимости.

Блуждая по процветающим кварталам Тредфорда, я привлек к себе не один сочувственный взгляд. Если бы я собирался податься в городские попрошайки, то преуспел бы. Но я искал более скромные кварталы, где бы можно было услышать какие-нибудь разговоры о Регале, о том, как все устроено в его замке и сколько там людей. Я пошел вниз к реке, ожидая найти более привычное общество. Там я обнаружил настоящую причину возникновения Тредфорда. Река намыла здесь огромные мели, которые возвышались над покрытым галькой дном. Она разлилась так широко, что противоположный берег терялся в дымке. Казалось, вода доходит до самого горизонта. Я видел, как через реку переправляют вброд целые стада овец и свиней, а ниже по течению, где глубина была больше, сновали от берега к берегу плоскодонные баржи, перевозя разные товары. Здесь Тилт и Фарроу обменивались богатствами садов, пастбищ и полей. Сюда прибывали товары из Бакка, Бернса и дальних стран и доставлялись аристократам, у которых хватало на них денег. В лучшие дни в Тредфорд приходили также янтарь, богатые меха, резная слоновая кость из Горного Королевства и редкая кора для курения из Дождевых чащоб. Сюда привозили лен, чтобы делать из него тонкое полотно, которым славилось герцогство Фарроу, и коноплю, чтобы вить веревки и ткать парусину.

Мне предложили поработать несколько часов, разгружая мешки с зерном с небольшой баржи в телегу. Я согласился – не столько ради нескольких медяков, сколько для того, чтобы

послушать разговоры. Но мне мало что удалось узнать. Никто не говорил о красных кораблях или о войне, шедшей у побережья, разве что мимоходом, жалуясь на низкое качество береговых товаров и высокие цены. Люди предпочитали не сплетничать о короле Регале, и из того немногого, что мне удалось узнать о нем, я понял, как жители Тредфорда гордятся его привлекательностью для женщин и умением пить. Я был ошеломлен, услышав, когда его называли королем Маунтвельским – по династии его матери. Потом я решил, что меня как раз очень устраивает, что Регал больше не именуется Видящим. Еще чуть меньше общего между нами.

Зато было много разговоров о Королевском Круге, и от того, что я услышал, мне стало нехорошо.

По давней традиции в Шести Герцогствах человек мог защитить свою честь в поединке. В Баккипе такие поединки проходили в круге огромных Камней-Свидетелей. Говорили, что, когда два человека встречаются там, чтобы разрешить спор при помощи кулаков, Эль и Эда видят их и следят за тем, чтобы восторжествовала справедливость и свершилось правосудие. И камни, и обычай очень древние. Под королевским правосудием в Баккипе чаще всего подразумевалась тихая работа, которую делали для короля Шрюда мы с Чейдом. Некоторые приходили, чтобы публично обратиться к самому королю Шрюду и попросить его рассудить их по справедливости. Но бывали случаи, когда королю становилось известно о беззакониях, и тогда он посылал Чейда или меня, чтобы тихо исполнить его волю в отношении преступника. Именно королевского правосудия я нес смерть милостиво быструю или беспощадно медленную. Мне следовало бы привыкнуть к смерти.

Но Королевский Круг Регала задумывался больше для потехи, чем ради правосудия. Идея была проста. Тех, кого король считал заслуживающими наказания или смерти, присылали в его Круг. Они могли сразиться с разъяренными и оголодавшими зверями или с бойцом, королевским чемпионом. Те из осужденных, кому удавалось устроить хорошее представление, могли заслужить королевское помилование или даже стать королевским чемпионом. У «перекованных» таких шансов не было. Их бросали на съедение зверям или морили голодом и науськивали на преступников. Подобные судилища стали настолько популярными, что толпы зрителей перестали помещаться на рыночной площади в Тредфорде, где вершилось «правосудие». Теперь Регал соорудил специальную арену. Для удобства она располагалась поближе к королевскому дворцу. Там были предусмотрены подземные клетки и высокие стены для того, чтобы животные и пленники не могли вырваться, и трибуны для зрителей. Постройка Королевского Круга дала Тредфорду новые рабочие места и стала двигателем торговли. Все считали, что это очень кстати, учитывая прекращение торговли с Горным Королевством. Я не встречал никого, кому бы не нравилась эта затея короля.

Закончив работу, я получил свою плату и вместе с прочими грузчиками отправился в ближайшую таверну. Там, вдобавок к элю и пиву, можно было купить щепотку трав и поставить на стол курильницу. Воздух в таверне был густым от дыма, и глаза мои скоро стали слипаться, а в горле защипало. Никто другой не обращал на дым никакого внимания. По-видимому, он не действовал ни на кого, кроме меня. В Баккипе никогда не курили наркотических трав, и я с трудом выносил их запах. На заработанные деньги я купил порцию медового пудинга и кружку очень горького эля, который, как мне показалось, был сильно разбавлен речной водой.

Я спросил нескольких человек, правда ли, что в конюшнях короля набирают подручных, и если так, где можно попытаться устроиться на эту работу. То, что такой оборванец, как я, размечтался поступить на королевскую службу, позабавило их, но я выслушал грубые шутки с вежливой улыбкой. Наконец один весельчак посоветовал мне пойти и спросить самого короля, показав мне, в каком направлении находится королевский дворец. Я поблагодарил его, допил остатки пива и вышел.

Я ожидал увидеть массивное каменное сооружение, окруженное мощными укреплениями. Чего-то подобного я и искал, следуя в указанном направлении, вверх по реке. Но эта

дорога привела меня к низкому холму, с которого открывался хороший вид на реку, и прекрасные каменные здания на нем в полной мере использовали это преимущество. Я стоял на оживленной дороге у подножия возвышенности, только что не разинув рот от удивления. Во дворце не было ничего от воинственной неприступности Оленьего замка. Напротив, покрытые белым гравием дорожки, сад и деревья окружали одновременно величественный и приветливый дом. Дворец Тредфорда и окружающие его здания никогда не использовались в качестве военной крепости. Он был построен как элегантная и дорогая королевская резиденция. Камень был украшен резьбой, входы сделаны в виде изящных арок. Башни тут были, но без бойниц. Очевидно, они воздвигались для того, чтобы любоваться окрестностями, а не для наблюдения за подходами к дворцу.

Низкие и толстые каменные стены между оживленной общей дорогой и особняком были покрыты мхом и увиты плющом. В обрамленных цветущими лозами нишах стояли статуи. Одна широкая проезжая дорога вела напрямиком к дворцу. Другие, более узкие, дорожки манили подойти поближе к прудам с лилиями, искусно подрезанным деревьям и тенистым рощам. Для каких-то мечтателей садовники посадили здесь дубы и ивы – по меньшей мере лет сто назад. Теперь деревья тихо перешептывались под легким речным ветерком. Королевские владения занимали больше места, чем хорошая ферма. Я попытался вообразить правителя, у которого было время и средства, чтобы создать такую красоту.

Вот что можно иметь, если тебе не нужны военные корабли и боеспособные армии. Видела ли Пейшенс что-нибудь подобное в доме своих родителей? Это ли пытался повторить шут в изящных вазах с цветами и мисках с серебряными рыбками в своей комнате? Я чувствовал себя неотесанным деревенщиной – и дело было вовсе не в моем наряде. Внезапно я подумал, что именно так должен жить король. Среди искусства, музыки и изящества, поднимая до этого уровня жизнь своего народа. Я вдруг увидел собственное невежество и, хуже того, убожество человека, обученного только убивать. И одновременно меня охватил гнев. Разве Регал и его мать не приложили к этому руку, делая все, чтобы бастард помнил свое место? Я был безобразным функциональным орудием, так же как угловатый и безыскусный Олений замок был крепостью, а не дворцом.

Но сколько красоты уцелеет здесь, если Олений замок больше не будет стоять, как сторожевой пес, в устье Оленьей реки?

Мне в лицо как будто плеснули холодной водой. Это была правда. Олений замок был построен именно затем, чтобы контролировать речную торговлю. Если он сдастся пиратам, наши широкие реки станут отличной дорогой для их легких судов. Красные корабли, как кинжал, вонзятся в мягкое брюхо Шести Герцогств. Эта ленивая знать и нахальные фермерские парни проснутся ночью от криков и дыма, и у них не будет замка, куда можно бежать, и солдат, которые станут сражаться за них. Тогда они поймут, что вынесли другие во имя их безопасности, и, возможно, восстанут против короля, который оставил свои крепости, чтобы бежать внутрь страны и предаваться уладам.

Но я хотел, чтобы этот король умер раньше. Я начал медленно обходить стены королевской резиденции. Самый легкий способ попасть внутрь должен быть к тому же и самым незаметным. Кроме того, следовало обдумать пути к отступлению. До прихода ночи я должен выяснить все, что смогу, о дворце Тредфорда.

Глава 9 Убийца

Последним истинным мастером Силы, учившим в Оленьем замке детей королевской крови, был не Гален, как часто пишут, а его предшественница, Солисити. Возможно, она слишком долго ждала, не решаясь выбрать того, кто станет ее преемником. Ее выбор пал на Галена, когда она уже страдала чахоткой, которая в скором времени свела ее в могилу. Некоторые говорят, что Солисити назвала его имя в отчаянии, зная, что умирает, и не найдя никого лучше. Другие утверждают, что это решение было навязано ей королевой Дизайер, которая желала видеть своего любимца при дворе. Как бы то ни было, Гален стал помощником Солисити и пробыл им меньше двух лет, потом мастер Силы скончалась. Поскольку его предшественники ходили в учениках около семи лет, было довольно странно, что Гален объявил себя мастером Силы сразу после смерти наставницы. Едва ли она успела передать ему все свои знания за такое короткое время. Никто, однако, не посмел возразить. Хотя Гален лишь помогал Солисити в обучении двух принцев, Верити и Чивэла, после ее смерти он заявил, что их обучение полностью завершено. Впоследствии он противился предложениям набрать новых учеников. Так продолжалось до начала войны красных кораблей, когда Гален наконец подчинился требованиям короля Шрюда и создал свой первый и единственный круг магов Силы.

В отличие от традиционных кругов Силы, в которых все решали их члены, самостоятельно выбирая, кому войти в круг, кому нет и кто станет главой, Гален организовал свою группу из отобранных только им учеников и в течение всей жизни сохранял полный контроль над ними. Август, официальный глава круга, лишился способности к Силе вследствие несчастья, случившегося, когда он выполнял при помощи этой магии важную миссию в Горном Королевстве. Сирен, захватившая лидерство уже после смерти Галена, погибла вместе с другим членом круга, Джастином, во время бунта, последовавшего за убийством короля Шрюда. Место главы так называемого круга Галена занял Уилл. К тому времени членов круга осталось только трое: сам Уилл, Барл и Каррод. По-видимому, Гален внушил всем ученикам безоговорочную преданность Регалу, но это не предотвратило соперничества между ними за милость их короля.

К тому времени, как сгустились сумерки, я исследовал внешнюю часть королевского имени довольно подробно. Я обнаружил, что кто угодно может ходить по нижним дорожкам, наслаждаясь видом фонтанов и садов, тисовой изгороди и орешника, и встретил довольно много людей в хорошей одежде, которые прогуливались там. Большинство смотрело на меня со строгим неодобрением, некоторые с жалостью, а стражник в ливрее твердо напомнил мне, что в королевские сады не допускают нищих. Я заверил его, что пришел только взглянуть на чудесные места, рассказы о которых так часто слышал. В свою очередь он предположил, что рассказов более чем достаточно для такого, как я, и указал мне самый прямой путь к выходу. Я очень вежливо поблагодарил его и пошел прочь. Он стоял, наблюдая, как я ухожу, пока дорога не привела меня к концу живой изгороди и я не скрылся из виду.

Мой следующий набег был более осторожным. Я хотел было подстеречь одного из юных аристократов, расхаживающих среди цветов и травяных бордюров, и воспользоваться его одеждой, но потом решил, что этого делать не стоит. Вряд ли я нашел бы кого-нибудь такого тощего, чтобы его одежда хорошо сидела на мне, а кроме того, модное платье, которое они носили, требовало сложной шнуровки ярко раскрашенными ленточками. Я сомневался, что смогу влезть в какую-нибудь из этих рубашек без посторонней помощи, не говоря уж о том, чтобы содрать ее

с лежащего без сознания человека. Да и звенящие серебряные безделушки, вшитые в болтающиеся шнуры у рукавов, – не лучшая подмога в тихой работе убийцы. Так что я положился на густую растительность вдоль стен в качестве укрытия и крадучись поднялся на холм. Наконец я наткнулся на стену из гладко отшлифованного камня, которая окружала вершину холма. Подпрыгнув, высокий человек мог бы дотянуться до ее края. Вряд ли она строилась как серьезная преграда. Вдоль стены тянулась полоса голой земли, но старые пни и корни говорили о том, что когда-то здесь росли кусты и вился плющ. Я подумал: не Регал ли приказал расчистить землю? За стеной виднелись верхушки многочисленных деревьев, и я решил, что могу рассчитывать на их прикрытие.

Большую часть второй половины дня я обходил стену, избегая открытых мест. В ней было несколько ворот. У одних, главных, стояли стражники в мундирах, приветствующие подъезжающие кареты с людьми. Судя по количеству прибывающих экипажей, вечером затевался какой-то праздник. Один стражник повернулся и хрипло рассмеялся. Волосы у меня на голове встали дыбом. Я застыл в своем убежище. Видел ли я это лицо раньше? Трудно было сказать точно с такого расстояния, но сама мысль об этом пробудила во мне странную смесь страха и ярости. «Регал, – напомнил я себе. – Моя цель – Регал». Я двинулся дальше.

У более скромных ворот для слуг и торговцев тоже стояли стражники, но на их одежде было значительно меньше кружев. Они подвергали допросу с пристрастием каждого мужчину или женщину, которые хотели войти или выйти из замка. Будь мой наряд чуть лучше, я бы рискнул изобразить слугу, но в лохмотьях нищего об этом нечего было и думать. Так что я встал в незаметном для стражников месте и принялся просить милостыню у торгового люда. Я делал это без слов, просто протягивал к ним сложенные чашечкой руки с молящим выражением на лице. Большинство из них вели себя так, как обычно ведут себя люди, когда встречаются с нищим. Они не обращали на меня внимания и продолжали беседовать. Таким образом мне удалось выяснить, что сегодня ночь Пурпурного бала и на праздник приехали музыканты и фокусники. Что король теперь больше любит курения из почек черешни, чем из гашиша, и очень рассержен качеством желтого шелка, который привез ему некий Фестро. Он грозился выпороть торговца за то, что тот посмел принести королю такую дрянь. Это прощальный бал короля, потому что на следующий день он намерен отправиться в Янтарный дворец на Винной реке навестить своего дорогого друга леди Целесту. Кроме этого, я слышал множество других новостей, но мало что из них было связано с моей целью. Я закончил попрошайничать, унося с собой пригоршню медяков.

Я вернулся в Тредфорд и направился на улицу, на которой были расположены лавочки портных. У задней двери магазина Фестро я увидел подмастерье, подметающего улицу. Я дал ему пару медяков за несколько полосок желтого шелка различных оттенков. Потом я нашел самый скромный магазин, в котором всех моих денег хватило только на то, чтобы купить свободные штаны, холщовую блузу и головной платок, какие носят подмастерья. Здесь же я переоделся, заплел волосы в косицу и прикрыл ее платком, вычистил сапоги и вышел из магазина совершенно другим человеком. Мой меч теперь был спрятан внутри штанов. Вышло не слишком удобно, но оружие могло остаться незамеченным, если я буду прихрамывать. Мою старую одежду и поклажу, за исключением ядов, я спрятал в зарослях крапивы за крайне вонючей уборной во дворе таверны.

Больше я не позволил себе оттягивать неизбежное. Я отправился прямо к торговым воротам и встал в ряд с остальными визитерами, ждущими пропуска. Сердце мое бешено колотилось, но внешне я оставался совершенно спокоен. Я ждал, разглядывая то, что удавалось увидеть за стеной сквозь деревья. Дворец был огромен. Раньше я был потрясен тем, что так много пахотной земли отдано на декоративные сады и дорожки. Теперь я видел, что парк был попросту оправой для особняка, который был выстроен в абсолютно незнакомом мне стиле. Ничто в нем не напоминало о крепости или замке. Это был только комфортный и элегантный

дворец. Когда наступил мой черед, я показал свои образцы ткани и сказал, что Фестро просил принести извинения и прислал шелк, который, как он надеялся, больше понравится королю. Когда один угрюмый стражник заметил, что Фестро обычно приходит сам, я довольно сердито заявил, что хозяин считает мой зад более подходящим для порки, на случай если и эти образцы не понравятся королю. Стражники обменялись ухмылками и пропустили меня.

Я поспешно зашагал вверх по тропе и пристроился в хвосте группы музыкантов, прошедших передо мной. За ними я проследовал к задней части дворца. Пока музыканты получали распоряжения, я замешкался, чтобы перестегнуть сапог, и выпрямился как раз вовремя, чтобы войти вслед за ними. Я очутился в маленьком вестибюле, прохладном и темном после тепла и света вечернего солнца. Менестрели переговаривались и смеялись, торопясь вперед. Я замедлил шаг и отстал. Дойдя до открытой двери, я вошел в пустую комнату и тихо закрыл дверь за собой. Потом глубоко вздохнул и огляделся.

Это была небольшая гостиная. Мебель в ней стояла обшарпанная и плохо подобранная, и я решил, что эта комната предназначена для слуг или проходящих ремесленников. Вряд ли я долго пробуду здесь в одиночестве. Однако вдоль стены стояло несколько больших буфетов. Я выбрал тот, который нельзя увидеть от двери, если она вдруг распахнется, и быстро переставил содержимое полок, чтобы залезть туда. Оставив дверцу приоткрытой, чтобы у меня было немного света, я принялся за работу: проверил и разложил пузырьки и пакеты с ядами, затем обработал ядом и мой маленький нож, и острие меча, потом осторожно вложил их в ножны. Я перевязал меч, чтобы он оказался снаружи штанов. После этого я устроился поудобнее и стал ждать.

Казалось, прошло много дней, прежде чем сумерки сменились полной темнотой. Дважды в комнату ненадолго заходили люди, но по их разговорам я понял, что все до одного слуги заняты приготовлениями к сегодняшнему пиршеству. Я коротал время, воображая, как Регал будет убивать меня, если поймает. За такими мыслями я несколько раз едва не терял мужество, но напоминал себе, что, если я откажусь от своей затеи, мне придется вечно жить с этим страхом. Поэтому я решил подготовиться. Если Регал здесь, его круг, безусловно, где-то поблизости. Я тщательно проделал все упражнения, чтобы защитить разум от чужой Силы, как научил меня Верити. Мне ужасно хотелось прощупать дворец легким прикосновением, чтобы узнать, почувствую ли я присутствие учеников Галена, но я удержался. Вряд ли я дотянусь до них, не выдав себя. И даже если я отыщу их, это не будет означать ничего нового. Лучше сконцентрироваться на собственной защите. Я не позволял себе думать о том, что собираюсь сделать, чтобы они не уловили эхо моих мыслей. Когда наконец небо за окном стало совершенно темным, я рискнул покинуть свое убежище и выйти в коридор.

Ночь была полна музыки. Регал и его гости веселились на празднике. На мгновение я прислушался к слабым звукам знакомой песни о двух сестрах, одна из которых утопила другую. Еще в этой песне рассказывалось об арфе, играющей сама по себе, и менестреле, нашедшем труп женщины и решившем сделать арфу из грудной кости убитой. Потом я выкинул это из головы и сосредоточился на делах.

Я был в простом коридоре с каменным полом и деревянными панелями на стенах, освещенном расположенными на большом расстоянии факелами. Территория слуг, решил я. Это место недостаточно хорошо для Регала и его друзей. Однако это не означало, что тут мне ничего не грозит. Нужно было найти черную лестницу и добраться до второго этажа. Крадучись, я шел от двери к двери, останавливаясь и прислушиваясь у каждой из них. Дважды я слышал какие-то звуки: в одной комнате – женские голоса, в другой – щелканье ткацкого станка. Двери в тихие комнаты, которые не были заперты, я тихонько приоткрывал. По большей части это были мастерские ткачих и портних. В одной из них на столе был разложен раскроенный костюм из хорошей синей ткани, оставалось только сшить его. Похоже, Регал по-прежнему неровно дышит к пышным нарядам.

Я дошел до конца коридора и заглянул за угол. Там тянулся еще один коридор, гораздо красивее и шире. Оштукатуренный потолок был расписан листьями папоротника. Я двинулся дальше, подслушивая под дверями и осторожно заглядывая в тихие комнаты. Уже ближе, сказал я себе. Я нашел библиотеку, в которой было больше книг и свитков тонкого пергамента, чем мне доводилось видеть, и задержался в одной из комнат, где в причудливых клетках дремали ярко раскрашенные птицы. В глыбах белого мрамора были устроены пруды с водяными лилиями и мечущимися рыбками. Вокруг игровых столов были расставлены скамейки и кресла с мягкими подушками. На маленьких столиках из вишневого дерева стояли курильницы. Я никогда не мог даже вообразить такой комнаты.

Наконец я дошел до нужного коридора с портретами в рамах, висевшими вдоль стен, и полом из блестящего черного сланца. Я попятился, заметив стражника, и бесшумно стоял в алькове, пока он не протопал устало мимо меня. Тогда я выскользнул наружу и промчался мимо надутых кавалеров и с трудом сдерживающих смех леди в роскошных рамах.

Я вышел в переднюю. На стене висели гобелены, повсюду стояли маленькие столики со статуями и вазы с цветами. Даже подфакельники были здесь более изысканными. По обе стороны разукрашенного камина висели маленькие портреты в позолоченных рамах. Стулья были поставлены близко друг к другу, как бы приготовленные для тихой интимной беседы. Музыка звучала громче, раздавались смех и голоса. Несмотря на поздний час, веселье продолжалось. В дальней стене были две высокие резные двери. Они вели в Большой зал, где танцевали и веселились Регал и его гости. Двое слуг в ливреях вышли из двери слева от меня, и я прошмыгнул обратно в коридор. Они несли подносы с разнообразными курильницами – должно быть, чтобы заменить те, содержимое которых уже выгорело. Я замер за углом, прислушиваясь к шагам и голосам. Слуги открыли высокие двери, музыка стала громче, и до моих ноздрей долетел запах наркотического дыма. Оба слуги были заняты тем, что прикрывали створки дверей с другой стороны. Я рискнул выглянуть еще раз. Передо мной все было чисто, но позади...

– Что ты здесь делаешь?

Сердце у меня ушло в пятки, но я изобразил кроткую ангельскую улыбку, поворачиваясь навстречу стражнику.

– Господин, я заблудился в этом огромном лабиринте, – пролепетал я.

– Да? Это не объясняет, почему ты носишь меч в королевском дворце. Все знают, что здесь оружие запрещено всем, кроме личной королевской стражи. Я видел, как ты тут шнырял. Думаешь, раз идет праздник, ты можешь просто проскользнуть сюда и наполнить свои карманы, ворюга?

Я стоял, охваченный ужасом, и смотрел, как он приближается ко мне. Глядя на убитое выражение моего лица, он наверняка решил, что разгадал мои планы. Верт не стал бы так улыбаться, если бы знал, что встретил человека, которого он помогал забить до смерти в подземельях Регала. Его рука небрежно лежала на рукояти меча, на лице цвела самодовольная ухмылка. Верт был высок и строен, волосы у него были светлые, как у многих уроженцев Фарроу. На его значке олень Видящих перепрыгивал через золотой дуб Фарроу. Итак, Регал изменил эмблему своих гвардейцев. Лучше бы он вообще убрал оленя.

Я замечал все эти мелочи и одновременно вспоминал, как меня хватили за шиворот и заставляли встать на ноги, чтобы снова ударить и свалить на пол. Это был не Болт, сломавший мне нос. Нет, это был Верт, который избивал меня после того, как Болт изувечил меня так, что я уже не мог стоять на ногах. Он нависал тогда надо мной, а я сжимался и пытался увернуться, уползти в сторону по холодному каменному полу, уже залитому моей кровью. Я помнил клятвы, которые он, смеясь, бормотал каждый раз, когда ему приходилось ставить меня на ноги, чтобы снова ударить.

– Клянусь грудью Эды! – пробормотал я, и с этими словами страх во мне умер.

– Ну-ка, посмотрим, что у тебя в кошельке, – потребовал он и подошел ближе.

Я не мог показать ему мои яды. Оправдаться было невозможно. Сколько бы лжи я ни наворотил, ускользнуть от этого человека не получится. Мне придется убить его.

Внезапно все оказалось очень просто. Мы были слишком близко от Большого зала, шуметь было нельзя. Поэтому я пятился, медленно, шаг за шагом, по широкой дуге, пока не оказался в передней. Портреты смотрели на нас, а я медленно отступал от высокого гвардейца.

– Стой! – приказал он, но я бешено затряс головой, изображая ужас и смятение. – Я сказал, стой! Ты, тощий воришка!

Я быстро оглянулся, потом снова затравленно посмотрел на него, словно набирался смелости, чтобы пуститься наутек. Когда я повторил это движение в третий раз, Верт прыгнул на меня.

На это я и рассчитывал. Я отступил вбок и с силой ударил локтем в его поясницу, повалив его на колени. При падении он глухо ударился о каменный пол и заорал без слов от ярости и боли. Верт был вне себя: какой-то мелкий воришка посмел поднять на него руку! Ударом ноги в челюсть я заставил его замолчать, так что его рот с треском захлопнулся. Я порадовался тому, что сегодня снова надел сапоги. Прежде чем Верт успел издать еще один звук, я выхватил нож и перерезал ему горло. Он потрясенно выдохнул и двумя руками тщетно попытался остановить теплую струю крови. Я стоял над ним, глядя ему в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.